

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Том 6 № 1
Volume 6 2020

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 6, №1. 2020

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 6, № 1. 2020

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Шаповалова И. С.*, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Лебедев С. Д.*, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: *Кисиленко А. В.*, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: *Ляшенко И. В.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское сотрудничество», Россия.

Вишневецкий Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сасунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Станова Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарин Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

EDITOR-IN-CHIEF: *Inna Shapovalova*, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Sergey Lebedev*, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: *Anastasey Kisilenko*, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: *Igor V. Lyashenko*, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Chernysh M.F. Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Czitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmman, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University, Jacobs, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryzanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Yuri Shmarin, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4/year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Гришаева Е. И., Бусыгин А. Г. Интернет в православном приходе: особенности взаимодействия православных пользователей с интернет-технологиями	3	Ekaterina Iv. Grishaeva, Aleksey G. Busygin The Internet in the Orthodox parish: peculiarities of interaction between Orthodox users and Internet technologies	3
Писаревский В. Г. Методология больших данных в изучении православных общин	16	Vasiliy G. Pisarevskiy Methodology of big data in studying orthodox communities	16

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

Аблажей А. М. «Господин профессор»: деградация роли и статуса преподавателя в предпринимательском университет	29	Anatoly M. Ablazhey “Mr. Professor”: the degradation of the role and status of a teacher in an entrepreneurial university	29
Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации	41	Olga Al. Basheva Digital activism as a new method of civil mobilization	41
Валиахметов Р. М., Туракаев М. С. Факторы формирования жизненного пути профессиональных династий	58	Rim M. Valiakhmetov, Marcel S. Turakayev Factors in developing life experience of professional dynasties	58
Иванов Д. В. Постглобализация, суперурбанизация и перспективы социального развития	72	Dmitry V. Ivanov Post-globalization, super-urbanization and prospects of social development	72

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Дятлов А. В., Ковалев В. В., Понамарев А. Б. Исторические предпосылки, содержание и опыт реализации института сити-менеджмента в США	80	Alexander V. Dyatlov, Vitaly V. Kovalev, Alexander B. Ponamarev Historical background, content and implementation experience of the city management institute in the USA	80
Пиньковецкая Ю. С. Возрастная дифференциация начинающих предпринимателей: международный компаративный анализ	91	Iuliia S. Pinkovetskaia The current distribution of the age starting business entrepreneurs	91
Ушаков Д. В. Измерение профессиональной самореализации молодых преподавателей	106	Dmitry V. Ushakov Estimating the young teachers' professional self-realization	106

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.472.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1

Гришаева Е. И.¹
Бусыгин А. Г.²

Интернет в православном приходе: особенности взаимодействия православных пользователей с интернет-технологиями

¹) Уральский Федеральный университет
пр. Ленина, 51, г. Екатеринбург, 620001, Россия
Ekaterina.grishaeva@urfu.ru
ORCID iD: 0000-0002-2913-2467

²) Уральский Федеральный университет
пр. Ленина, 51, г. Екатеринбург, 620001, Россия
Busygin.al2011@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-3841-1214

*Статья поступила 18 декабря 2019 г.; принята 15 марта 2020 г.;
опубликована 30 марта 2020 г.*

Аннотация. Цель данного исследования – выявление того, каким образом православные верующие в России взаимодействуют с интернетом для удовлетворения своих религиозных потребностей, и какие типы вознаграждений (gratifications) они получают в итоге. Теоретическим основанием стала теория использования и удовлетворения (U>, Uses and Gratification Theory). В сравнении с концепцией «медиа эффектов», которая рассматривает аудиторию как пассивного реципиента медиа сообщений, U> подчеркивает активность аудитории при выборе различных медиа и контента в зависимости от своих потребностей и интересов. Одним из ключевых понятий U> является «вознаграждение», который можно определить, как положительный опыт, который получают пользователи в результате целенаправленного использования интернет технологий. На основе анализа 15 полуструктурированных интервью с православными верующими г. Екатеринбурга, авторы выделили категории вознаграждений, которые получают православные верующие в результате взаимодействия с интернетом. Дана развернутая характеристика, как религиозные пользователи описывают вознаграждения. Было показано, что взаимодействие православных с интернетом мало отличается от опыта светских пользователей: интернет используется для получения информации, для поддержания связи с релевантными социальными группами, для самовыражения, для общения с другими, он делает пользователей более мобильными и позволяет виртуально присутствовать в «удаленных местах». Вместе с тем, есть и то, что отличает православных пользователей в их способе использования технических возможностей интернета. Интернет позволяет им формировать свое религиозное информационное пространство, поддерживать непрерывную связь с религиозным

сообществом, несмотря на занятость. Другими словами, интернет позволяет непрерывно инкорпорировать религиозный опыт внутрь секулярной повседневности.

Ключевые слова: Теория использования и удовлетворения; использование интернета религиозными сообществами; православие

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 19-011-00871 «Социальные медиа как фактор трансформации православия в современной России».

Информация для цитирования: Гришаева Е. И., Бусыгин А. Г. Интернет в православном приходе: особенности взаимодействия православных пользователей с интернет-технологиями // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 3-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1

Ekaterina Iv. Grishaeva¹
Aleksy G. Busygin²

The Internet in the Orthodox parish: peculiarities of interaction
between Orthodox users and Internet technologies

¹) Ural Federal University
51, Lenin Ave., Yekaterinburg, 620001, Russia
Ekaterina.grishaeva@urfu.ru
ORCID iD: 0000-0002-2913-2467

²) Ural Federal University
51, Lenin Ave., Yekaterinburg, 620001, Russia
Busygin.al2011@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-3841-1214

*Received December 18, 2019; accepted March 15, 2020;
published March 30, 2020*

Abstract. The study aims to identify how Orthodox believers in Russia interact with the Internet to satisfy their religious needs, and what types of gratifications they receive in the end. The *Uses and Gratification Theory* (U>) was the theoretical basis of the study. Compared with the concept of “media effects”, which considers the audience as a passive recipient of media messages, U> emphasizes the activity of the audience in choosing various media and content depending on their needs and interests. One of the key concepts of U> is “gratification”, which can be defined as the positive experience that users receive as a result of the targeted use of Internet technologies. Based on the analysis of 15 semi-structured interviews with Orthodox believers in Yekaterinburg, the authors have identified the categories of gratifications that Orthodox believers receive as a result of interacting with the Internet. A detailed description is given of how religious users describe gratifications. It was shown that the interaction of Orthodox Christians with the Internet differs little from the experience of secular users: the Internet is used to obtain information, to maintain communication with relevant social groups, to express oneself, to communicate with others, it makes users more mobile and allows them to be virtually present in “remote places”. At the same time, there is something that distinguishes Orthodox users in their way of using the technical capabilities of the Internet. The Internet allows them to

form their religious information space, to maintain continuous communication with the religious community, despite being busy. In other words, the Internet allows them to continuously incorporate religious experience into everyday secular life.

Keywords: Uses and Gratification Theory; use of digital media by religious communities; Orthodox Christianity

Information for citation: Grishaeva, E. I., Busygin, A. G. (2020), "The Internet in the Orthodox parish: peculiarities of interaction between Orthodox users and Internet technologies", *Research Result. Sociology and management*, 6(1), 3-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1

Введение (Introduction). Согласно Лорану Доусону (Dawson, 2000: 26), одной из важных целей исследования взаимодействия религии и цифровых медиа является «определение и измерение» того, каким образом религия присутствует в интернете; кто, как и для каких целей использует религиозный контент» (Dawson, 2000: 26). Это утверждение до сих пор сохраняет свою актуальность. Во-первых, не всем конфессиям было уделено равное внимание. В частности, использование интернет технологий в православном сообществе не было предметом систематического исследования, в отличие от католиков, протестантов, иудеев и буддистов. Во-вторых, быстрота проникновения интернет технологий в повседневность становится причиной того, что достаточно быстро меняется степень их принятия религиозным сообществом.

Это исследование помогает отчасти заполнить существующий пробел. Его целью является: выявить, каким образом православные верующие в России взаимодействуют с интернетом для удовлетворения своих религиозных потребностей, и какие типы вознаграждений (gratifications) они получают в итоге. Руководствуясь теорией использования и удовлетворения 2.0 (U> 2.0, Uses and gratification theory 2.0), под вознаграждениями мы понимаем положительный опыт, который получают пользователи в результате целенаправленного использования медиа. U> 2.0 определила следующую постановку задач нашего исследования:

1) какие возможности интернет технологий наиболее востребованы право-

славными для удовлетворения своих религиозных потребностей;

2) какое значение для православных имеют вознаграждения, которые они получают в результате взаимодействия с интернетом.

Важно отметить, что взаимодействие православных верующих с интернетом чаще всего фрагментарно: религиозно мотивированный пользователь в течение дня может использовать довольно большое число различных интернет ресурсов и может быстро переключаться между ними, например, с Фейсбука на Ютуб. По этой причине, мы решили рассмотреть взаимодействие православных с интернет технологиями в целом и использовали U> 2.0, разработанную американскими исследователями Сундаром и Лимперсом (Sundar, 2008; Sundar, Limperos, 2013; Jung, Sundar, 2018), т.к. этот подход позволил нам картировать возможные вознаграждения, получаемые от взаимодействия с интернетом.

Методология и методы (Methodology and methods). *Религиозные сообщества и интернет: история проблемы.* Появление интернета сопровождалось настороженным отношением к нему со стороны религиозных сообществ. В 2003 году Армфилд с коллегами (Armfield et al., 2003) выявил негативную корреляцию между религиозностью и частой использованием интернета: более религиозные люди более скептически относятся к интернету.

Вместе с тем, проникновение интернет технологий в различные сферы повседневности, своего рода их нормализация,

привела к тому, что даже наиболее консервативные религиозные сообщества начали использовать интернет. Сохраняя к нему настороженное отношение (например, критика сложности контролировать время, проведенное в интернете; доступности порнографии и другого недопустимого контента), они адаптировали некоторые его элементы под свои потребности (Barzilai, 2005; Campbell, 2010). Клювер и Чеонг, на основе качественных интервью с религиозными лидерами различных конфессий Сингапура (Kliver and Cheong 2007) констатируют, что скепсис в отношении интернета уходит на второй план по сравнению с предоставляемыми им возможностями. Религиозные сообщества воспринимают интернет как средство для расширения миссионерской деятельности, сохранение интереса к религии среди молодежи, а так для распространения религиозной информации среди членов общины. Ряд исследований вывел, что религиозный этос скорее стимулирует активное использование интернета, нежели препятствует ему. Миллер вместе с коллегами (Miller et al., 2013) зафиксировали, что такие религиозные ценности как интеграция в общину и забота об окружающих прямо пропорционально связано с использованием социальных сетей молодыми верующими американцами. Согласно опросу PEW (Pew Research Center: Religion and Public Life, 2014), чем чаще люди посещают богослужения, тем более склонны они участвовать в религиозной деятельности онлайн. Таким образом, широкое проникновение интернета в различные сферы повседневности сделало неизбежным его избирательное принятие религиозными сообществами.

Для того, чтобы теоретизировать освоение интернета консервативными религиозными сообществами, Барцилай и Барцилай-Нахон (Barzilai, 2005) вводят термин «култивирование технологий». Развивая этот подход, Кампбелл (Campbell, 2005; Campbell, 2010; Campbell, 2016) аргументирует, что характер и степень принятия интернета религиозными сообщества определяется их религиозными цен-

ностями. Основанное на этих дискурсах избирательное принятие интернет технологии религиозными лидерами она назвала «спиритуализацией интернета» (spiritualizing of the Internet). При этом важно различать дискурсы об интернете и реальные практики использования (Goran, 2015). Помимо религиозных факторов, способы использования интернет технологий так же зависят от более широкого спектра социокультурных факторов (Cheong, 2009). Например, восприятие православным сообществом интернета как «ложной реальности» (Suslov, 16) и «места борьбы добра со злом» (Stähle, 2015) не повлияла на практический интерес православного сообщества к интернет-технологиям. В конечном итоге, Русская Православная Церковь признала важность интернета для развития своей миссии¹.

В рамках исследования того, как религиозные сообщества осваивают интернет технологии, можно выделить группу исследований, рассматривающую использование интернета через призму теории использования и удовлетворения. Специфика этого подхода заключается в том, что в фокусе оказывается не общий анализ влияния культурного контекста, а конкретизируются «вознаграждения», которые получают религиозно-мотивированные пользователи интернета (Ratcliff et al., 2017). В своем пионерском исследовании Ланей (Laney, 2005) выделил следующие типы вознаграждений: развлечение и поиск информации, возможность больше узнать о своей вере и подпитать ее, общение с другими верующими, возможность делать пожертвования. Чеонг вместе с коллегами (Cheong et al., 2008) провела качественное исследование блоггинга как религиозной практики. В результате были выделены следующие мотивы блоггинга: миссионерство, личные рассуждения о религии; средство справиться со стрессом, расслабиться; общение с другими верующими.

¹<https://sinfo-mp.ru/videoblogi-svyashhennikov-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-rekomendatsii-i-sovetyi.html>

Анализируя взаимодействие пользователей с испанским сервисом цифровой молитвы Rezandovoy, Риезу (Riezu, 2014) выделил следующие вознаграждения: духовные (время, разделенное с Богом), получение практических навыков того, как молиться, руководство (лучшее понимание текстов молитв и Библии), социализация (возможность избежать одиночества, возможность совместной молитвы), возможность отвлечься от рутины, эмоциональная вовлеченность. В отличие от предыдущих исследований Брубакер и его коллеги (Brubaker et al., 2017: 8) указывают на то, что мотивация использования Фейсбука религиозными людьми зависит от его технических возможностей (affordances). С учетом

этого, в результате опроса религиозных пользователей Фейсбука, ими были выделены следующие типы религиозных вознаграждений: религиозное самовыражение, религиозная поддержка других верующих, а также миссионерство. В дополнение, были определены утилитарные вознаграждения: потребность в информации и развлечение и связь с другими верующими, независимо от религиозных границ. Таким образом, большинство исследований было сфокусировано на том, как взаимодействие с различными типами интернет ресурсов (религиозные сайты, социальные сети) генерирует специфические наборы вознаграждений (табл. 1).

Таблица 1
 Table 1

Вознаграждение, получение религиозными пользователями в результате взаимодействия с интернетом

Gratifications received by religious users as a result of interaction with the Internet

	Brubaker et al., 2017	Riezu, 2014	Cheong et al., 2008	Laney, 2005
Религиозные мотивы				возможность больше узнать о своей вере и подпитать ее
		духовные (время, разделенное с Богом)		
	религиозное самовыражение		личные рассуждения о религии	
	религиозная поддержка других верующих			
	миссионерство		миссионерство	
Утилитарные мотивы	потребность в информации	получение навыков того, как молиться, руководство (лучшее понимание текстов молитв и Библии)		поиск информации
	развлечение	возможность отвлечься от рутины	средство справиться со стрессом, расслабиться	развлечение
	связь с другими верующими	социализация (возможность избежать одиночества, возможность совместной молитвы)	общение с другими верующими	общение с другими верующими
		эмоциональная вовлеченность		
				возможность делать пожертвования

Вместе с тем, как показало наше исследование, для удовлетворения своих ре-

лигиозных потребностей верующий используют большое число интернет ресур-

сов и их взаимодействие с интернетом, как правило, фрагментарно. В свете этого, картирование вознаграждений, вне зависимости от типа используемого интернет ресурса, даст более подробную характеристику того, каким образом православные пользователи взаимодействуют с интернетом.

Для того, чтобы картировать способы взаимодействия с интернетом, было определено теоретическое основание – U> (Katz et al., 1974; Larose et al., 2001; Palmgreen, Wenner, & Rosengren, 1985). В отличие от концепции «медиа эффектов», которая рассматривает аудиторию как пассивного реципиента медиа сообщений, эта теория подчеркивает активность аудитории при выборе различных медиа и контента в зависимости от своих потребностей и интересов. ТИУ операционализирует активность аудитории через два понятия: мотивы, которые определяют выбор медиа, и вознаграждения, которые возникают в результате положительного опыта при взаимодействии с медиа. Например, при использовании интернета пользователи получают следующие вознаграждения: поиск информации, межличностное взаимодей-

ствие, удобство, возможность занять чем-то время, развлечение (Papacharissi & Rubin, 2000).

Психологические подходы определили понимание мотивов использования медиа (Katz) в рамках U>: мотивы определяются индивидуальными потребностями, сформировавшимися до использования медиа, а получаемые вознаграждения не зависят от технических характеристик самих медиа (Harikadis, 2012). Ввиду этого, U> подверглась критике за психологизм: она слишком сфокусирована на мотивации и потребностях аудитории и не учитывает технические характеристики медиа в их пре-формировании (Ruggieri, 2000). По мнению медиа исследователей Сундар и Лимперос, по этой причине U> долгое время не позволяла выявить вознаграждения, которые специфичны для использования интернета. В качестве ответа на эти сложности, Сундар и Лимперос, предложили U> 2.0, которая позволяет адаптировать существующую исследовательскую парадигму к использованию медиа.

Таблица 2
Table 2

Операционализация вознаграждений, предложенная Сундаром и Лимперос
 Operating gratifications proposed by Sundar and Limperos

Формулировка вопроса в гайде	Возможности, и связанные с ними вознаграждения
Интерес к мнению других православных в интернете	Возможность «быть в курсе»
Создание собственного православного контента Участие в православных онлайн дискуссиях/обсуждениях	Возможность высказать свое мнение
Использование интернета/ мессенджеров для общения с верующими из других приходов/ городов/ стран	Установление и формирование связей внутри сообщества (community building)
Переживание ностальгии/единения/связи с тем, что вы видели при просмотре православного контента (в особенности фото/видео)	Возможность «присутствовать» в удаленных метакх (distant presence)
Использование православного контент в интернете, чтобы расслабиться, приятно провести время	Возможность отдыха, развлечение
Ощущение защищенности от контента, который травмирует/раздражает	Возможность отбирать контент

Ключевой аргумент подхода Сундар и Лимперос заключается в том, что технические возможности интернета (affordances) мотивируют пользователей использовать интернет для удовлетворения повседневных потребностей. Например, фото и «сториз» в социальных сетях дают возможность пользователем почувствовать «реалистичность» происходящего. В этом случае «реалистичность» становится одним из мотивов обращения к соцсетям, которое в случае положительного опыта, приносит удовлетворения. Таким образом, Сундар и Лимперос рассматривают технические возможности интернета как формирующие мотивацию использования и определяющие получение специфических вознаграждений в результате.

В рамках U> 2.0. Сундар и Лимперос выделяют четыре категории вознаграждений, которые получают пользователи (1) через взаимодействие с мультимодальным контентом, (2) через проявление своей агентности, (3) вследствие интерактивности онлайн среды, (4) и удобства навигации (Sundar, Limperos, 2013: 513). Для того, чтобы картировать специфические вознаграждения, получаемые православными пользователями от взаимодействия с интернетом, мы адаптировали эти категории. Учитывая наиболее популярные способы использования православными интернета, известные нам из пилотных интервью, из разработанных Сундар и Лимперос категорий вознаграждений мы выбрали наиболее релевантные для религиозных пользователей. Представленная ниже схема иллюстрирует, каким образом вознаграждений, описанные Сундаром и Лимперосом (Sundar, Limperos, 2013), были адаптированы нами в гайде интервью. Нарративы, полученные в результате интервью, позволили расширить этот список.

Исследователи, работающие с U>, предпочитают использовать количественные методы, т.к. за годы существования парадигмы была разработана детальная классификация различных вознаграждений (Abelman, 1987; Cheung et al.,

2011; Chen, 2011; Hamilton, Rubin, 1992), полученных в результате взаимодействия с различными медиа. Вместе с тем количественные исследования, используя уже сложившийся инструментарий, предлагают респондентам ограниченный набор ответов, и тем самым, проецируют на респондентов собственное видение предмета исследования (Massey, 1995). По этой причине мы предпочли качественные методы, количественным.

Эмпирическую базу исследования составляет 15 глубинных интервью с православными интернет пользователями из различных приходов г. Екатеринбурга. При составлении выборки были учтены два критерия: регулярное участие в религиозной/внерелигиозной деятельности православной церкви и социальная активность в интернет пространстве. На данном этапе включение в исследование только воцерковленных респондентов позволило глубже понять взаимодействие с интернетом этой категории респондентов и на следующем этапе сравнить с респондентами, нерегулярно посещающими церковь. Опрошенные регулярно посещают богослужения, двое являются священнослужителями. Большинство респондентов, 10 из 15 активно вовлечены во внерелигиозную активность общины (помощь больным, проведение евангельских бесед). В выборку были включены респонденты с различным опытом взаимодействия с интернетом: от создателей популярного контента до тех, кто не имеет постоянного доступа в интернет. Все интервью были транскрибированы, а затем закодированы на компьютере по методу обоснованной теории.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Вознаграждения от использования интернета с точки зрения православного сообщества.* Качественный анализ собранных интервью позволил выявить следующие типы вознаграждений, которые получают православные пользователи при взаимодействии с интернетом. Во-первых, большинство вознаграждений, описанных информантами,

совпадают с выделенными Сундаром и Лимперсом:

- быстрый и простой доступ к информации;
- возможность следить за информационной повесткой церкви;
- возможность узнавать мнение других православных;
- возможность высказывать свое мнение;
- возможность отбирать контент;
- установление и формирование связей внутри сообщества;
- мобильность;
- возможность «присутствовать» в удаленных местах.

Помимо вознаграждений, предложенных Сундаром и Лимперсом, нами были выделены вознаграждения, которые специфичны для православных пользователей:

- осмысленный отдых;
- духовное вознаграждение.

Далее мы охарактеризуем то, какую ценность для православных пользователей представляют перечисленные вознаграждения.

Быстрый и простой доступ к информации.

Мы отнесли к этой категории ответы, касающиеся поиска справочной информации о православии. В ходе интервью респонденты отмечали, что интернет позволяет им лучше узнать основы своей веры: *«у меня была задача стать христианином, узнать больше о вере»*. В качестве примера подходящего ресурса для изучения основ вероучения были названы православная энциклопедия Азбука.ру, сайты Правмир, Православие.ру, Предание.ру, Восприемник. Эти ресурсы характеризовались как удобные для использования, полезные, простые для восприятия, дающие профессионально подобранные материалы. Например, ресурс Азбука.ру *«нравится тем, что там есть небольшие материалы, которые полезны для людей с ограниченным свободным временем... когда надо*

быстро что-то прочитать, понять какой-то небольшой текст, написанный доступным языком».

Респонденты так же указывали, что интернет позволяет им найти ответ на редкие вопросы (молитва за самоубийц и т.д.), узнать информацию о православных храмах или местах для паломнических поездок, посмотреть православный календарь, узнать дни святого, именины и православные праздники.

Возможность следить за информационной повесткой церкви.

В отличие от предыдущей категории, сюда мы отнесли ответы, описывающие то, как респонденты используют интернет для того, чтобы следить за повесткой дня в церкви.

Через новостные сводки респонденты узнают официальную информацию от представителей церкви, к которой они обращаются для уточнения официальной позиции церкви, но чаще просто из любопытства. Эта информация вызывает интерес, несмотря на ее официальный стиль: *«как-то скучно читать заседание Синода, 15 листов»*. Помимо официальных источников, интерес вызывают светские новости о церкви: *«новости бывают как желтой прессой, так и объективными, которые хотелось бы замолчать»*, а также обсуждение проблемных ситуаций в церкви.

Помимо масс медиа, горизонтальные связи между пользователями так же становятся каналом распространения новостей. Информанты подчеркивают, что они делятся друг с другом интересными новостями: *«кто-нибудь из знакомых обязательно мне перешлёт, и скажет: ты там вот это вот видел?! – Смотри, такая вот штука произошла»*. Циркуляция новостей укрепляют связи между членами сообщества, поддерживает единство информационного пространства.

Возможность узнавать мнение других православных.

К этой категории мы отнесли ответы респондентов, которые описывали их интерес к мнению других верующих. В отли-

чие от наших ожиданий, не были упомянуты православный форум, но респонденты преимущественно прислушиваются к мнению православных публичных личностей (блогеров, публицистов, богословов, руководителей церкви и т.д.).

Свой интерес к мнению последних информанты связывают с рядом причин:

- желанием узнавать о том, что такое христианство;
- получить вдохновение, жизненный ориентир;
- стремлением быть в курсе различных точек зрения внутри церкви;
- получить информационную «подпитку»;
- желанием расширить кругозор, открыть для себя «новые горизонты»;
- узнать о религиозном опыте других верующих.

Православные публичные личности притягивают к себе внимание православных, потому что они признаны как авторитет в церковном сообществе: *«я могу прислушаться к авторитетным для меня людям в интернете, которые позиционируют себя как православные», «они мне интересны, потому что это значительные личности»*. Информанты так же подчеркивают, что их привлекает доступность, понятность, занимательность изложения. Информанты обращают так же внимание на харизму, красноречие и неофициальный характер тех мнений, которые высказывают публичные личности: *«человек, который говорит не потому что так надо, а потому что он понимает и чувствует это сам, прожил это, все это сердцем только ощущается»*.

Интерес к той или иной публичной личности основан на личных предпочтениях и вкусах, которые со временем могут изменяться. Например: *«наверное, у О. Дмитрия уже примерно знаю какие будут ответы, в каком контексте, с личностью уже познакомился...а может быть это внутренние запросы, когда-то тебе хочется овощей, когда-то тебе хочется мяса, то есть, ты уже наелся этим мясом,*

хочешь овощей. В принципе душа человека она развивается во времени, ей может быть нужна разная пища, разные подходы».

Основные интернет площадки, на которых информанты интересуются мнением других верующих это: YouTube, ВКонтакте, Instagram, Facebook. В качестве авторитетов чаще всего были упомянуты: патриарха Кирилл, митрополит Илларион (Алфеев), архимандрит Ианнуарий (Ивлиев), иереи Павел (Островский), Петр (Гурьянов), Петр (Мещеринов), Константин (Пархоменко), Георгий (Максимов), Николай (Бабкин), протоиереи Андрей (Ткачев), Димитрий (Смирнов), Алексей (Уминский), протодиакон Андрей (Кураев), Алексей Ильич Осипов.

Возможность высказывать свое мнение.

В эту категорию мы отнесли ответы, описывающие опыт дискуссий в социальных сетях и опыт создания собственного контента.

Информанты описывают различные мотивы участия в беседе/дискуссии с другими верующими. Во-первых, они стремятся получить ценную информацию или поделится ей с другими людьми: *«интереснее обсуждать факты, мнения, которые влияют на церковь, влияют на нас, влияют на наше сознание»*. Во-вторых, они используют возможность высказать небанальную мысль на любую тему – религиозную, социально-политическую, личную. В-третьих, если есть вероятность того, что комментарий оценит публичная личность или есть возможность получить одобрение от других людей (лайк, поддержку в беседе/дискуссии). В-четвертых, комментарии информантов возможны как реакция на волнующие события, происшествия, касающиеся их лично или церкви.

Нежелание информантов участвовать в беседе/дискуссии объясняется отсутствием интереса к теме беседы, опасением пережить негативные эмоции (*«не люблю холивар»*), опасением критики в свой адрес,

неодобрением со стороны церковной иерархии.

Информанты, активно занимающиеся созданием православного контента, характеризуют свою активность как: социальное служение (*«жизнь моя имеет смысл... только в том случае, если я живу для Бога, для людей»*), миссионерство (*«с целью изменить мир...»*), возможность наполнить интернет «положительным контентом» (*«распространение той установки: относиться к окружающим так, как хочешь, чтобы относились к тебе»*), самореализацию (*«порыв души, обозрение своей веры»*).

Установление и поддержание социальных связей внутри сообщества.

В эту категорию мы отнесли ответы, описывающие то, как православные используют цифровые медиа для общения.

Информанты отдают предпочтение мессенджеру WhatsApp, социальным сетям ВКонтакте, Instagram, реже используется Facebook. По мнению информантов, коммуникация в интернете стирает территориальные границы, для возможности диалога на религиозные темы и получения поддержки от других верующих, например, просьба (*«помолится за что-то»*), совет или благословение от священнослужителя.

Возможность отбирать и контролировать контент.

В эту категорию нами были отнесены ответы информантов, описывающие их избирательность в отношении контента, а также их стремление контролировать информационное пространство. Обе эти активности направлены на формирование собственного информационного пространства в интернете.

Информанты подчеркивают важность иметь возможность выбирать контент: на выбор может влиять личность автора, смысловая нагрузка контента, визуальный ряд. К примеру: *«если что-то снято даже на православную тематику, но мне не нравится в эстетическом плане или сюжетном – я не буду смотреть»*.

Стремясь выстроить свои границы в пространстве интернета, информанты ис-

пользуют разные способы защиты от нежелательного контента: блокировка, удаление, перемotka, закрытие, жалоба на раздражающий контент. (*«Для меня нет проблемы отправить в «черный список», если человек не видит рамок никаких, не хочет слушать вообще ничего»*).

Мобильность.

Интернет технологии позволяют информантам совершать религиозные действия в ситуациях ограниченного времени: например, читать с телефона или слушать молитвы в транспорте, или, занимаясь делами, просматривать православный контент в дороге, на работе, во время занятия бытовыми домашними делами (*«смотрю что-либо религиозное, когда еду в автобусе, кушаю»*). Информанты подчеркивают удобство того, что православная информация доступна на мобильных устройствах (в частности православные приложения), и что это позволяет им сохранять связь с церковью, даже будучи погруженными в светский контекст.

Возможность «присутствовать» в удаленных местах.

В некоторых случаях просмотр православного визуального контента, согласно описанию информантов, вызывает ощущение соприсутствия, сопереживания увиденному (*«мне кажется эта фотография – стоит всех канонических фотографий, она передает подвиг этих людей, потрясающая фотография»*) или единения с автором (*«как будто бы я её глазами увидела...»*).

Осмысленный отдых.

Предложенная Сундаром и Люмперсом категория «развлечение» не описывает в полной мере ответы православных информантов. Они соглашаются, что потребление православного контента позволяет им отдохнуть, но этот отдых тесно связан с духовностью. Респонденты упоминают, что они испытывают умиротворение, получают эмоционально-информационную поддержку (подпитку), отдых психологический (разгрузка), получают возможность погрузиться в себя, уйти от суеты.

Духовное вознаграждение.

Информанты подчеркивают значимость интернет технологий как источника духовных переживаний. Как правило, духовный опыт возникает в результате религиозной практики в интернете. Например, получение информантом благословения от священника через интернет (соц. сети, эл. почта, мессенджеры): «куда-то собираюсь поехать, ну он меня знает, виртуально мы знакомы, ну и все, благословил». Это также может быть получение духовного опыта от прочтения жития святых, получение духовного настроения на участие в православном таинстве причастия (религиозный обряд) от прочтения статей священнослужителя: «читаю греческого архимандрита «Андрей Кананос», когда к причастию го-

товлюсь, чтобы настроиться, он помогает в какое-то душевное состояние прийти, духовное».

Заключение (Conclusions). В ходе данного исследования мы установили, каким образом православные верующие в России взаимодействуют с интернетом для удовлетворения своих религиозных потребностей, и какие типы вознаграждений они получают в итоге. Основываясь на U> 2.0, мы выделили пять категорий вознаграждений, которые по своему содержанию совпадают с выделенными Сундаром и Лимперсом. Как видно из табл. 3, некоторые категории были разбиты нами на подкатегории, что позволило лучше раскрыть их содержание.

Таблица 3
Table 3

Вознаграждение, получение религиозными пользователями в результате взаимодействия с интернетом

Gratifications received by religious users as a result of interaction with the Internet

Вознаграждения, выделенные Сундар и Лимперс	Вознаграждения, получаемые православными
Возможность «быть в курсе»	Быстрый и простой доступ к информации Возможность следить за информационной повесткой церкви Возможность узнавать мнение других православных
Возможность высказать свое мнение	
Возможность отбирать контент	
Установление и формирование связей внутри сообщества	
Возможность «присутствовать» в удаленных местах	Возможность «присутствовать» в удаленных метак Мобильность

В свете этого, можно сказать, что взаимодействие православных с интернетом мало отличается от опыта светских пользователей: интернет используется для получения информации, для поддержания связей внутри сообщества, для самовыражения, для общения с другими; он также делает пользователей более мобильными и позволяет виртуально присутствовать в «удаленных местах».

Таким образом, интернет позволяет православным пользователям формировать свое религиозное информационное про-

странство, поддерживать непрерывную связь с религиозным сообществом, несмотря на занятость. Другими словами, интернет позволяет непрерывно инкорпорировать религиозный опыт внутрь секулярной повседневности. Можно утверждать, что практическая польза от использования интернета перевешивает его критическую оценку идеологами православного сообщества (Suslov, 2015).

Вместе с тем, есть и то, что отличает православных пользователей в их способе взаимодействия с техническими возможно-

стями интернета: возможность иметь «осмысленный отдых» и различного рода духовные вознаграждения. В первом случае технические возможности интернета позволяют православным пользователям реализовывать потребность в отдыхе отличным от светских пользователей способом. В их понимании отдых не обязательно связан с потреблением развлекательного контента, но просто с получением значимой для них информации, совпадающей с их ценностными установками. Во втором случае интернет медирует опыт трансцендентного, аналогично другим способам его медиации (религиозный ритуал, подробнее см. Meyer, 2006). В этом случае интернет позволяет инновационным расширить существующие религиозные практики.

Данное исследование каталогизирует и дает характеристику различным вознаграждениям. В дальнейших исследованиях было бы важно соотнести, как реальные практики взаимодействия с интернетом верующих соотносятся с дискурсами об интернете, циркулирующими в православном сообществе.

References

Abelman, R. (1987), "Religious Television Uses and Gratifications", *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 31(3), 293-307.

Armfield, G. G. and Holbert, R. L. (2003), "The relationship between religiosity and Internet use", *Journal of Media and Religion*, 2(3), 129-144.

Barzilai-Nahon, K. and Barzilai, G. (2005), "Cultured technology: The Internet and religious fundamentalism", *The information society*, 21(1), 25-40.

Brubaker, P. J. and Haigh, M. M. (2017), "The religious Facebook experience: Uses and gratifications of faith-based content", *Social Media+ Society*, 3(2), 1-11.

Campbell, H. (2007), "What hath God wrought? Considering how religious communities culture (or Kosher) the cell phone", *Continuum*, 21(2), 191-203, [Online], available at: <https://doi.org/10.1080/10304310701269040> (Accessed 10 December 2019).

Campbell, H. (2010), *When religion meets new media*, Routledge.

Campbell, H. A. and Rule, F. (2016), *The Practice of Digital Religion*. Springer Fachmedien Wiesbaden, 1-9.

Chen, G. M. (2011), "Tweet this: A uses and gratifications perspective on how active Twitter use gratifies a need to connect with others", *Computers in Human Behavior*, 27(2), 755-762.

Cheong, P. H. and Poon, J. P. (2009), "Weaving webs of faith: Examining Internet use and religious communication among Chinese Protestant transmigrants", *Journal of International and Intercultural Communication*, 2(3), 189-207, [Online], available at: <https://doi.org/10.1080/17513050902985349> (Accessed 10 December 2019).

Cheong, P. H., Halavais, A. and Kwon, K. (2008), "The chronicles of me: Understanding blogging as a religious practice", *Journal of Media and Religion*, 7(3), 107-131.

Cheung, C. M., Chiu, P. Y. and Lee, M. K. (2011), "Online social networks: Why do students use facebook?", *Computers in Human Behavior*, 27(4), 1337-1343, [Online], available at: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2010.07.028> (Accessed 10 December 2019).

Dawson, L. L. and Cowan, D. E. (eds.) (2004), "Religion online: Finding faith on the Internet", *Psychology Press*.

Golan, O. and Stadler, N. (2016), "Building the sacred community online: the dual use of the Internet by Chabad", *Media, culture & society*, 38(1), 71-88, [Online], available at: <https://doi.org/10.1177/0163443715615415> (Accessed 10 December 2019).

Hamilton, N. F. and Rubin, A. M. (1992), "The Influence of Religiosity on Television viewing", *Journalism Quarterly*, 69(3), 667-678.

Haridakis, P. M. (2002), "Viewer characteristics, exposure to television violence, and aggression", *Media Psychology*, 4(4), 323-352, [Online], available at: https://doi.org/10.1207/S1532785XMEP0404_02 (Accessed 10 December 2019).

Jung, E. H. and Sundar, S. S. (2018), "Status update: Gratifications derived from Facebook affordances by older adults", *New Media & Society*, 20(11), 4135-4154, [Online], available at: <https://doi.org/10.1177/1461444818768090> (Accessed 10 December 2019).

Katz, E., Blumler, J. G., and Gurevitch, M. (1974), "Utilization of Mass Communication by the Individual", in Blumler, J. G. and Katz, E. (eds.), *The Uses of Mass Communications: Current Perspectives on Gratifications Research*, Sage Publications, Beverly Hills, 19-31.

Kluser, R. and Cheong, P. H. (2007), "Technological modernization, the Internet, and religion in Singapore", *Journal of Computer-Mediated Communication*, 12(3), 1122-1142.

Laney, M. J. (2005), "Christian web usage", in Højsgaard, M. T. and Warburg, M. (eds.), *Religion and cyberspace*, Routledge, New York, USA, 166-179.

LaRose, R., Mastro, D. and Eastin, M. S. (2001), "Understanding Internet usage: A social-cognitive approach to uses and gratifications", *Social science computer review*, 19(4), 395-413.

Massey, K. B. (1995), "Analyzing the uses and gratifications concept of audience activity with a qualitative approach: Media encounters during the 1989 Loma Prieta earthquake disaster", *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 39(3), 328-349, [Online], available at: <https://doi.org/10.1080/08838159509364310> (Accessed 10 December 2019).

Meyer, B. (2006), *Introduction to Religion, Media and the Public Sphere*, Indiana University Press, Bloomington, 1-25.

Miller, B. J., Munday, P. and Hill, J. P. (2013), "Faith in the age of Facebook: Exploring the links between religion and social network site membership and use", *Sociology of Religion*, 74(2), 227-253, [Online], available at: <https://doi.org/10.1093/socrel/srs073> (Accessed 10 December 2019).

Palmgreen, P., Wenner, L. A. and Rosengren, K. E., (1985), "Uses and gratifications research: the past ten years", in Rosengren, K. E., Wenner, L. A. and Palmgreen, P. (eds.), *Media gratifications research: current perspectives*, Sage, Beverly Hills, CA, USA, 11-37.

Papacharissi, Z. and Rubin, A. M. (2000), "Predictors of Internet use", *Journal of broadcasting & electronic media*, 44(2), 175-196, [Online], available at: https://doi.org/10.1207/s15506878jobem4402_2 (Accessed 10 December 2019).

Pew Research Center: Religion & Public Life (2014), Religion and electronic media: One-in-five Americans share their faith online [Online], available at: <http://www.pewforum.org/2014/11/06/religion-and-electronic-media/> (Accessed 10 December 2019).

Ratcliff, A. J., McCarty, J. and Ritter, M. (2017), "Religion and new media: A uses and gratifications approach", *Journal of Media and Religion*, 16(1), 15-26, [Online], available at: <https://doi.org/10.1080/15348423.2017.1274589> (Accessed 10 December 2019).

Riezu, X. (2014), "Uses and Gratifications of a Spanish Digital Prayer Project: Rezandovoy", *Trípodos*, (35), 29-42.

Ruggiero, T. E. (2000), "Uses and gratifications theory in the 21st century", *Mass communication and society*, 3(1), 3-37, [Online], available at: https://doi.org/10.1207/S15327825MCS0301_02 (Accessed 10 December 2019).

Stähle, H. (2015), "Between Homophobia and Gay Lobby: The Russian Orthodox Church and Its Relationship to Homosexuality in Online Discussions", *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*, 14, 49-71.

Sundar, S. S. and Limperos, A. M. (2013), "Uses and grats 2.0: New gratifications for new media", *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 57(4), 504-525, [Online], available at: <https://doi.org/10.1080/08838151.2013.845827> (Accessed 10 December 2019).

Sundar, S. S. (2008), "The MAIN model: A heuristic approach to understanding technology effects on credibility", in Metzger, M. J. and Flanagin, A. J. (eds.) *Digital media, youth, and credibility*, The MIT Press, Cambridge, MA, 72-100, [Online], available at: <https://doi.org/10.1162/dmal.9780262562324.073> (Accessed 10 December 2019).

Suslov, M. (2016), "The Medium for Demonic Energies: 'Digital Anxiety' in the Russian Orthodox Church" in Suslov, M., (ed.) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web*, Ibidem-Verlag, Stuttgart, Germany, 19-52.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Гришаева Екатерина Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Уральского Федерального университета.

Бусыгин Алексей Геннадьевич, аспирант кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета.

Ekaterina Iv. Grishaeva, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Ural Federal University.

Aleksey G. Busygin, PhD student, Department of Applied Sociology, Ural Federal University.

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-2

Vasiliy G. Pisarevskiy | Methodology of big data in studying orthodox communities

St. Tikhon's Orthodox University
23B, Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia
wausily@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5369-6492

*Received January 09, 2020; accepted March 01, 2020;
published March 30, 2020*

Abstract. The article discusses the emergence of "digital sociology" as a new scientific direction, its main methodological principles, and their implementation in empirical research in the social network VKontakte. The working process of the researcher with such a tool as a data parser is considered, as well as the main principles of using this method. Within the framework of the "big data" paradigm, we analyze the principles of building a study sample, including the selection of communities and their participants. Using the example of Orthodox VKontakte communities dedicated to the family, we show such techniques for minimizing the sampling error and selecting the most relevant audience, as searching for users in selected communities; finding users in several communities at the same time, which contributes to the uniformity of the sample; clearing bots and users who have not installed an avatar; searching for users with an "open" date of birth. The article identifies socio-demographic criteria for analyzing the audience of Orthodox communities (distribution by gender and age groups, geography of community members by country and city, marital status, number of children), as well as the main behavioral criterion – the engagement rate. The engagement rate as a research tool allows to take into account the behavioral activity of community members, including likes, republications, and comments over the entire lifetime of certain communities. This criterion allows you to assess the degree of influence of communities on their members, based not on the number of VKontakte groups, which may differ at times, but on the degree of participation of subscribers in the life of the community. The article shows that the engagement rate in Orthodox family communities is higher on average than in secular communities of similar subjects. This is primarily due to the very religious orientation of Orthodox communities, which allows both active engagement of existing subscribers in various communication activities, and involvement of new ones.

Keywords: Digital sociology; big data; Internet research sampling; Orthodox communities in VKontakte; engagement rate

Information for citation: Pisarevskiy, V. G. (2020), Methodology of big data in studying orthodox communities "Methodology of big data in studying orthodox communities", *Research Result. Sociology and management*, 6 (1), 16-28. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-2

Писаревский В. Г. | Методология больших данных в изучении православных общин

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, 23 Б, г. Москва, 115184, Россия
wausily@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5369-6492

Статья поступила 9 января 2020 г.; принята 1 марта 2020 г.;
опубликована 30 марта 2020 г.

Аннотация. В статье рассматривается становление «цифровой социологии» как нового научного направления, ее основные методологические принципы и их реализация в эмпирических исследованиях в социальной сети ВКонтакте. Рассмотрен процесс работы исследователя с таким инструментом, как парсер данных, а также основные принципы использования данного метода. В рамках парадигмы «больших данных» мы анализируем принципы построения исследуемой выборки, включая отбор сообществ и их участников. На примере православных сообществ ВКонтакте, посвященных семье, мы показываем такие приемы минимизации ошибки выборки и выбора наиболее релевантной аудитории, как поиск пользователей в выбранных сообществах; поиск пользователей в нескольких сообществах одновременно, что способствует единообразию выборки; очистка ботов и пользователей, не установивших аватар; поиск пользователей с «открытой» датой рождения. В статье определены социально-демографические критерии анализа аудитории православных общин (распределение по половозрастным группам, география членов общины по стране и городу, семейное положение, количество детей), а также основной поведенческий критерий – уровень вовлеченности. Коэффициент вовлеченности как инструмент исследования позволяет учитывать поведенческую активность членов сообщества, включая лайки, переиздания и комментарии на протяжении всего срока существования определенных сообществ. Этот критерий позволяет оценить степень влияния сообществ на своих членов, основываясь не на количестве групп ВКонтакте, которые могут отличаться в разы, а на степени участия подписчиков в жизни сообщества. В статье показано, что уровень вовлеченности в православные семейные общины в среднем выше, чем в светские общины аналогичных субъектов. Это связано прежде всего с самой религиозной ориентацией православных общин, которая позволяет как активно вовлекать существующих абонентов в различные коммуникационные мероприятия, так и вовлекать новых.

Ключевые слова: Цифровая социология; большие данные; выборка интернет-исследований; православные сообщества ВКонтакте; уровень вовлеченности

Информация для цитирования: Писаревский В. Г. Методология больших данных в изучении православных общин // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, N 1. С. 16-28. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-2

Introduction. Internet research in modern social reality is developing at an increas-

ingly rapid pace. This is not only about online projections of traditional sociological meth-

ods, such as online surveys and online focus groups, but also about the emergence of a fundamentally new research method based on the "big data" paradigm (Coudry, Fotopoulou, 2014).

For the first time, the term "digital sociology" appears in the works of Sydney University researcher Deborah Lupton in 2012, and three years later, her textbook on this new scientific field is published (Lupton, 2015).

Mark Carrigan, a researcher from the UK, emphasizes that "digital sociology can be viewed in the broadest sense as revealing the opportunities that digital tools (including social media communities) provide for rethinking the structure of sociological knowledge" (Carrigan, 2013).

Let's consider the main methodological principles of digital sociology. The first principle is formulated as follows: the process of transmitting information is equated with the process of influence. To the maximum extent, this principle is manifested in social networks, where we can observe a "viral" type of content distribution through likes, republications, and comments.

The second methodological principle follows from the first: if the process of transmitting information in modern conditions is identical to the process of influence, then this influence can not be spread exclusively in the online environment, it inevitably manifests itself in offline, that is, the usual social reality.

It is clear that even before the formation of digital sociology as a separate scientific field, various Internet studies were conducted aimed at studying the social space that is being formed in the network. However, it is only within the framework of digital sociology, which development coincided with the development of social networks, that it became possible to focus on the study of digital media (primarily, communities in social networks) in order to determine what impact these digital media have on real social relations and processes.

The implementation of the second methodological principle of digital sociology is described in the works of the famous Amer-

ican sociologist Manuel Castels. He describes the relationship of social reality on the Internet (online) with the usual social reality (offline) as a phenomenon of "real virtuality" (Castells, 2004). In addition, Castels also refers to the first methodological principle of digital sociology, defining the ability to change, reconfiguration as a "decisive feature in society". At the same time, the generation, processing and transmission of information become fundamental sources of power and influence.

Methods and methodology. Finally, the third methodological principle of digital sociology is that the novelty of the object under study is determined primarily by new digital technologies.

Methods of digital sociology are based on the big data paradigm, which analyzes arrays of millions and tens of millions of Internet users, examines their views, habits, and behavioral factors. For communities in social networks, this includes automated analysis of user profiles completed during registration, using the source code of the social network to analyze users' value orientations, content analysis of the community based on user preferences, and analysis of users' social relationships within the community (Ruppert, Law, Savage, 2013a).

Big data sources are Internet documents, social networks, blogs, measurement devices, radio frequency identification, audio and video recording devices, including mobile devices and various wearable gadgets (for example, fitness bracelets) (Baym, 2013a).

The key properties of big data are usually referred to by the abbreviation "3V", which stands for the volume of data, the variety of data, and the high speed of data update (velocity) (Akhmedov, 2018).

Research based on big data, according to the British "digital sociologist" Rogers, is connected with the future of sociological research because, on the one hand, while empirical studies of big data to develop new research approaches, on the other hand, these studies enable sociologists to see the correlation of disparate facts, such as cultural prefer-

ences of study participants and their political choice during voting, and then link them within a single social space of the information society (Rogers, 2013).

Based on the methodological principles of digital sociology, which were described above, we will consider Orthodox communities in the VKontakte social network dedicated to the family.

Currently, the largest social network in Russia is VKontakte with a monthly audience of 97 million people, while generating more than one and a half billion messages per day (VKontakte, 2020a). Research in social networks based on the big data paradigm has been developing in the Western scientific community for a long time (Mayer-Schonberger V., Cukier, K., 2013). At the same time, such research in Russian social networks, primarily in VKontakte, is not widely distributed yet.

In order to determine the socio-demographic profile of users of specific VKontakte communities, the functionality of the "advertising Cabinet" of this social network is used. You can use it to determine: gender, age, country and city of the user, availability of higher education, marital status, profession. In addition, using The VKontakte advertising Cabinet, you can estimate the total number of the audience of the communities of interest to the researcher (in this case, if the user is in several communities at the same time, he will still be counted as one person), so you can analyze up to 25 communities in total.

However, for more detailed studies, it is necessary to use specialized software – the so-called parsers, which can be used to solve a wider range of research tasks, including testing hypotheses for the target audience that interests us (Marres, 2012: 140).

The parser performs automated analysis of VKontakte communities, their audience, as well as online social actions carried out by this audience (likes, republications, comments).

Today, one of the most powerful parsers of the VKontakte social network is the Tar-

getHunter service. This article describes the principles of forming a sample of the audience of communities in the VKontakte network using the tools provided by TargetHunter (more than 150 criteria are available for analysis) (VKontakte, 2020b).

We will consider the basic principles of sampling and working with it on the example of Orthodox family communities in the VKontakte social network. Let's note at once that it is better to narrow down the topics on which information is sought – for example, we do not analyze all Orthodox communities in the VKontakte network (although this task is technically quite feasible), but only those that are dedicated to the Orthodox family. But this is not the limit for "narrowing" the subject – within the family, you can focus on the following topics – Dating, a young family, the birth and upbringing of children, communication with adult children and grandchildren, etc. If the task is to get a General idea of the behavioral characteristics of the audience on a certain issue, then there is no point in "narrowing" the topic (Baym, 2013b).

The sample should include communities with different audience sizes – those with tens or hundreds of thousands of participants, and those with several thousand members. At the same time, the optimal lower limit for the size of the community is the limit of 1000 people – for the community administration, this is the first significant milestone in the formation of the audience.

How do we select specific communities to sample? In the TargetHunter parser, there is a "Search" tab where we select the "Communities" subsection and then "by keywords". Next, we enter the keywords "Orthodoxy" and "Orthodox", set the lower limit of the number of community members-from 1000 people and study the search result. We found 1027 different communities with the specified keywords in their names. Of course, there are many more Orthodox family communities, so we not only select communities that are called, for example, "Orthodox family", but also look for recommended groups of similar topics in these communities in the "links" sec-

tion. It is considered that at least 10 groups must be selected for relevant analysis.

Research results and discussion. If we are creating a sample that contains hundreds or thousands of communities, then we need to take into account another criterion for the final selection: the homogeneity of the sample.

To do this, we go to the "collection-participants" section and specify a condition that the community members should consist of at least two groups (in some cases, you can specify a larger number of groups that must contain representatives of the target audience at the same time).

Table 1

Orthodox family communities in VKontakte to form a sample

№	Name of the community	Link to the community	Number of participants
1	Children in a happy family. Orthodoxy	https://vk.com/duhovno_nravstvennoe_vospitanie	127 418
2	Orthodox bride and wife	https://vk.com/orthodox_nevesta	93 370
3	Orthodox husband and head of the family	https://vk.com/public46320036	36 404
4	Orthodox family	https://vk.com/pravosemya	66 587
5	Words about love. Marriage and the basics of a happy family	https://vk.com/public6900205	79 664
6	Orthodox family	https://vk.com/pravoslavnyaya_semiya	26 960
7	Orthodox bride, wife and mother	https://vk.com/kapelka_s	47 266
8	Orthodox mother	https://vk.com/pravmame	14 844
9	Orthodox family. Secrets of family happiness	https://vk.com/orthodoxfamily	6 714
10	The Orthodox family-the Foundation of Russia	https://vk.com/club156991940	7 447

Our task is to gather as many different communities as possible, so here is a group dedicated to the husband as the head of the family, and the community "Orthodox family – the Foundation of Russia", in which the topics we are interested in are analyzed from the Orthodox positions not only at the micro-but also at the macro level.

After creating a list of communities that our target audience consists of, you need to get a list of all the members of these groups. In the social network VKontakte, each participant has a unique number that the network and parser programs use to identify a specific person. It is important here that, unlike traditional sociological studies, where respondents are depersonalized and only meet certain socio-demographic criteria for sampling, digital sociology takes into account each respondent with the entire set of unique characteristics inherent in them.

It should be noted that the size of our sample is not equal to the sum of participants in all the selected communities, since the same person can be a member of several communities at the same time, and it should be taken into account as a single Respondent. To get the result, in the "collection" tab of the parser, select the value "participants" and enter links to the selected groups. The initial sample consisted of 354 969 people.

Next, we need to clear our selection of so-called "bots". Bots are VKontakte pages created with the help of special software that try to imitate the actions of live people, but are controlled by a robot, or they are hacked pages of live people, which are also further controlled by a robot. If you do not clear the selection from bots, the sampling error can be quite large and reach up to 10%.

Clearing bots is the most resource – intensive operation. In the Target Hunter parser,

it is performed using the method of Alexander Volkov (Volkov, 2016). According to this method, the parser checks all the communities that our sample members belong to, with the number of participants from 50 to 10,000, and there must be at least 5 representatives of the sample in each community found. Next, communities without the original image (avatar) are identified, and this list is compared with the one received earlier. The resulting list of participants is subtracted from the initial sample and as a result we have a sample cleared of bots. Applying the described method, we obtained a sample of 307 767 people.

The next step in creating a sample is to clear our target audience of people who have been deleted by the VKontakte social network itself, and those who have not installed any avatar. As a result of this purification we obtained the number in the 307 754 people. This

means that the previous stage of working with the sample was performed very carefully.

Next, you need to select those who made their date of birth open. The fact is that when registering on the VKontakte network, you need to specify the date of birth, but in the future it can be hidden-completely or leaving only the number and month, hiding the year. To work correctly with the selection, we need to select only those who have specified their full date of birth. To do this, in the "tools-filter profiles" section, select the option "leave those whose age is hidden or not specified". Thus, we get those who did not specify their age, and then using the section "tools-crossing bases" from our sample obtained after filtering out bots, we subtract those who did not specify their age. As a result, we have a sample of 105,665 people. This is our final audience, which we will analyze in the future.

Table 2

Distribution of the audience of Orthodox family communities in VKontakte by age groups (as a percentage of the total sample)

To 17	18-20	21-23	24-26	27-29	30-34	35-44	From 45
2%	2,6%	4,8%	8,2%	12%	23,6%	27,4%	19,4%

The table shows that the sample is dominated by older age groups of 30-34, 35-44, and 45 years of age. This is due not only to the topics of the groups we are considering, but also to the fact that the audience of the

entire VKontakte social network has grown significantly over the past 5 years (Especially the VKontakte audience).

Let's look at the countries where our target audience is located.

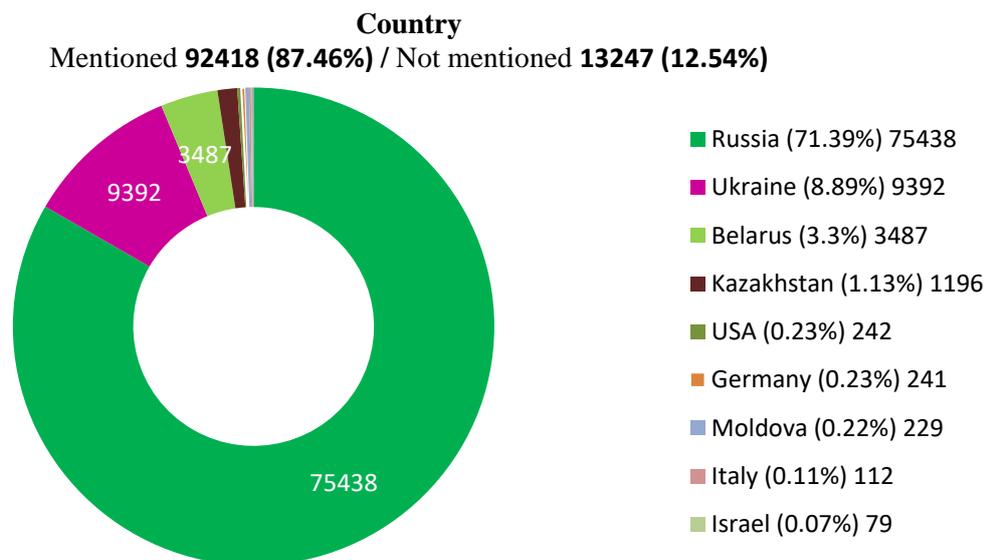

Figure 1. Countries of presence of members of Orthodox family communities VKontakte

Traditionally, Russia is in the first place, since it is the leader of the social network VKontakte, and Ukraine, Belarus, and Kazakhstan are also in 2-4 places. The United States and Germany have the largest Russian-speaking communities in the world, so their presence in the list is also not surprising. As

for other countries, such as Israel and Italy, we can assume that other social networks, such as Instagram, are more relevant for our compatriots in these countries.

Let's look at the cities where our target audience is present.

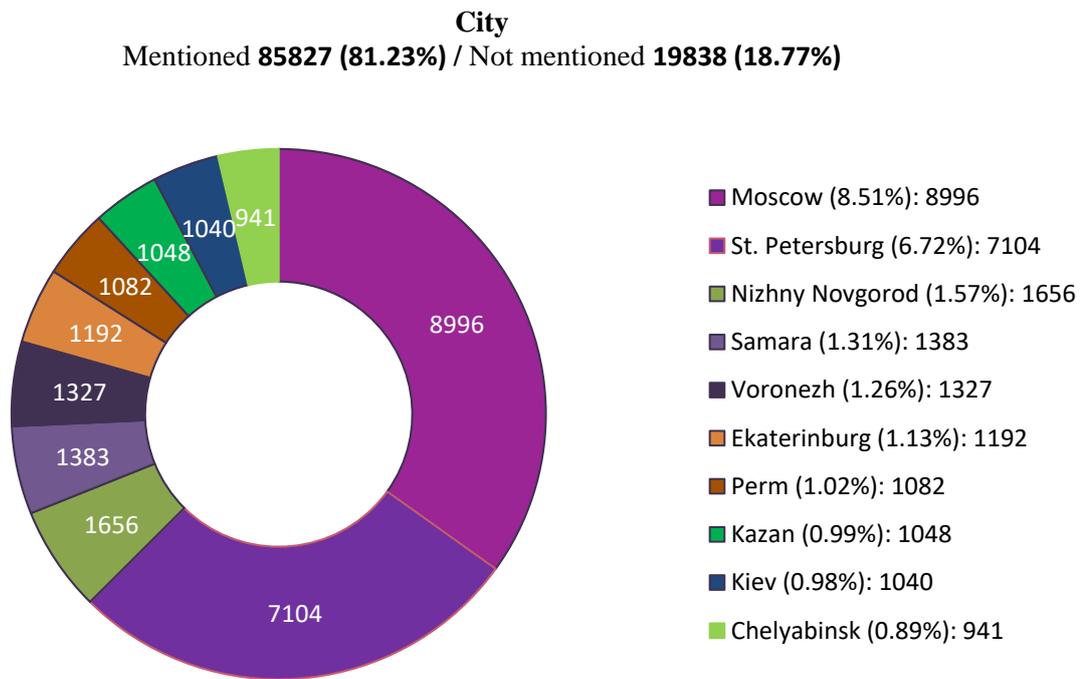

Figure 2. City of the presence of the Orthodox members of the family community VKontakte

Among the presented cities, Moscow is the leader and the "Northern capital" – St. Petersburg. Next, we see cities with millions of people, and not only Russian ones-the list includes Kiev and Minsk. The list includes a lot of large cities: Novosibirsk, Tolyatti, Izhevsk, Cheboksary, Yaroslavl, Belgorod, Arkhangelsk. This distribution of the audience can be explained by the fact that, as noted by a number of experts, Orthodoxy is becoming the religion of large cities and megacities (Russ, 2015).

In the "tools-profile filter" section, we can see how many children our target audience has. This criterion is interesting because if, for example, we are interested in a segment of Orthodox parents with many children in the topic of family, we can form this segment and work with it in the future, including traditional sociological methods, such as a survey and an expert interview. It is worth noting that the majority of VKontakte users generally do not specify information about their children.

Let us consider the marital status of the sample members.

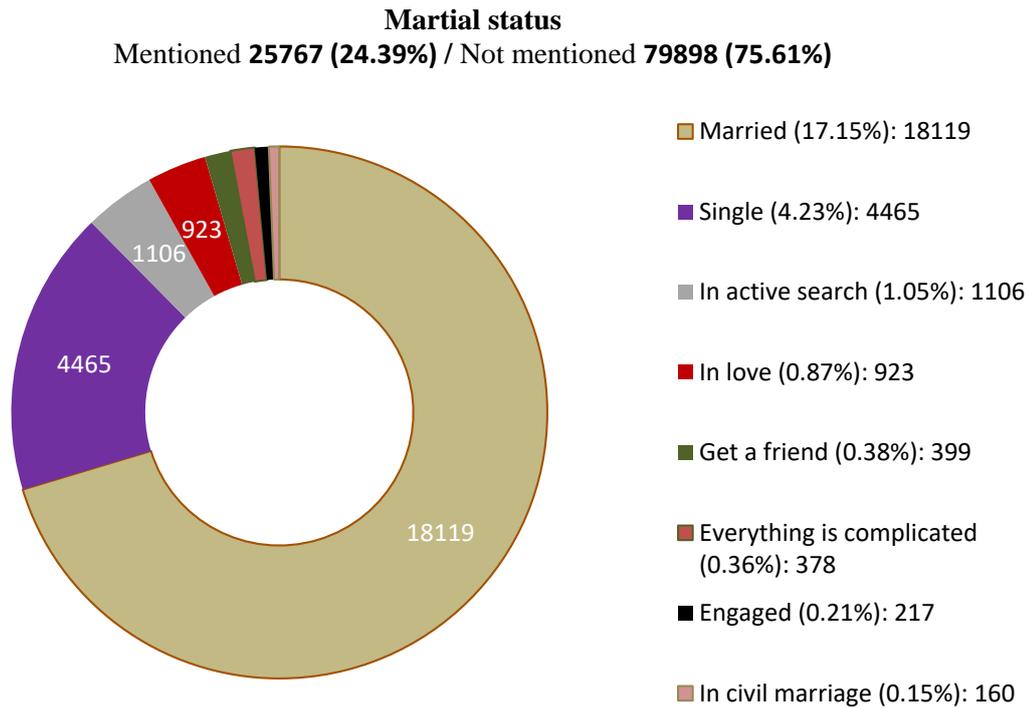

Figure 3. Marital status of members of the Orthodox family communities VKontakte

Most of the sample members who indicated their marital status are married (more than 17%), while only 4% said they were unmarried. All other statuses of marital status that VKontakte offers are difficult to analyze, because it is not clear what is meant by the

criterion "everything is complicated" or "civil marriage" (how it is understood by the sample participants). At the same time, as already noted, most of the sample members are married, which is not surprising for users of Orthodox family communities.

Table 3

The number of children in the Orthodox family communities of VKontakte
 (in absolute terms and as a percentage)

1	2	3	4	5
5297	3399	1215	397	151
5%	3,2%	1,1%	0,4%	0,1%

Most of our target audience members who provided information about children have 1-2 children. With each new child, the number of representatives of the target audience who have the corresponding number of children decreases by a multiple. On the other hand, we can hypothesize that parents with many children should be sought in other Orthodox communities. And it's not just groups that have the word "multiple children" in their name. In order to correctly solve this research problem, it is necessary to select most of the Orthodox communities (thousands of groups

with a total audience of several million people), form a sample of their participants, according to the principles described above, and then look at the number of children in each individual segment of the audience.

We looked at the socio-demographic characteristics of the audience. Now let's analyze the main behavioral criterion of communities in the VKontakte network – the engagement rate (ER).

If we want to assess the impact of an Internet community, we can't focus solely on the size of its audience (i.e., the number of

participants). In large communities, users are often nominally subscribers, but the priority of the community for them is extremely low, and therefore they practically do not participate in its activity. On the other hand, smaller communities tend to have a higher level of activity, which leads to a higher engagement

rate. At the same time, as can be seen from the data presented in the table below, the engagement rate is extremely low in some small communities, which can be explained by the low communication activity of community members.

Table 4
 Indicators of activity and engagement of the audience of the Orthodox family communities in VKontakte

(data is shown for the period from 01.07.2019 to 01.08.2019)

№	Name of the community	Link	Number of participants	Likes	Comments	Engagement rate
1	Children in a happy family. Orthodoxy	https://vk.com/duhovno_nravstvennoe_vospitanie	127418	191587	4172	51,71%
2	Orthodox bride and wife	https://vk.com/orthodox_nevesta	93370	56013	-	21,84%
3	Orthodox husband and head of the family	https://vk.com/public46320036	36404	2679	-	6,33%
4	Orthodox family	https://vk.com/pravosemya	66587	23424	1261	19,78%
5	Words about love. Marriage and the basics of a happy family	https://vk.com/public6900205	79664	36843	614	19,05%
6	Orthodox family	https://vk.com/pravoslavnaya_semiya	26960	86358	2009	89,14%
7	Orthodox bride, wife and mother	https://vk.com/kapelka_s	47266	75554	1683	63,13%
8	Orthodox mother	https://vk.com/pravmame	14844	-	-	-
9	Orthodox family. Secrets of family happiness	https://vk.com/orthodoxfamily	6714	457	16	4,72%
10	The Orthodox family-the Foundation of Russia	https://vk.com/club156991940	7447	31727	447	69,08%

As can be seen from the table, in Orthodox communities, the involvement rate ranges from 4.72 to 89.14% (these values are highlighted in yellow in the table), the average value is 34.47%. The highest engagement rate for the Orthodox family community! ", which consists of almost 27 thousand people.

In order to assess how high the involvement rate is in Orthodox communities, it

is necessary to conduct a comparative analysis of this indicator with secular communities.

As can be seen from the table, in secular family communities, the involvement rate ranges from 2.01 to 69.29% (these values are highlighted in yellow in the table), the average value is 12.08%. At the same time, the maximum value of the considered criterion (69.29%) for a small (relative to communities

of millions) community "Love. Family. Children".

In General, the values obtained are much lower than in similar family-related Or-

thodox communities on VKontakte. This suggests that the religious Orthodox theme itself involves users in discussions and republications much more than the secular theme.

Table 5

Indicators of activity and engagement of the audience of the social family communities VKontakte (data is shown for the period from 01.07.2019 to 01.08.2019)

№	Name of the community	Link	Number of participants	Likes	Comments	Engagement rate
1	7ya - family and children!	https://vk.com/portal_7ya_ru	123162	6798	144	3,3%
2	The best bride, wife and mother	https://vk.com/mama_i_ya	1359581	264210	3919	8,22%
3	Time of happiness. House. Family. Children.	https://vk.com/vremya_schastya	1197014	90131	1993	3,93%
4	Mother and baby	https://vk.com/momkid	1449456	479389	5789	15,86%
5	Family. Children's health and the beauty of their mothers.	https://vk.com/moda_sekret	53842	6656	51	6,23%
6	Mothers and children. Family happiness!	https://vk.com/happyfamilies1	145397	6832	51	3,93%
7	Family happiness workshop	https://vk.com/workshopfh	4126	244	2	2,01%
8	Wise parents. Family. Children	https://vk.com/m_roditeli	1662011	302511	4642	11,64%
9	Housekeeping: love, family, health, recipes, home	https://vk.com/vk.dovodstvo	611933	37447	484	3,46%
10	Love. Family. Children	https://vk.com/lyubov_semya_deti	77277	193547	7141	69,29%

Conclusions. Let's present the main conclusions.

First, digital sociology is a relatively young branch of sociological science, but it is

one of the most dynamically developing. Digital sociology is based on the "big data" paradigm, which involves working with huge amounts of unstructured information with its

further "structuring" in accordance with the goals and objectives of empirical research.

If we talk about the direction for the study of social networks in the digital sociology, then there are many directions of research – social ties between key members of the target audience (identifying "opinion leaders"), automated content analysis of the tone and nature of the statements on huge samples of millions and tens of millions of people, finally, analysis of various audience characteristics, as described in this article.

At the same time, approaches to data analysis also differ. If traditional sociological studies first put forward certain hypotheses that will have to be confirmed or refuted in the future, then digital studies search for correlations across all data before obtaining the desired information, which allows you to identify a number of significant relationships.

Secondly, for mass empirical research in the framework of the methodology of "digital sociology", it is necessary to use automated means of collecting and analyzing "big data" – parsers. The greatest opportunities are provided by the TargetHunter parser, where you can select and analyze the audience according to 150 different criteria. Until recently, this method was widely used in commercial research of audiences of various brands, and there were not so many scientific studies based on it. This is due to both the cost of using the parser (note that the cost of research based on parsing is minimal compared to full-fledged big data research) and the complexity of developing methodological approaches to solving certain empirical problems.

Thus, the quality of the sample is critically important – in order to get the most relevant audience, it is necessary to use a number of sampling principles described in the article. It should be noted that this methodology can be used in the study of any topics in the social network VKontakte. The palette of using the parsing method in sociological research is extremely wide – it is predicative research (for example, using this automated analysis, it is possible to outline the time limits of the occurrence of influenza epidemics in

a particular region of the country), research of political preferences of the population, attitudes to various socio-political and socio-economic initiatives, and much more.

Combining traditional research methods with digital methods is also promising, as the British "digital sociologist" Rogers wrote (Ruppert, Law, Savage, 2013b). For example, using the parsing method, you can identify opinion leaders within the target audience in order to conduct expert interviews or focus groups with them in the future.

Third, the article analyzed users of Orthodox family communities in VKontakte based on socio-demographic and behavioral criteria. As for the socio-demographic criteria, attention is drawn to the shift in the age of participants towards older age groups, namely 27-29, 30-24, 35-44. Meanwhile, in the study of Orthodox communities in VKontakte, conducted by us in 2016, the largest number was shown by age groups from 22 to 30 years. On the other hand, this shift can be explained by the fact that the greatest interest in family communities in social networks is traditionally shown by middle-aged people, and for the full picture it would be correct to study the entire set of Orthodox communities in VKontakte (more than 10 thousand communities).

The most interesting results were obtained by the main behavioral criterion—the involvement coefficient. In Orthodox family communities, it is significantly higher than in secular communities of the same subject (in the first, the average rate of involvement was almost 35%, while in the second—12.08%). This gap cannot be explained by the size of communities, the communication strategies of different communities, or other similar factors. In our opinion, the main reason for greater involvement in Orthodox family communities is precisely the religious orientation of the content. This helps to maximize the involvement of existing community members in the community's activities (through likes, republications, and comments), as well as to attract new active members.

References

- Akhmetov, S. (2018), "Big data: where to start", available at: <https://VK.ru/flood/37763-big-date-with-what-to-start> (Accessed 1 January 2020).
- Volkov, A. "How to clear the database of bots?", available at: https://vk.com/evo_marketing?w=page-41179708_51894717/ (Accessed 1 January 2020).
- Brand Analytics Blog (2018), "Social networks in Russia: figures and trends, autumn 2018", available at: <https://br-analytics.ru/blog/socseti-v-rossii-osen-2018/> (Accessed 2 January 2020).
- Castells, M. (2020), "Our life is a hybrid of virtual and physical space", available at: <http://ria.ru/interview/20120622/679289114.html> (Accessed 02 January 2020).
- Castells, M. (2004), *The Internet Galaxy: Reflections on Internet, business and society*, Translated by Matveev, A., U-Factoriya, Yekaterinburg, Russia.
- Demis Group (2020), "Features of the VKontakte audience", available at: <https://www.demis.ru/articles/celevaya-auditoria-VKontakte/> (Accessed 3 January 2020).
- VKontakte (2020), "Official VKontakte social network statistics", available at: <https://vk.com/about> (Accessed 3 January 2020).
- Pisarevskiy, V. (2016), "Orthodox communities in the Internet resource space and their impact on social networks", Ph.D. Thesis, Institute of sociology of Russian academy of sciences, Moscow, Russia.
- Russ, K. (2015), "Lent in Russia": statistics. Conversation with analysts of the research service "Wednesday", available at: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/78328.htm> (Accessed 04 January 2020)
- VKontakte (2020), "Search service audience in social networks "target hunter", available at: <https://vk.targethunter.ru> (Accessed 4 January 2020)
- Baym, B. K. (2013), "The data not seen: the uses and shortcomings of social media metrics", *First Monday* [Electronic], 10-7, vol. 18, available at: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/4869/3750>, (Accessed 5 January 2020)
- Boyd, D. and Crawford, K. (2012), "Critical questions for big data", *Information, communication and society*, 15 (5), 662-679.
- Boellstorff, T. (2013), "The creation of big data, in theory", *First Monday* [Electronic], 10-7, vol. 18, available at: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/4869/3750> (Accessed 5 January 2020).
- Carrigan, M. (2013), "What is digital sociology?", available at: [HTTP://markcarriganet/2013/01/12/что-это-цифровой-социология/](http://markcarriganet/2013/01/12/что-это-цифровой-социология/) (Accessed 11 January 2020).
- Castells, M. (2009), *Communication power*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Kavanagh, A. (2007), *Sociology in the Internet age*, Open University Press, Berkshire, UK.
- Crawford, K. (2013), "Hidden biases of big data", *Harvard business review* [Electronic], available at: <https://hbr.org/2013/04/the-hidden-biases-in-big-data> (Accessed 1 January 2020).
- Couldry, N. and Fotopoulou, A. (2014), "Social Analytics: Digital phenomenology in the face of algorithmic power", available at: <http://www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/S1042-319220140000013002> (Accessed 9 January 2020).
- Hand, M. (2014), *Big data? Qualitative approach to digital research*, Emerald Publishing.
- Ruka, M. (2014), *Digitization and memory: a study of practices for adapting to visual and textual data in everyday life*, available at: https://www.researchgate.net/publication/289398324_Digitization_and_Memory_Researching_Practices_of_Adaption_to_Visual_and_Textual_Data_in_Everyday_Life, (Accessed 9 January 2020).
- Kitchin, R. (2014), *The Data Revolution: big data, open data, data infrastructures and their consequences*, Sage, London, UK.
- Lupton, D. (2012), *Digital sociology: An introduction*, University Of Sydney, Sydney, Australia.
- Lupton, D. (2020), "Toward a Manifesto for public understanding of big data", available at: https://www.researchgate.net/publication/282871735_Toward_a_manifesto_for_the_'public_understanding_of_big_data' (Accessed 13 January 2020).
- Lupton, D. (2015), *Digital sociology*, Routledge, London, UK.
- Mayer-Schonberger, V. and Cukier, K. (2013), *Big data: a revolution that will change the way we live, work, and think*, John Murray, London, UK.
- Marres, N. (2012), "Redistribution of methods: on intervention in digital social research,

widely conceived, *Sociological Review Sociological commentary*, 60, 139-165.

Orton-Johnson, K. and Prior, N. (2013), *Digital sociology – critical perspectives*, Palgrave Macmillan, London, UK.

Rogers (2013), *Digital methods*, MIT Press, Cambridge, MA, UK.

Ruppert, E., Law, J. and Savage, M. (2013), "Reassembling social science methods: the challenge of digital devices", available at: <http://in the TCS.sagepub.com / content/start/2013/05/13/0263276413484941.multi-selection> (Accessed 15 January 2020).

Conflicts of Interest: the author have no conflict of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Vasiliy G. Pisarevskiy, PhD in Sociology, Senior Research Associate at Information and Analytical Center of the Faculty of Social Sciences, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

Писаревский Василий Геннадьевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник информационно-аналитического центра факультета общественных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 378.4 /316.422.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-3

Аблажей А. М.

«Господин профессор»: деградация роли и статуса
преподавателя в предпринимательском университете

Институт философии и права Сибирского отделения РАН
ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090, Россия
ablazhey63@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-3693-8845

*Статья поступила 6 февраля 2020 г.; принята 11 марта 2020 г.;
опубликована 30 марта 2020 г.*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, ролью и местом которые преподавательское сообщество занимает в структуре университета. Мы предполагаем, что в результате постоянного усиления тенденции к коммерциализации высшего образования неизбежна деградация роли и статуса профессорского сообщества в современном вузе. Проведенный анализ показал, что статуса исследовательского или предпринимательского университета ведет, с одной стороны, к увеличению финансирования и качественно-му рывку в развитии вуза, с другой – к резкому сужению пространства университетской демократии и падению влияния преподавательского сообщества. Наличие подобных тенденций вызывает озабоченность в преподавательской среде, а их продолжение приводит, в конечном итоге, к падению качества образования. Сделан вывод, что средством сглаживания подобных противоречий могла бы стать максимальная диверсификация источников развития (прежде всего финансирования) университетов. Это могут быть средства ассоциаций выпускников или крупных компаний, заинтересованных в долгосрочном сотрудничестве с вузом. Заметный рост такого рода доходов неизбежно приведет к усилению влияния тех же попечительских советов в качестве параллельных органов, если не рутинного (оперативного) управления вузом, но определения стратегических целей и источников его развития, которые, при внушительных объемах параллельного финансирования (речь идет, естественно, о государственных вузах), вполне могут выступать на равных как с университетской, так и государственной бюрократией.

Ключевые слова: высшее образование; реформирование; рейтинг; национальный исследовательский университет; профессорское сообщество; университетский менеджмент.

Информация для цитирования: Аблажей А. М. «Господин профессор»: деградация роли и статуса преподавателя в предпринимательском университете // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, N 1. С. 29-40. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-3

Anatoly M. Ablazhey

“Mr. Professor”: the degradation of the role and status of a teacher in an entrepreneurial university

Institute of Philosophy and Law of the SB RAS
8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia
ablazhey63@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-3693-8845

*Received February 06, 2020; accepted March 11, 2020;
published March 30, 2020*

Abstract. The pertinence of the study stems primarily from the role and place of the faculty in the structure of the university. We assume that as a result of the growing strength of the trend towards the commercialization of higher education, the role and status of the faculty or professorial community in a modern university is inevitable. The analysis demonstrates that the status of a research or entrepreneurial university leads, on the one hand, to increased funding and a qualitative breakthrough in the development of the university, on the other hand, to decline in standards in the field of university democracy and a decrease in the influence of the faculty. Such trends cause concern in the teaching environment, and their aggravation leads, ultimately, to a decline in the quality of education. It is concluded that the maximum diversification of the sources of development (primarily financing) of universities could become a means of smoothing over such contradictions. This may include funds of associations of graduates or large companies interested in long-term cooperation with the university. A noticeable increase in this kind of income will inevitably lead to an increase in the influence of the same board of trustees as parallel bodies, if not the routine (operational) management of the university, but the definition of strategic goals and sources of its development, which, with impressive amounts of parallel financing (obviously, this is about state universities), may receive an equal standing with both university and state bureaucracy.

Keywords: higher education; reforming; national research university; professorial community; university management

Information for citation: Ablazhey, A. M. (2020), ““Mr. Professor”: the degradation of the role and status of a teacher in an entrepreneurial university”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (1), 29-40. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-3

Введение (Introduction). Произшедшая в начале 2020 г. смена главы профильного министерства стала еще одним подтверждением того факта, что положение дел в сфере науки и высшего образования носит, как минимум, проблемный

характер. Приход нового министра также вызвал (и не в первый раз) активизацию дискуссий о правильности выбранного направления реформ в образовательной и научной сферах. Речь идет, в частности, о состоянии преподавательского сообще-

ства, его роли в современном университете и участии в определении путей его развития.

Актуальность тех проблем, которые мы собираемся обсудить в данной статье, обусловлена, прежде всего, ролью и местом, которые преподавательское сообщество занимает в структуре университета. На протяжении веков слава и престиж любого вуза, качество предоставляемого им образования определялись в первую очередь составом и профессиональной компетентностью его профессуры. В последние десятилетия, с наступлением эпохи коммерческого образования, что сопровождалось выдвижением на первые роли университетского менеджмента, ситуация стала меняться. Опыт развития англо-американской системы высшего образования показывает, что в преподавательской среде, в сфере ее взаимоотношений с менеджментом идут очень непростые и противоречивые процессы. Встает вопрос – что происходит в этой сфере в нашей стране, какие выводы следует сделать на основании изучения российского опыта функционирования вузовской системы в последние три десятилетия.

Методология и методы (Methodology and methods). Что касается *методологии* исследования, то в ее основу положена широко известная модель предпринимательского университета, ставшего порождением неолиберальной экономики и идеологии. Неолиберальный подход к организации высшего образования, максимально полно реализованный именно в предпринимательском университете, предполагает ускоренную коммерциализацию образования, что неизбежно влечет усиление позиций университетского менеджмента, затем, как следствие, – увеличение доли временных преподавательских позиций и рост числа срочных контрактов, «съезживание» внутриуниверситетской демократии. С целью фиксации и дальнейшей оценки подобных явлений применительно к России мы использовали результаты проведенных нами в 2000-2010-е гг.

исследований в университетах Сибири (Новосибирск, Иркутск, Красноярск, Абакан, Кызыл, Горно-Алтайск). Речь идет главным образом о материалах полуструктурированных и свободных интервью с представителями преподавательского корпуса, а также руководителями вузов (от заведующего кафедрой ректора). Использование подобной эмпирической базы позволило, во-первых, зафиксировать реальные процессы в российских вузах, во-вторых, показать их специфику на фоне общемировых тенденций. Естественно, мы использовали также материалы официальной статистики, а также ряд широко известных текстов, вышедших за авторском высших руководителей данной сферы (министры образования и науки, ректоры ведущих вузов и т.д.) и носящих, по сути, программный характер. Использовался также анализ существующей исследовательской литературы, как англо-, так и русскоязычной, посвященной состоянию современных американских, европейских и российских университетов. Среди наиболее авторитетных авторов следует назвать Д. Бока, Ф. Мировски, Х. Рэддера, М. Соколова, П. Степанцова, К. Губа и др.

Начиная описание обозначенной *проблемы, полученные результаты и состояние дискуссии* по данной тематике, обратимся вначале к опыту других стран. По мнению целого ряда зарубежных коллег, одним из результатов неолиберальных реформ в высшем образовании стала его ускоренная коммерциализация и, как следствие, постоянно нарастающий дефицит ресурсов. Недостаток средств приводит, в свою очередь, к постоянному сокращению пространства университетской демократии. Д. Бок, многолетний ректор, а впоследствии – президент Гарвардского университета, в своей книге, посвященной сфере высшего образования в условиях рынка, утверждает, что в современном американском вузе «решения стали приниматься более бюрократическим, иерархическим, централизованным, автоматическим и директивным способом»; в то же

время, по его мнению, «иерархически организованный менеджмент редко приводит к инновационным прорывам в образовании и науке» (Бок, 2012: 208). Размышляя о том, как придать инновационный импульс развитию Университета в подобных условиях, он дает следующий ответ: «университеты будут лучше справляться с защитой своих основополагающих ценностей, если профессора станут принимать участие в планировании и проверке всех форм коммерческой или иной приносящей прибыль деятельности, имеющих отношение к академической жизни университета» (Бок, 2012: 208).

Поскольку университеты все чаще идентифицируют себя в качестве производителя такого специфического товара как человеческий капитал, а не того места, где воспитываются будущие граждане (в истинном смысле этого слова¹), им становится все труднее обеспечивать общественную поддержку субсидируемого государством высшего образования. Университетам не остается ничего другого, как искать частные средства, чтобы компенсировать сокращение государственных субсидий. Но чем активнее университет ведет себя на образовательном рынке, тем меньше у него шансов добиться государственной поддержки, что приводит к фактической приватизации американской системы государственных университетов. По подсчетам американских экспертов, перед началом глобального финансового кризиса 2008 г. размер *государственных* взносов в бюджеты ведущих публичных исследовательских университетов Америки составлял около 20%; в последующем даже такой небольшой вклад сократился. Неолиберальный

¹См. «Гумбольдтовский идеал образования, которому следовала его концепция науки и университета, есть образ ищущего человеческого духа, восходящего путем своей самостоятельной деятельности до высшего понимания и нравственного совершенства; образование для него есть процесс самостановления индивида, воплощающего в себе истинный и нравственный мир» (Шнедельбах, 2002; 10).

пересмотр роли высшего образования стал, по сути, частью усилий по превращению университетов в часть глобальной конкурентной сферы услуг. Университеты становятся корпорациями, продукция которых – «информация» и «человеческий капитал», а студенты – всего лишь «клиенты». Как следствие, недалек тот день, когда государство сможет вовсе снять с себя ответственность за обеспечение массового образования (Lave, Mirowski, Randalls, 2010: 665).

Другой эффект коммерциализации: нарушение фундаментального принципа университета Гумбольдта относительно преподавания и научных исследований как взаимодополняющих видов деятельности. Когда главной целью университетских ученых становится производство коммерчески ориентированного знания (коммодификация), преподавание неизбежно превращается во вторичную функцию. На практике это приводит к тому, что многие университеты сегодня активно избавляются от штатных преподавателей, набирая временных сотрудников, а также постдоков. Так, в 2005 г., согласно данным Национального центра статистики в сфере образования, на более чем 48% преподавательских позиций в американских колледжах, получавших федеральное финансирование, преподаватели работали на неполный рабочий день или были внештатными (Mirowsky, 2010: 44). Достижение статуса *tenure* становится для американской профессуры все более сложной задачей.

Частные беседы с американскими коллегами, состоявшиеся в последние годы, убедили автора в том, что традиции западной университетской демократии в целом находятся под угрозой, пространство их действия активно сужается благодаря действиям вузовской бюрократии. Например, в Университете штата Аризона офис ректора просто оповестил профессуру о том, что в вузе больше нет традиционного факультета свободных искусств (College of Liberal Arts), вместо которого было создано несколько новых факульте-

тов. Мы сейчас оставляем в стороне вопрос о целесообразности подобных изменений – не исключено, что с точки зрения управленца они вполне рациональны. Речь о том, что в таком важнейшем вопросе как изменение структуры университета, преподавательское сообщество было просто отодвинуто в сторону.

Голландские исследователи, В. Хафманн (профессор Института научных исследований в области науки, инноваций и общества, и Факультета науки Университета Неймегена) и Х. Рэддер (профессор философского факультета Свободного университета Амстердама) в своей нарочито провокационной статье выдвигают концепцию «оккупированного университета», при этом роль завоевателя играет все тот же «менеджмент», который они образно называют «многоголовым Волком» («many-headed Wolf of management») (Halfmann, Radder, 2015: 165). Именно новые менеджеры, руководящие ныне Университетом, ответственны, по их мнению, за введение «режима, одержимого [такими ценностями] как «подотчетность», измерение, усиление конкуренции, эффективность, «превосходство» и ошибочной надеждой на экономические рычаги [как главный способ управления университетом]. Учитывая пагубные побочные эффекты такой оккупации, мы должны спросить себя, как менеджерам удалось овладеть нашими университетами» (Halfmann, Radder, 2015: 165-166). Далее авторы предлагают сценарий, благодаря которому Университет получает шанс вновь станет открытым и свободным (см. заключительную часть статьи).

Т. Ингольд (Т. Ingold), профессор Абердинского университета (Шотландия), автор петиции, призывающей «спасти» вуз, также пишет о пагубной роли университетского менеджмента: «академическое сообщество и наше стремление к образованию и науке были разрушены коррозией, ставшей следствием режима управления, который основан на издевательствах и запугивании... основополагающие принци-

пы, на которых основана академическая жизнь – доверие, профессионализм и свобода выражения мнений, были погребены под лавиной безумных целей, дегуманизации, дисфункциональных ИТ-систем, произвольных директив и фиктивных консультаций». Воссоздание («reclaiming») своего вуза Ингольд предлагает начать с кафедры антропологии, поскольку, по его мнению, что хорошо для антрополога, как знатока человеческих обществ, то хорошо для всего университета (Ingold, 2015).

Подобного рода эволюция места профессуры в структуре университета и девальвация ее статуса особенно разительна по сравнению с «золотым веком» интеллектуальной элиты. Речь о Германии второй половины XIX в., периода расцвета «Университета Гумбольдта». Ф. Рингер в своей знаменитой работе пишет: «В демократических и высокоиндустриальных обществах ученая степень или должность в университете конкурирует с другими мерами общественной ценности и достоинства, самые важные из которых – политические и экономические. В Германии до 1890 года, напротив, академические ценности несли на себе печать официального и общественного признания. Далекий от предпринимательства высший средний класс, просвещенная аристократия мандаринов, стали действительным правящим классом нации. Университетские профессора, мандарины-интеллектуалы, говорили от имени явной элиты и были выразителями ее ценностей. Они неизменно занимали чрезвычайно высокое место в жизни страны, пока высшее образование оставалось существенным фактором социальной стратификации Германии» (Рингер, 2008; 49-50). Подобного рода характеристика, пусть и с изрядными допущениями, вполне может применена в том числе к профессуре советского вуза. В постсоветское время положение дел сильно изменилось.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Российские исследователи также все чаще подчеркивают то обстоятельство, что суще-

ственное изменение институционального ландшафта современного университета носит фундаментальный характер. Исходя из этого, предлагается обратить самое пристальное внимание на внутреннее устройство отечественных вузов, реконструировать историю их развития, специфику складывания локальных традиций, формирования уникального «духа университета», формы и способы коммуникации университетского менеджмента, с одной стороны, и преподавательского корпуса, с другой. Иначе говоря, утверждается точка зрения, согласно которой университет является «организацией, объединяющей в себе множество контрагентов, борющихся и кооперирующихся друг с другом, конкурирующих или совместно принимающих решения... агенты внутри университета формируют устойчивые конфигурации отношений» (Степанцов, 2012: 81).

Российское образование на протяжении всего постсоветского периода испытывает серьезные проблемы с пополнением профессорско-преподавательских кадров. Стратегический характер принимает возрастная характеристика профессорско-преподавательского состава вузов, а именно, растет его средний возраст, равно как и менеджеров вузов. При этом оценка причин подобного явления профессионалами и управленцами радикально разнится. Ректор Московской юридической академии (учебного заведения, по определению не испытывающего проблем ни с набором студентов, ни с внебюджетным финансированием) Б. Кутафин прямо писал о том, что при *нынешнем уровне преподавательских доходов* и соответствующих темпах омоложения профессорско-преподавательского состава очень скоро «преподавание станет фикцией: малограмотные люди будут готовить абсолютно малограмотных специалистов» (Кутафин, 2007). На практике в условиях постоянного дефицита государственных ресурсов руководство многих вузов, в целях поддержания финансовой стабильности, вынуждено пойти по пути сокращения преподавательских

кадров, что неизбежно влечет за собой усиление нагрузки на оставшихся (что сегодня по факту уже происходит в целом ряде вузов и тенденция эта будет только усиливаться). Согласно официальным данным, в сфере высшего профессионального образования «38,6% работающих старше 65 лет. За последние годы оживился приток молодежи в вузы, но темпы естественного старения пока выше динамики обновления профессорско-преподавательских кадров, и фактически мы имеем поколенческий разрыв. При этом, как ни парадоксально, рост бюджетной обеспеченности не способствует обновлению кадров в образовании: чем лучше идут дела, тем меньше находится желающих освободить свои места, предоставляя возможность карьерного роста молодым» (Волков, Ливанов, Фурсенко, 2007). Таким образом, соглашаясь с тем, что темпы омоложения профессуры крайне низкие, причины назывались совершенно разные: для ректора Кутафина это *недостаток* ресурсов и молодежь *не хочет* делать преподавательскую карьеру, для министра Фурсенко – их *избыток* (!) и молодежь *не может* попасть на университетские кафедры.

По нашему мнению, молодежь, как правило, не только не может, но и не хочет пополнять ряды преподавателей высшей школы. По результатам проведенных нами исследований системы академической аспирантуры в середине 2000-х и в конце 2010-х гг., менее 10 процентов аспирантов хотели бы делать профессорскую карьеру. Они видят себя или в науке, или в наукоемком бизнесе (Аблажей, 2019; 51).

М. Соколов, выделяет, вслед за А. Хиршманом, два источника власти университетской профессуры. Первый из них – это «власть выхода», т.е. возможность уйти из данного университета в другой, предлагающий более выгодные условия. Второй – «власть голоса», предполагающий участие профессуры в решении вопросов внутриуниверситетской жизни путем голосования. Анализируя в рамках данного подхода постсоветский опыт су-

ществования российской вузовской системы, автор отмечает: «суверенитет университетской профессуры постепенно теряет свою силу, так как демократические выборы заменяются цепями бюрократического порядка». Правда, по словам Соколова, мы являемся свидетелями наличия и противоположной тенденции: существенное сужение университетской демократии сопровождается одновременным «увеличением финансирования научных исследований и целенаправленными попытками стимулировать межрегиональную академическую мобильность, с целью предоставить научной элите «власть выхода» в обмен на потерю «власти голосования» (Соколов, 2014).

По словам К. Губы, традиционный фокус внимания исследователей только на преподавателях и студентах вузов отражает «привычный взгляд на университет, в котором администрация осмысливается как изначально подчиненный элемент, который не делает университет университетом. Однако множество изменений в современных высших учебных заведениях невозможно проанализировать без внимания к тому, за счет каких ресурсов они живут и как они управляются. Для того, чтобы продвинуться в этом направлении, нужно отказаться от изучения одной только повседневности, которая близка нам как студентам и как преподавателям, и задаться вопросом, что происходит за закрытыми дверями административных помещений» (Губа, 2014: 145).

Проведенные нами во второй половине 2010-х гг. ряда сибирских вузов в основном подтверждают приведенные выше мнения. Возьмем в качестве примера Иркутский технический университет, имеющий статус национального исследовательского. В интервью один из его профессоров так прокомментировал ускоренную трансформацию организационной структуры вуза: «Этот процесс – институты вместо факультетов – активно пошел год-два назад, причем одни факультеты сливались, и образовывался вместо двух

факультетов один институт, иногда факультет дробился, одна его часть отдавалась одному институту, другая – другому. Вот, буквально, не так давно тоже возникло два новых института, буквально несколько недель назад был образован новый институт – из одной кафедры один институт (!), что тоже вызывает некоторое удивление у народа. Вообще, процесс образования институтов, на мой взгляд, это игра, которую устраивает администрация, для того, чтобы убрать неугодных людей, и создать ту структуру, которая была бы им более, так сказать, послушна». На уточняющий вопрос о том, можно ли сказать, что, по сути, ставилась задача сделать систему более управляемой, наш собеседник дал утвердительный ответ: «Конечно, конечно... дело в том, что декан – он же выбирается, а директор института назначается. Если ты хочешь, ты всегда можешь его сместить, расторгнуть с ним контракт, который существует. Как, кстати, и проректора. Все они полностью зависят от ректора. И получается такая управляемая стабильная структура, которой можно руководить как хочешь, неугодных убирать». Аналогичная ситуация складывается и с ученым советом университета: «Ученый совет из органа, который действительно влияет на ситуацию, превращается в управляемый орган, который практически ничего не говорит против власти. Поднимает руки и все».

Другими словами, в российских вузах, в первую очередь ведущих (национальных, федеральных, исследовательских университетах, а также опорных вузах), и ИРНТУ здесь далеко не уникален, также идет ускоренное свертывание демократических традиций, вследствие чего профессура все дальше отодвигается от реального влияния на дела вуза, включая обсуждение перспектив его развития, выделение приоритетных направлений и т.д. Директоров одного из вновь созданных институтов также посетовал на то, что наряду с усилением властной вертикали ректорат (а выше

– профильное министерство) теряет возможность обратной связи с преподавательским сообществом, и ждать инновационных прорывов в содержании и организации образовательного процесса в этой ситуации просто наивно: «какое-то самоуправление, появление новых идей и свобод – оно теперь полностью контролируется и я не знаю, хорошо ли это? Наверное, нет, потому что инициативы то нет. Люди подневольные в творческом отношении слабы, зачем им делать лишний шаг куда-то в сторону, если они знают, что их могут остановить, поругать, а может быть, даже и убрать. Теперь коллектив не может влиять на то, кто будет руководить. Он не может выбирать того человека, который устраивает [профессуру] и который, на ее взгляд, отвечает чаяниям, требованиям и может за них бороться. Зачем будет руководитель института бороться за свой коллектив, если он от него [коллектива], никак, собственно, не зависит».

Для нас в этой схеме, вполне рациональной и разумной точки зрения классического менеджмента, принципиально важен один момент – создание новой структуры университета привело к резкому сокращению пространства внутри университетской демократии, что наложило на параллельное сокращение пространства университетской автономии в целом, поскольку особая схема финансирования НИУ предполагает гораздо более жесткий контроль и схему курирования всех сфер жизни вуза со стороны профильного министерства и других контролирующих органов (министерства финансов и др.). На вопрос, как обеспечить лучшую управляемость и насколько необходимо более активное участие преподавателей в этом процессе, наш респондент ответил: «На мой взгляд, у нас была такая, будем говорить, командно-административная система последние годы, и как показала практика, в ней положительного мало. Тут надо как-то сдвинуть, [может быть], не совсем демократическую си-

стему избрать, но смешанную, чтобы преподавателям было интересно, чтобы стимулы были какие-то работать: зарабатывать деньги, писать статьи. Мы всегда говорили, что надо разделяться: кто может наукой заниматься, надо стимулировать, чтобы он ею занимался, кто может писать методические указания, учебные программы разрабатывать, его тоже надо стимулировать. Чтобы был интерес, их активность. Мы разрабатывали систему поощрений, но это все куда-то на полку ушло. Надо вернуться к этому, к этой системе».

На наш взгляд, необходимо обратить особое внимание на важное обстоятельство, отмеченное одним из наших респондентов, а именно тот факт, что сложившаяся в университете система руководства не всегда способна адекватно реагировать на постоянно изменяющиеся потребности – государства, абитуриентов, бизнеса. Рядовые преподаватели практически выключены из процесса осмысления и публичного обсуждения того, что происходит с вузом сейчас и как будет строиться его политика в будущем. Это особенно ярко проявляется в опыте создания таких мега-вузов как Сибирский федеральный университет. Проведенные нами в 2015 г. интервью как с представителями руководства университета (уровень проректоров), так и «рядовыми» профессорами показали, что инициированное сверху объединение 4-х вузов в один гигантский университет (только одна цифра в подтверждение этого тезиса: на заседании Ученого совета СФУ прозвучала такая цифра: общее число только различного рода печатей в университете составляло около 300) отнюдь не улучшило, а напротив, ухудшило положение профессуры. Многие наши собеседники сетовали на то, что их мнение вообще никого не интересует; создание объединенных кафедр привело к тому, что заведующий не в состоянии просто запомнить всех по фамилиям, что сделало невозможным проведение заседаний, в которых могли бы участвовать все преподаватели. Размеры вуза

таковы, что механизм обратной связи между ректоратом и профессорским сообществом работает очень слабо.

На момент нашего исследования в СФУ проходила кампания подготовки Программ развития кафедр, прежде всего – перспективных планов. Ряд заведующих признавались в интервью, что им не всегда понятно, чем будут заниматься кафедры в этой связи, какова логика подготовки этих планов. Профессора, особенно старшего возраста, обиженно говорили о «гигантских зарплатах» ректората. Много едких слов было сказано и о ректоре, который не вникает в дела, а за его спиной делается все. Одной из главных проблем, по словам наших собеседников, следовало бы считать непонимание или неприятие профессорско-преподавательским составом университета происходящих в вузе изменений. Понятно, что этому есть и объективные основания, прежде всего размеры вуза (на 2015 г. в СФУ только преподавателей числилось около 3 тыс. чел.), что создает серьезные проблемы в управлении таким огромным учреждением, внешние обстоятельства (надо быстро реагировать на постоянно возникающие вызовы). По свидетельству одного из членов Ученого совета СФУ, на нем ни разу не обсуждались действительно стратегические вопросы (единственный пример – обсуждение программ строительства). Вуз становится настолько крупной организацией, что стремление максимально усилить степень управляемости перевешивает стремление к автономии отдельных структур. В этом же ключе следует рассматривать и тенденцию замены факультетов институтами. Ректорат усиленно насаждает мысль о том, что роскошь свободного обсуждения, широкого обмена мнениями в современных условиях недопустима. Очень важно – нет и механизмов такого рода обсуждений, таких как общее собрание, очное голосование, обсуждение кандидатур и пр. Наконец, вуз хорошо научился использовать стратегию больших политических проектов: СФУ как политический проект, Программа развития как

его воплощение, теперь вот огромное внимание Универсиаде 2019 г., под которую планировалось получить около 80 млрд. Собственно образовательная деятельность, не говоря уже о научной, волей-неволей оказывалась в тени этих мега-проектов.

Другими словами, по мнению профессуры, в идеале необходимо соединить принцип единоначалия с демократией. Этого не удалось сделать ни в Сибирском федеральном университете, ни в Иркутском политехе за 3,5 года, прошедших после получения статуса национального исследовательского университета. Напротив, все свидетельствует о том, что ни старое, ни новое руководство вуза к этому и не стремились. Складывается впечатление, что в своих интервью и обличительных статьях прежний, насильственно отстраненный от власти ректор и не пытается апеллировать к преподавательскому сообществу, полагая, что от него мало что зависит. В эпоху коммерциализации образования, прежде всего высшего, университетская демократия только мешает управлять вузом как коммерческим предприятием, главное предназначение которого – приносить прибыль, а основное предназначение наемного работника – безусловно исполнять указания руководства, равно как университетская автономия мешает управлять университетом в рамках министерской властной вертикали. В новой редакции Устава того же ИрНТУ отмеченная тенденция получила логическое завершение путем отказа от выборов ректора в пользу его назначаемости. Ректор, как высшее должностное лицо, вуза теперь не подотчетен коллективу, его работодатель – профильное министерство. Таким образом, для вуза получение особого статуса – национального исследовательского университета – означало не только наступление эры (правда, сравнительно кратковременной) относительного финансового благополучия, но и чрезвычайного усиления бюрократии. Последняя, следуя классическим законам Паркинсона, очень скоро даст всем понять, что именно она – главная в

вузе, поскольку обоснование порядка задачи и определение размера дополнительных средств, которые окажутся в распоряжении той или иной кафедры, факультета, института, равно как и каждого отдельного преподавателя, находятся почти исключительно в ее компетенции.

Не удивительно, что сегодня в сложившихся в целом ряде ведущих университетов условиях наиболее ощутимые дивиденды (как финансовые, так и, что не менее важно, властные) от получения статуса ведущего вуза получили именно бюрократические структуры (офисы проректоров по развитию, инновациям, проектные офисы и пр.), которые начинают работать в основном исключительно на себя, почти не принимая во внимание интересы преподавателей и студентов. В подобных условиях традиционный, но ставший именно в эпоху коммерциализации и бюрократизации образования чрезвычайно актуальным вопрос о том, кто занимает в вузе центральное место – преподаватель или управленец, кажется сегодня скорее риторическим, поскольку ответ на него очевиден. С другой стороны, подобный подход оказывается справедливым при условии, что управление вузом, который является сложноорганизованной системой, строится на основе упрощенных приемов и сводится лишь к капитализации текущего статуса и заданию порядка распределения средств – не только полученных из государственного бюджета, но и заработанных самим университетом, т.е. *прежде всего его преподавателями.*

Налицо не только резкое сужение пространства внутриуниверситетской демократии и сокращение возможностей профессуры по участию в управлении вузами, но и резкое падение их статуса. Это особенно заметно на примере небольших региональных вузов. Наши исследования, проведенные в республиках Сибири в 2000-х гг., показали, что престиж лиц интеллектуальных профессий, в том числе научных сотрудников и вузовских преподавателей, в глазах молодежи сильно упал.

Для всех наших собеседников абсолютно бесспорна убежденность в том, что «раньше» (очевидна нечеткость такого временного разграничения, и более строго хронологически это можно обозначить как период 1940-1980-х гг., что особенно характерно для Тувы) положение науки и ученого, преподавателя вуза, степень уважения к образованным людям вообще, к новой, только нарождавшейся национальной интеллигенции, были совершенно иными, чем сегодня: *«раньше мы были белая кость, уважаемые люди. Особенно для восточного общества – они уважали учителей. А сейчас я просто по глазам своих студентов вижу – мы на обочине дороги».*

Падение статуса проявляется не только в падении уважения к профессуре в глазах студентов. Налицо также резкое расслоение прежде в целом единого университетского сообщества. Пользуясь терминологией Е. Балацкого, мы наблюдаем резкое уменьшение объема академической ренты, получаемой «рядовым» профессором, ставшим, по сути, пролетарием умственного труда в эпоху неолиберального капитализма. Речь идет фактически о «полном *отчуждении ректора от рядовых сотрудников*: доходы ректора в десятки и сотни раз превышали доходы профессор... на современном этапе развития высшей школы дистанция между администраторами и преподавателями приобретает особые формы благодаря новым технологиям [в результате] администрация учебного заведения фактически узурпировала все академические свободы профессор... [которые] являются беззащитными марионетками скрытых манипуляций» (Балацкий, 2014: 159-160).

Заключение (Conclusions). В *заключении* статьи нам бы хотелось порассуждать о возможных действиях преподавательского сообщества в подобной ситуации. Согласно сценарию Хоффмана и Рэддера, речь можно вести о следующих мерах. Прежде всего, честно писать в те же научные фонды о сверхурочной работе и работе в выходные дни. Важную роль мог

бы сыграть коллективный отказ от наиболее вопиющих проявлений бюрократизации и коммерциализации, например, от участия в университетских рейтингах. Что касается профсоюзных акций и коллективных действий, то они должны непременно иметь большой масштаб. Эффективным могло бы стать также внедрение «альтернативных индикаторов активности» профессуры в образовательной и научной сферах. Например, отказ от оценки исключительно финансовых или публикационных показателей, наряду с которыми можно было бы говорить об оценках в глазах коллег. Возможно проведение парламентских и политических акций, информирование наблюдательных советов и государственных структур о «ложных обещаниях со стороны менеджмента, злоупотреблениях ресурсами, фактах коррупции, конфликтах интересов, высокомерии лиц, занимающих высокие должности в университетской иерархии, бюрократизме, скандалах и пр. В этой связи очень знаково выглядит заключительная фраза статьи: «Возможен только один вывод: работники всех университетов, объединяйтесь!» («Only one conclusion is possible: Workers of all universities: unite!»).

Российская профессура вряд ли способна на столь радикальные действия. На наш взгляд, и эту мысль подтверждает опыт зарубежных университетов, бороться с тенденциями сужения внутриуниверситетской демократии и сокращения влияния преподавательского сообщества на жизнь вуза возможно главным образом путем максимальной диверсификации источников развития (прежде всего финансирования) университетов, прежде всего за счет активного поиска частных инвесторов. Подчеркнем, что в данном случае речь не идет об увеличении удельного веса средств, полученных в качестве платы за обучение – как правило, эти средства концентрируются в руках ректората и становятся лишь дополнением к бюджетным деньгам. Речь идет об увеличении доли тех доходов, на которые отсутствовало право

монопольного распоряжения со стороны руководства вуза. Это могут быть средства ассоциаций выпускников, крупных компаний (что делали, например, крупные нефтяные компании в Томском политехническом университете и т.д. Заметный рост такого рода доходов неизбежно приведет к усилению влияния тех же попечительских советов в качестве параллельных органов если не рутинного (оперативного) управления вузом, но определения стратегических целей и источников его развития, которые, при внушительных объемах параллельного финансирования (речь идет, естественно, о государственных вузах), вполне могут выступать на равных как с университетской, так и государственной бюрократией. Наличие же пусть мощного, но занимающего монопольное положение источника финансирования (в нашем случае – государственных средств по линии профильного министерства) и соответствующих практик и институций их распределения неизбежно приводит к съезжанию университетской демократии, отстранению преподавательского сообщества от участия в действительно важных делах вуза и, в конечном счете, ухудшению качества образования.

Список литературы

- Аблажей А. М. Университетский менеджмент и преподавательское сообщество в споре о будущем вуза // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2015. Т. 13. Вып. 4. С. 83-89.
- Аблажей А. М. Институт аспирантуры в постсоветский период: сравнительный анализ (часть 2) // Философия образования. 2019. Т. 19, № 3. С. 46-56.
- Балацкий Е. В. Истощение академической ренты // Мир России. 2014. № 3. С. 150-174
- Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Губа К. Рецензия на работы: 1) Наши университеты. Факультеты ненужных вещей? Качества и смыслы гуманитарного образования. Проблемно-тематический сборник; 2) Наши университеты. Студенты. Альманах-

исследование // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2014. № 6 (2). С. 145-148.

Кутафин О. Негосударевы слуги. Через пять лет высшее образование в России может стать фикцией. URL: http://www.ng.ru/politics/2007-07-25/3_kartblansh.html (дата обращения: 12.03.2020).

Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., 2008.

Степанцов П. Как «видят» университеты: от теории организаций к социальной топологии // *Социология власти*. 2012. № 4-5. С. 77-95.

Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // *Логос*. 2002. № 5-6. С. 1-14.

Halfman W., Radder H. The Academic Manifesto: From an Occupied to a Public University // *Minerva*. 2015. Vol. 53. Iss. 2. Pp. 165-187.

Ingold T. Reclaiming the university of Aberdeen. URL: <https://allegralaboratory.net/reclaiming-the-university-of-aberdeen-universitycrisis/> (дата обращения: 26.01.2020).

Lave R., Mirowski Ph., Randalls S. STS and Neoliberal Science // *Social Studies of Science*. 2010. № 40 (5). Pp. 659-675.

Mirowski Ph. *Science-mart: Privatizing American Science*. Cambridge: Harvard University Press, 2010. 454 p.

Sokolov M. Academic Profession: Challenges of Transformation. The Sources of Post-Soviet Professorial Power // *The Hire Education in Russia and Beyond*. 2014. Iss. 2. Pp. 10-11. URL: <http://www.herb.hse.ru/en/2014--02.html> (дата обращения: 10.03.2020).

References

Ablazhey, A. M. (2015), "University management and the teaching community in a dispute about the university's future", *Bulletin of NSU. Series: Philosophy*, 13 (4), 83-89. (In Russian).

Ablazhey A.M. (2019), "Postgraduate in the Post-Soviet Period: a comparative analysis (part 2)", *Philosophy of Education*, 19 (3), 46-56. (In Russian).

Balatsky, E. (2014), "Exhaustion of academic rent", *World of Russia*, (3), 150-174. (In Russian).

Bok, D. (2012), *Universities in market conditions. Commercialization of Higher Education*, Izdatelsky dom Vysshey shkoly ekonomiki, Moscow, Russia. (In Russian).

Guba, K. (2014), "Review of the work: 1) Our universities. Departments of unnecessary things? Quality and meanings of arts education. Topical collection; 2) Our universities. Students. Almanac-study", *Laboratorium. Journal of Social Studies*, (6), 145-148. (In Russian).

Kutafin, O. "Across five years higher education in Russia may become a fiction", [Online], available at: http://www.ng.ru/politics/2007-07-25/3_kartblansh.html (Accessed 12 March 2020). (In Russian).

Ringer, F. (2008), *The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890-1933*, Moscow, Russia. (In Russian).

Stepancov, P. (2012), "How to "see" the university: from theory to social organizations topology", *Sociology of Power*, (4-5), 77-95. (In Russian).

Shnedelbach, G. (2002), "Humboldt University", *Logos*, (5-6), 1-14. (In Russian).

Halfman, W. and Radder, H. (2015), "The Academic Manifesto: From an Occupied to a Public University", *Minerva*, 53 (2), 165-187.

Ingold, T. "Reclaiming the university of Aberdeen", [Online], available at: <https://allegralaboratory.net/reclaiming-the-university-of-aberdeen-universitycrisis/> (Accessed 26 January 2020).

Lave, R., Mirowski Ph. and Randalls, S. (2010), "STS and Neoliberal Science", *Social Studies of Science*, (40), 659-675.

Mirowski, Ph. (2010), *Science-mart: Privatizing American Science*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.

Sokolov, M. (2014), "Academic Profession: Challenges of Transformation. The Sources of Post-Soviet Professorial Power", *The Hire Education in Russia and Beyond*, (2), 10-11, [Online], available at: <http://www.herb.hse.ru/en/2014--02.html> (Accessed 10 March 2020).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Аблажей Анатолий Михайлович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН.

Anatoly M. Ablazhey, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4

Башева О. А.

Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, г. Москва, 117218, Россия
isras@isras.ru
ORCID iD: 0000-0003-1459-0091

*Статья поступила 13 декабря 2019 г.; принята 1 марта 2020 г.;
опубликована 30 марта 2020 г.*

Аннотация. Большая часть жителей Земли уже являются пользователями сетевых технологий, что оказывает серьезное влияние на нашу культуру в целом и на участие в публичной политике, в частности. Интернет становится не просто площадкой для гражданских практик, но дает средства для их реализации. Западные исследователи довольно глубоко их изучили, но российское исследовательское поле еще не насыщено эмпирическими исследованиями, они носят лишь единичный характер, чем уникальны, и дают общие представления о феномене цифрового участия в стране, а в большей степени о неполитическом активизме, связанном с решением острых локальных проблем. В связи с этим раскрываются две поставленные перед автором задачи: (1) описание специфики цифрового активизма в целом в мире и (2) выявление особенностей экологического цифрового активизма в России в частности. Для их решения был проведен обзор имеющихся по теме научных работ на русском и английском языках, в которых рассмотрен специфический терминологический аппарат для описания цифрового активизма и предложены различные определения этого понятия; перечислены новые формы гражданского активизма с использованием цифровых технологий особенно в крупных городах (подписание онлайн-петиций и участие в онлайн-дискуссиях, вступление в ad-hoc группы в соцсетях, репосты и размещение ссылок на материалы о проблемных темах, краудсорсинг и краудфандинг), включая те, которые ранее были просто невозможны; перечислены и типы интернет-площадок для цифрового активизма; приведены аргументы техно-оптимистов и пессимистов относительно эффективности цифрового участия и рисков, которые оно несет; предложено описание эмпирических исследований российских авторов. Последние делают выводы о том, что гражданское участие в стране сегодня проявляется скорее в коротких и акционных практиках, чем в длительных и требующих идти на высокие риски. Его особенностью стала переориентирование на социальную кооперацию и взаимопомощь, а ядром – сетевые группы активистов. Отдельное внимание посвящено созданию гражданских онлайн-приложений и зарождающемуся в России сетевому сообществу программистов, разрабатывающих их.

Ключевые слова: общественные движения; онлайн-петиции; публичная политика; протесты; цифровой активизм; цифровые технологии; социальные сети; экологические конфликты.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ № МК-3338.2019.6 на тему «Построение качественной модели по оценке освоения россиянами новых форм цифрового городского участия в решении социально-экологических проблем и конфликтов».

Информация для цитирования: Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, N 1. С. 41-57. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4

Olga Al. Basheva

Digital activism as a new method of civil mobilization

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
isras@isras.ru
ORCID iD: 0000-0003-1459-0091

*Received December 13, 2019; accepted March 01, 2020;
published March 30, 2020*

Abstract. Most of the world's citizens are now familiar with network technologies, which has a serious impact on our culture in general and on participation in public politics in particular. The Internet is becoming not just a platform for civic practices, but provides funds for their implementation. Western researchers have studied them quite deeply, but the Russian research field is not yet filled with empirical research, they are only single in nature, thus, unique, and give general ideas about the phenomenon of digital participation in the life of the country, and more about non-political activism associated with solving acute local problems. In this regard, the author has to solve two tasks: (1) to describe the specifics of digital activism in the world in general, and (2) to identify the features of environmental digital activism in Russia in particular. To solve these tasks, a review of the available scientific papers in Russian and English was conducted, in which a specific terminological apparatus for describing digital activism was considered and various definitions of this concept were proposed. The author provides a list of new forms of civic activism using digital technology, especially in large cities (signing online petitions and participating in online discussions, joining ad-hoc groups on social networks, reposting and posting links to materials on problematic topics, crowdsourcing and crowdfunding), including those that were previously simply impossible. The article provides a list of Internet sites for digital activism and gives arguments voiced by some techno-optimists and pessimists regarding the effectiveness of digital participation and the risks it carries. The author suggests a description of empirical studies of Russian authors who conclude that civic participation in the country today is manifested rather in short and promotional practices than in long ones that require taking high risks. Today, civic participation is characterized by a reorientation to

social cooperation and mutual assistance with network groups of activists in its core. Special attention is devoted to the creation of civic online applications and to the nascent online community of programmers developing them in Russia.

Keywords: social movements; online-petitions; public policy; protests; digital activism; digital technologies; social networks; environmental conflicts

Information for citation: Basheva, O. A. (2020), "Digital activism as a new method of civil mobilization", *Research Result. Sociology and management*, 6(1), 41-57. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4

Введение (Introduction). Массовые мобилизации, произошедшие в разных странах мира начиная с 2009 г., включая Арабскую весну (Желтов и Желтов, 2014), протесты в США, Великобритании (Halliday, 2011), Турции, Испании, России и странах постсоветского пространства (Мартынов, 2012), инициировали обсуждение роли онлайн-пространства в социально-политических процессах, в частности роль цифрового активизма в социально-политических изменениях (Гнедаш, Рябченко, 2014). Мобилизации граждан в ответ на природные и техногенные катастрофы также стали более массовыми и эффективными благодаря цифровым технологиями (Яницкий, 2010; Усачева, 2012; Usacheva, 2013; Башева, 2018). Появились новые формы поддержки различных гражданских инициатив в социальных сетях и на краудсорсинговых площадках.

Принимая все это во внимание, исследователи говорят о двойственном характере влияния виртуальных социальных сетей на гражданскую активность: с одной стороны, современные информационные и коммуникационные технологии предлагают принципиально новые возможности для выражения своей гражданской позиции, осуществления коллективной мобилизации социального (Усачева, 2012) и политического характера (Ваньке и др., 2014), трансформации митинга как устойчивой формы публичного городского ритуала (Архипова и др., 2018) и т.д.; с другой стороны, «они способствуют отчуждению пользователей от реального протестного движения, ограничиваясь только вирту-

альными способами взаимодействия» (Ушкин, 2015: 4). Наличие подобного дуализма мнений в научном сообществе стимулирует изучение практик цифрового активизма для выявления его реальной эффективности в решении различного рода проблем, волнующих население.

И если в западном научном мире поле исследований цифрового активизма уже довольно насыщено эмпирической информацией, то в российской литературе подобные исследования носят единичный характер, что обусловлено недавней историей подобных практик (им не более десятилетия), перениманием западных практик и инструментов, а также только лишь зарождающимся характером специфических сетевых структур разработчиков гражданских приложений (Рябченко, Гнедаш, 2016), служащих площадками для цифрового активизма.

Методология и методы (Methodology and methods). В данной статье посредством анализа научной зарубежной и отечественной литературы предпринята попытка описания различных аспектов цифрового активизма. Для реализации поставленной задачи были проанализировано более пятидесяти современных научных статей, опубликованных в русскоязычных и англоязычных реферируемых журналах по следующим ключевым словам: «цифровой активизм», «медиа активизм», «цифровое гражданское участие», «виртуальное участие», «хактивизм», «слактивизм», «краудсорсинг», «краудфандинг» и т.д. Мета-анализ был проведён осенью 2019 г.

Определение понятий: типы участия граждан. В рамках концепции публичной политики как института обратной связи между властью и гражданским обществом выделяют несколько типов участия граждан: политическое, гражданское, социальное и общественное. «Под “политическим участием” понимают прямую или опосредованную вовлеченность людей в политико-властные отношения, формирование политических институтов и процесс выработки политических решений. Понятие “гражданское участие” шире, оно включает в себя активную деятельность объединений граждан в различных структурах и демократических институтах, направленную на совместную разработку решений острых и актуальных проблем» (Демушина, 2015: 114). И. А. Скалабан предлагает различать гражданское и социальное участие, поскольку первое понимается как «вертикальное участие», связанное с процессами со-управления и принятия решений, а второе – как «горизонтальное участие», связанное с взаимопомощью и кооперацией для удовлетворения общественных интересов. «Общественное участие» является наиболее широким из перечисленных понятий, многие его отождествляют с гражданским (Скалабан, 2011).

Современная модель общественного участия имеет сложный характер и включает такие структурные и атрибутивные свойства как «давление – способность оказывать давление на власть или определенную институциональную структуру с помощью гражданского или политического акционного действия (протеста); влияние – способность мобилизовать общественное мнение, создавать публичный резонанс и формировать и реализовывать общественный контроль; свойство принадлежности – членство в партийных и иных институционализированных общественных объединениях и организациях, длительное и ассоциированное; свойство социальной помощи и кооперации – взаимоподдержка волонтерством, соседскими связями и ресур-

сами, благотворительностью» (Никовская, 2017: 147).

Сегодня общественное и гражданское участие в России проявляется скорее в коротких и акционных практиках, чем в длительных практиках, требующих идти на определенные риски. С 2010 г. важной особенностью гражданского участия является перефокусировка на социальную кооперацию и взаимопомощь. «Нарастает модальность более активного отношения к социальным основам своей жизни у молодого и более образованного, обеспеченного сегмента российского общества, у жителей мегаполисов и областных городов» (Никовская, Молокова, 2017: 36). А перспективными направлениями гражданского участия являются здравоохранение, образование, адаптация социально уязвимых групп населения и сферы, выходящие за рамки частных интересов – защита окружающей среды, права человека, благотворительность (Российское общество..., 2015; Градосельская, Петренко, 2008). По мнению К. Демаковой, С. Маковецкой и Е. Скрыковой, ядром неполитического активизма в России в 2010-х гг. стали неформальные группы или сети активистов (Демакова и др., 2014). Острые локальные проблемы стимулируют выход самоорганизованных, самостоятельных групп граждан в публичное пространство. Люди стремятся самостоятельно повысить качество жизни и добиться перемен в жизни своего сообщества, решить конкретные проблемы.

Под активизмом исследователи Центра ГРАНИ понимают «добровольную коллективную деятельность, вокруг общих интересов и ценностей, реализуемую публично и бескорыстно» (Центр ГРАНИ, 2012). А в качестве активистских рассматривают длинный ряд общественных практик, включающий защиту «общественных территорий» (борьбу с уплотнительной застройкой, с перепрофилированием рекреационных зон и пр.), краеведение и градозащиту, социальную и гуманитарную нефинансовую помощь уязвимым группам

(сиротам, больным, старикам, бездомным и т. д.), сбор средств для них, общественную мобилизацию в ответ на стихийные бедствия (пожары, наводнения и пр.), поиск пропавших людей, экологические движения, создание инфраструктурных интернет-платформ (к примеру, краудфандинговые платформы, такие как planeta.ru) и множество других (Демакова и др., 2014).

«В крупных промышленных городах развиваются современные формы и темы активизма, в которых значительную роль играют интернет и гражданское творчество (например, городской партизанинг: изменение пространств города без специальной санкции – ремонт, улучшение или украшение проблемных зон)» (Демакова и др., 2014: 151).

Возрастающая роль Интернета вызвала дискуссию о новых формах участия граждан. Ряд исследователей обратили внимание на такие формы как подписание онлайн-петиций и участие в онлайн-дискуссиях (Hirzala and Zoonen, 2011), вступление в ad-hoc группы в социальных сетях, репосты или размещение ссылок на материалы о проблемных темах (Theocharis, 2015), и в связи с этим ввели такие понятия как «цифровое сетевое участие», «цифровой активизм» (Матвеева, 2018) или «медиаактивизм» (Мирошниченко, 2013). Несмотря на уже более, чем десятилетний период развития подобных практик, в академических кругах продолжают споры об их определениях. Как пишет А. В. Матвеева, «согласно одному из существующих научных направлений, под категорию цифрового активизма, которое определяется как гражданская деятельность, реализующаяся посредством как стационарных, так и мобильных устройств с доступом к Интернету, подпадают различные проявления хактивизма (понимаемые как электронные формы гражданского неповиновения), хакерские атаки на веб-сайты, распространение хештегов и интернет-пропаганда (Joyce, 2010). Другие исследователи под цифровым активизмом

понимают использование всех цифровых средств массовой информации в политических целях (Gerbaudo, 2017)» (Матвеева, 2018: 621-622).

Так или иначе, под онлайн-участием понимаются «основанные на сетевых медиа действия, осуществляемые с целью активизировать социальные сети для повышения осведомленности о социальных или политических проблемах, или оказать социальное и политическое давление для их решения» (Theocharis, 2015: 2. Цит. по Гольбрайх, 2016). Особенность современного цифрового активизма состоит в том, что он часто зарождается онлайн, а реализуется уже офлайн.

«Интернет сделал более сложными социальные пространства всех уровней, предоставил большую свободу и гибкость для гражданских неполитических активистов, обеспечил доступ к новым аудиториям, специалистам, стал эффективным каналом получения и распространения информации. <...> снизились географические и структурные ограничения человеческого общения и прямого гражданского участия, коллективного действия, расширились горизонты культуры гражданственности. <...> Интернет изменил самих активистов и среду общественных инициатив. Часть активистов уже не просто присутствуют в сети, но заботятся о создании своего виртуального имиджа; их деятельность становится прозрачнее и оперативнее. Огромное количество активистских инициатив стало интенсивно использовать социальные сети и форумы для координации деятельности. Гражданские активисты прибегают к интернету для распространения информации и для поиска сведений и документов; как механизм рекрутинга, привлечения новых активистов, как инструмент коммуникации с целевой аудиторией, а также как пространство координации деятельности и межгруппового общения. Появились виды гражданской деятельности, полностью реализуемые в интернете (например, диспетчерские платформы для обращения в органы власти, карты помощи, сбор средств и

т.д.). Интернет создал среду для разнообразных активистских сообществ и проектов, существующих только в виртуальном виде. Они появляются, когда другой вид самореализации невозможен (высокие потребности в анонимности, низкая способность к коммуникации «вживую», невозможность найти партнеров поблизости и т. д.). Благодаря интернету появились виды активности, которые ранее были бы просто невозможны (например, мониторинг выборов по web-камерам)» (Демакова и др., 2014: 152-153).

Среди онлайн-протестных действий выделяют: изменение картинки профиля в качестве демонстрации поддержки какой-то инициативы; проставление хештегов проходящей акции; создание онлайн-петиций; DDOS-атаки; запуск специальных сайтов; (временное) отключение сервисов и сайтов; ретвиты; организация групп в соцсетях; публикация тематических постов в соцсетях («фейсбук-публицистика»); распространение графики и видео в поддержку какой-либо кампании (Как протестовать в интернете, 2013).

К. Демакова и коллеги выделили следующие типы интернет-площадок (или сервисов) для осуществления цифрового активизма: (1) сервисы «жалоб», представляющие собой виртуальные общественные приемные; (2) сервисы сбора средств (краудфандинговые платформы); (3) сервисы по сбору открытых данных; (3) сервисы для координации деятельности (карты, путеводители, инструкции, календари мероприятий и т.д.); (4) сервисы для обсуждений; (5) сервисы «гражданских развлечений»: библиотеки, видеоролики, клипы, музыка на гражданскую тематику и пр. (Демакова и др., 2014: 153) Л. И. Никовская также выделяет волонтерские сервисы (Никовская, 2017).

Некоторые российские исследователи оценивают электронное участие как «не влекущее за собой каких-либо политических или институциональных изменений» (Кабанов, 2016: 38), тогда как западные исследователи, наоборот, обнаруживают

«серьезную позитивную связь между поиском информации в социальных сетях и последующим политическим участием» (Wolfsfeld et al., 2016. Цит. по: Гольбрайх, 2016).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Гражданские онлайн-приложения как площадки для активизма.* Н. А. Гнедаш и Н. А. Рябченко определяют цифровой активизм как «использование открытых данных, онлайн-пространства, социальных сетей и сетевых сообществ, базирующихся на таких платформах, как Facebook, Twitter, Вконтакте и др., подкастов видеохостингов, в первую очередь YouTube, для мгновенной коммуникации и представления локальной информации широкой общественности» (Рябченко, Гнедаш, 2016: 49). А стимулом для появления этого типа активизма является наличие сетевых структур разработчиков гражданских приложений и степень их включенности в сети гражданских активистов.

Развитие современных социальных платформ послужило толчком к формированию сетевого сообщества и появлению нового типа гражданских онлайн-приложений, основанных на самостоятельном решении гражданским обществом целого ряда проблем (отслеживание качества воздуха в городах или образования стихийных свалок, ликвидация последствий стихийных бедствий и проч.). Примерами таких приложений служат www.usshahidi.com – бесплатная краудсорсинговая платформа для сбора больших объемов информации, визуализации данных и создания интерактивных карт, созданная в 2008 г. для сбора данных об очагах насилия в Кении после выборов президента; или www.standbytaskforce.org – платформа, созданная в 2010 г. для добровольного онлайн-цифрового реагирования на гуманитарные кризисы, локальные чрезвычайные ситуации и проблемы глобального и локального характера. В России среди примеров подобных сетевых плат-

форм или сообществ необходимо отметить существовавшую до 2013 г. «Карту помощи» пострадавшим от пожаров (<http://russian-fires.ru/>) и проект «Виртуальная рында: Атлас помощи в чрезвычайных ситуациях» (<http://www.rynda.org/>) – инструменты мониторинга и координации деятельности активистов.

Некоммерческие и различные государственные организации «заинтересованы в разработке гражданских приложений и приглашают к сотрудничеству специалистов из IT-сферы, создавая гибридные формы взаимодействия и инновационную деятельность» (Рябченко, Гнедаш, 2016: 50). Изначально запрос на гражданские приложения исходил от НКО или государственного сектора, но со временем в среде профессиональных программистов сформировалось технологическое сообщество, которое не только разрабатывает эти приложения, но и является их инициатором. В России примером такого сообщества служит «Теплица социальных технологий». На ее базе уже создан проект «it-волонтер» – онлайн-платформа обмена знаниями и навыками в сфере информационных технологий, созданная для помощи некоммерческим проектам. В ноябре 2019 г. количество участников проекта перевалило за 4900. Их задачи совершенно разнообразны: от авторства текстов для сайта и оформления групп в социальных сетях до создания рекламных баннеров для благотворительных проектов и разработки программы для бесконтактной регистрации движения рук ребенка с аутизмом. «Теплица» служит медиатором между гражданскими активистами и программистами-профессионалами, переводя задачи активистов на терминологию программистов; а проводимые ею хакатоны являются площадками взаимодействия IT-сектора, бизнеса, власти и гражданских активистов, где эти акторы коллективно работают над решением какой-либо проблемы.

«Теплица социальных технологий» содержит базу гражданских приложений

из разных стран – более 400 приложений различной направленности: образование и медицина, благотворительность, краудфандинг, правовые основы, политика, экология, маппинг, ЧС, волонтерство, социальные исследования, IT-услуги, развитие демократических принципов, открытое образование и т.д., включая собственные проекты, посвященные развитию местного сообщества через повышение гражданской активности и поддержке местных инициатив, помощи людям с ограниченными возможностями, детям-сиротам и т.д.

Н. А. Гнедаш и Н. А. Рябченко разделили деятельность гражданского технологического сообщества на две области: Открытое правительство (Open Government) и Деятельность сообщества (Community Action). Первое включает проекты, направленные «сверху вниз и основанные на прозрачности действий государственных структур, развитии открытых данных, доступе к государственным услугам в электронном виде, а также участии граждан в принятии социально-политических решений» (Рябченко, Гнедаш, 2016: 50). Среди российских примеров можно отметить Подмосковский Добродель, Московский «Активный гражданин», а также Госуслуги. Community Action – это «проекты, направленные на изменения снизу вверх и основанные на обмене информацией, финансировании и сотрудничестве по принципу “от пользователя к пользователю”» (Рябченко, Гнедаш, 2016: 50). Это краудсорсинговые и краудфандинговые платформы вроде Planeta.ru, сайта благотворительного проекта «Такие дела» – «Нужна помощь».

Потребность некоммерческого сектора и гражданских инициатив в использовании IT-волонтерства и технологий довольно велика, что подтверждается различными международными исследованиями. Глобальный сектор НКО уже давно использует онлайн-технологии в своей деятельности для создания собственных сайтов и сообществ в социальных сетях, сбора

онлайн-пожертвований и прочее¹. В России эта ниша только набирает обороты. Еще несколько лет назад исследователи делали выводы о том, что технологическая составляющая сильно отделена от гражданской (Ryabchenko et al., 2016). Формирование гражданского технологического сообщества в 2016 г. находилось на самой ранней стадии развития, в которой, тем не менее, уже достаточно четко были обозначены потребности гражданского общества, но недостаточно сформированы коммуникационные процессы между заказчиком и исполнителем. Чаще всего гражданское общество в России прибегает к разработкам и опыту зарубежных компаний и сообществ, поскольку сфера IT-волонтерства практически не развита в России.

Экологический цифровой активизм в России. Во втором десятилетии XXI в. в онлайн-активизм включены и экологи, взявшие на вооружение весь спектр инструментов и технологий Web 2.0 и Web 3.0 – от социальных сетей до петиций (Democrator.ru, Avaaz.org/ru, Change.org/ru) и от краудсорсинговых и краудфандинговых платформ до методов интерактивного картирования. Примерами краудсорсинга в экологической сфере служат онлайн-карты пунктов приема вторсырья (например, «Вторая жизнь вещей» – проект Гринпис России в партнерстве с движением «Мусора.Больше.Нет» и коалицией «Pro Отходы»); экологические карты, отображающие актуальную информацию об уровне загрязнения территорий, наличия свалок и проч., и представляющие собой метод общественного мониторинга состояния окружающей среды (например, Ecolarta.ru – интерактивная комплексная экологическая карта РФ по подобию Народной карты экологических нарушений на сайте РИА Новости; или ecofront.ru – карта, созданная для борьбы с замусоренностью и свалками) и проч. Площадка для коллективного финанси-

рования проектов Planeta.ru является примером краудфандинга.

В России давно и системно развитием киберактивизма занимается Гринпис, известно множество их онлайн-кампаний (часто это онлайн-петиции). Например, проект «Пластик, уходи!», в рамках которого Гринпис и проект «Такие дела» разъясняют вред одноразового пластика <https://plastic.takiedela.ru/> или сбор пожертвований в рамках программы «Сохраним дикую природу», или интерактивная карта «Чем дышит Москва?» (<https://arcgis.greenpeace.org/air/>).

Несмотря на то, что большая часть кампаний крупных эконоНКО призвана собрать средства на их различные программы и проекты (см., например, программы помощи WWF или Гринпис Россия), все же наиболее важные функции онлайн-кампаний – это просвещение широкой публики о конкретной экологической проблеме и путях ее решения, формирование общественного мнения. По мнению экологов-активистки Т. Каргиной, успех кампании в том, что ее требование услышано и выполнено адресатом, к кому она обращена (Опыт и практика..., 2014). В связи с этим, вероятно, довольно эффективными должны стать совместные государственно-гражданские проекты, в рамках которых граждане размещают на государственных интернет-площадках информацию об экологических проблемах на местах, и их жалобы должны быть услышаны. Например, Минприроды запустило портал и электронное приложение «Наша природа» (<https://priroda-ok.ru/#/>), где граждане могут информировать органы власти о несанкционированных свалках, незаконной вырубке лесов, фактах загрязнения водных объектов и о других правонарушениях в сфере охраны окружающей среды, подтверждая их фото- или видеоматериалом с указанием точного местоположения нарушения.

Множество кампаний в защиту окружающей среды проходят параллельно в офлайн и онлайн: с 2009 г. шла кампания

¹ 2016 Global NGO Online Technology Report. URL: <http://techreport.ngo> (дата обращения: 02.12.2019).

по защите Сиверского лесопарка в Ленинградской области от индивидуального жилищного строительства; с 2011 г. – кампания по защите Хопра, против разработок никелевых месторождений; с 2018 г. идет борьба за чистый Шиес, против строительства там мусорного полигона (см., например, stopshies.ru) и т.д. Множество городских инициатив по защите парков или против закона о реновации используют социальные сети для коммуникации (Семочкина, 2017).

«Очень распространена экологическая онлайн-активность в соцсетях – создание тематических групп, встреч, приглашение туда других пользователей, распространение призывов к различным экологическим действиям (например, подписи онлайн-петиции) через лайки и репосты на свою страницу» (Опыт и практика..., 2014: 7).

И хотя развитие и повсеместное проникновение цифровых технологий «выравнивает», со слов экожурналистки А. Давыдовой, возможности для «зеленого» онлайн-активизма, в реальности существуют и большие риски в виде репрессий как интернет-цензуры для цифровых инициатив и до реальных угроз для жизни и деятельности экологов.

В русскоязычной научной литературе на данный момент представлено довольно мало исследований, посвященных экологическому цифровому активизму. В основном найденные исследования связаны с такими действиями, как подписание петиций, фандрайзинг и краудсорсинг. Речь идет, например, о протестах в Архангельской области, связанных с современной мусорной реформой. В этом регионе планируется создание двух новых мусорных полигонов, в связи с чем с лета 2018 г. наблюдаются протестные настроения массового характера. Символическое проявление поддержки протестов в Интернете изучили исследователи из Центра социальных измерений «ФОКУС». О.Н. Руссова отметила, что социальные сети стали площадкой для перемещения политического дискурса в цифровую сфе-

ру. Роль социальных медиа и сетевых ресурсов в мобилизации и организации участников протестов в области, а также в освещении темы очень высока. Исследователи выявили тенденцию: волну использования значков, наклеек, плакатов в аватарах как способ протестной самоидентификации. То есть социальная сеть становится средством графического, знакового, символического оформления протеста. Кроме того, существует и обратная связь: протестные движения стимулируют развитие цифровой грамотности у населения (Русова, 2019).

Новым (онлайн-)формам экологического активизма в России посвящены работы В. Б. Гольбрайха (2016а; 2016б; 2017; 2018). Он отмечает рост популярности такой формы участия как подписание онлайн-петиций при ее небольшой результативности: «активное использование онлайн-петиций при условии, что активисты ограничиваются этой формой участия, может быть выгодным для органов власти, поскольку служит наиболее безопасной формой протеста, заменяя традиционные формы политического участия и оставаясь выхлопом недовольства» (Гольбрайх, 2016б: 115).

Исследования Гольбрайха показали, что создателям онлайн-петиций по экологическим вопросам (от зоозащиты до вырубки заповедников и загрязнения воздуха) крайне редко удавалось достичь успеха. Из 402 анализируемых им экологических конфликтов в 2015 г. лишь в 51% использовались традиционные формы политического участия. Митинги, пикеты, сходы организовывались лишь в 22% конфликтов, а в большинстве случаев применялись такие формы участия как обращения. Новые формы политического участия, такие как создание групп в социальных сетях, использовались только в 22% случаев.

Гольбрайх выявил серьезное различие в использовании различных форм участия в зависимости от типа конфликта. Традиционные формы чаще используются в конфликтах, возникающих в связи со

строительством или деятельностью опасных предприятий, вырубкой зеленых насаждений и застройкой особо охраняемых природных территорий, тогда как при защите животных, проблемах мусора и загрязнении воды и водоемов активисты чаще ограничиваются созданием онлайн-петиций (Гольбрайх, 2016б).

Спор между техно-пессимистами и техно-активистами о потенциале цифрового активизма в решении социальных и политических проблем.

Для описания гражданских онлайн-инициатив сложился специфический теоретический аппарат, включающий помимо «цифрового активизма» такие понятия как «сетевой активизм», «интернет-революция», а также «слактивизм», «кликтивизм», «хактивизм» и др. Многие из них обозначают инициативы, не выходящие из сети в офлайн, поэтому между сетевыми скептиками (пессимистами) и оптимистами идет масштабная дискуссия об их эффективности. Например, «слактивизм» или «кликтивизм» («ленивый активизм» или «пассивизм» – «обратная» сторона эффективного цифрового активизма, по выражению экожурналистки А. Давыдовой) – это активность, отличающаяся низким риском и низкими затратами, заменяющая традиционное политическое участие. «В отличие от реального активизма, который требует усилий, временных затрат и зачастую связан с риском, слактивизм просто имитирует участие и приносит моральное удовлетворение» (Мартынов, 2012: 24). «Типичный пример – когда на мероприятие регистрируются десять тысяч человек, а приходит несколько десятков, так как большая часть сторонников полагает, что, поставив лайк или сделав репост, свою гражданскую миссию они уже выполнили» (Виртуально «зеленые», 2014: 4).

Пессимисты говорят о таких издержках информационной революции как угроза для общественной безопасности, социально-экономической стабильности, культурной идентичности и национально-государственного суверенитета; о том, что

использование цифровых технологий может привести к таким деструктивным последствиям как нарушение коммуникаций, искажение или разрушение виртуальной собственности, организация враждебных акций в оффлайне (причинение физического вреда третьим лицам и их собственности), публикация личной информации и дезинформации (т.е. этические вопросы). По мнению С. Мердока, все это можно назвать деструктивным цифровым активизмом, который в общем может быть разделен на пять категорий: блокирование доступа, разрушение или порча цифровой собственности, организация злонамеренной активности, злоупотребление информацией, атаки на критические инфраструктуры (Murdoch, 2010). Многие из этих тактик незаконны, хотя активисты могут рассматривать их как целесообразные, поскольку используют их во имя благих, как им кажется, целей. В природоохранной сфере в качестве примера злоупотребления информацией Мердок приводит практику, когда защитники прав животных Великобритании публикуют персональные и контактные данные лиц, проводящих исследования на животных, а также распространяют оскорбительные сообщения в их адрес. Таким образом, возможности блогов, форумов и социальных сетей, позволяющие каждому публиковать информацию подобно СМИ, являются как силой, так и слабостью интернета. В качестве еще одного примера Мердок приводит распространение в июне 2009 г. слухов об авариях на нескольких атомных станциях в России, управляемых Энергоатомом².

С развитием социальных сетей актуализировалась проблема дефицита внимания. Если подписчиков каждый день приглашают на несколько акций, просят подписать несколько петиций и сделать не-

² Слухи о якобы имевших место авариях на АЭС в РФ утихают – атомщики / РИА Новости. 06.06.2009. URL: <https://ria.ru/20090606/173502835.html> (дата обращения: 18.11.2019).

сколько репостов, им довольно сложно всерьез разобраться в каждом из этих действий и быть вовлеченным в них. В таких условиях «успех той или иной кампании напрямую зависит от того, насколько самоотверженно и профессионально действует “корневая группа” протеста, насколько организованно они могут координировать свои действия, привлекать и удерживать сторонников. Наконец, иногда в онлайн-кампаниях сложно оценить уровень реальной поддержки конкретной инициативы, а также объективно посмотреть на позицию противников, поскольку зачастую группы общения в социальных сетях складываются исключительно из единомышленников и объективную критику или “взгляд со стороны” бывает получить довольно непросто» (Виртуально «зеленые», 2014: 5)

Автор концепции виртуальной реальности Д. Ланир в манифесте «Вы не гаджет» заявил, что «социальные сети и блоги повели человечество по ложному пути; вместо творчества и индивидуальности здесь поощряются поверхностные суждения, скорость создания и потребления контента» (Ланир, 2011. Цит. по: Мартынов, 2012: 20). Другие авторы считают, что «развитие онлайн-присутствия и онлайн-сообществ вырывает нас из реальных форм общности, ограничивает наши возможности в реальной дружбе и солидарности» (Keen, 2012. Цит. по: Мартынов, 2012: 20). Что касается роли интернета в уличной политике, то автор термина «twitter-революция», Е. Морозов, применивший это понятие к беспорядкам в Молдове еще в 2009 г., считает, что рассуждения о гомологичности социальной сети и протеста являются предметом folk-политологии, мистифицирующей социальный потенциал интернета (Mogozov, 2011). Он критикует роль цифровых медиа как политических инструментов. М. Гладуэлл также считает, что «мобилизационного потенциала социальных сетей с их “слабыми связями” недостаточно, чтобы вывести людей на улицу и заставить их перейти к акциям,

направленным на свержение политического режима» (Gladwell, 2010. Цит. по Мартынов, 2012: 24). Кроме того, активно обсуждается негативная роль сетей в том, что они позволяют секретным службам стран собирать различные сведения о пользователях, вести надзор, контролировать интернет-трафик.

Многочисленные сетевые оптимисты, такие как К. Андерсон, Д. Тапскотт и К. Ширки (The Digital Divide..., 2011), П. Гербаудо (Gerbaudo, 2012), вдохновляемые гуманистическими и когнитивными перспективами дальнейшего развития интернета держат оборону. Гербаудо считает, что медиа являются ключевым элементом протестных движений последних лет. С помощью средств медиа эти протестные движения организуются, управляются, так в них вовлекаются люди, и так эти движения освещаются, чтобы как можно больше людей смогли узнать о них. При этом он считает, что ни техно-пессимизм, ни техно-оптимизм не являются правильным ответом в отношении активизма и социальных медиа. Интернет не является средством контроля или доминирования, но также он не является и инструментом на пути к свободе и эмансипации. Потому что это не просто инструмент, а еще и пространство, которое несет в себе определенную культуру, предопределяющую во многом наш образ жизни, и культурные коды, в категориях которых мы думаем о себе и окружающем нас обществе. А значит, мы не должны редуцировать наше понимание интернета просто до «хорошо» или «плохо».

А. Кон и Д. Ульдам считают, что при анализе цифрового активизма наиболее популярны две точки зрения: (1) акцент на универсальном характере использования цифровых технологий; (2) акцент на деятельности активистов без учета специфики технологий (Kaun and Uldam, 2017). «Исходя из этого дуализма, некоторые исследователи предпочитают рассматривать цифровые медиа как технические артефакты, коммуникативные практики и инсти-

туциональные механизмы (Lievgouw, 2011). То есть цифровые устройства позволяют и расширяют возможности людей вступать в коммуникацию и распространять информацию, в то время как активисты разрабатывают конкретные практики в соответствии с особенностями функционирования данных “технических артефактов”, включенных в более крупные институциональные механизмы и гражданскую культуру» (Матвеева, 2018: 623).

Заключение (Conclusions). Мы приближаемся к тому уровню цифровизации, когда абсолютное большинство населения так или иначе пользуется сетевыми технологиями: 4,4 млрд. человек или 57% населения Земли являются интернет-пользователями, а почти 3,5 млрд. – активными пользователями социальных сетей³. Интернет занял центральное место в том, как и что мы производим, потребляем и организуем. И именно поэтому неудивительно, что он становится ареной протеста и гражданской мобилизации. Он делает социальное пространство сложнее, дает больше свободы действий, снижая географические и временные барьеры. Приведенный в статье анализ литературы показал, что Интернет является не только площадкой для гражданских практик, но дает средства для их реализации. В первую очередь современные формы онлайн-активизма развиваются в крупных городах, хотя доступны они повсеместно и используются для решения как локальных, так и глобальных проблем. Исследователи обратили внимание на такие формы участия граждан как подписание онлайн-петиций и онлайн-дискуссии, вступление в ad-hoc группы в социальных сетях, репосты или размещение ссылок на материалы о проблемных темах. Все это – по большому счету, действия в сетевых медиа, которые

способствуют распространению информации, повышению осведомленности о социальных или политических проблемах. Многие из них являются ростками активности, зарождающейся онлайн и далее реализующейся в офлайн (например, краудсорсинг). Но есть и цифровые формы активизма, которые полностью реализуются в Интернете или до его возникновения были просто невозможны (например, онлайн-мониторинг по web-камерам). Для реализации подобных практик разрабатываются специальные социальные платформы и приложения, которые уже успешно проявили себя в периоды масштабных катастроф. А их разработчики формируют технологические сообщества так называемых IT-волонтеров. Несмотря на перечисленные факты, ученые до сих пор не пришли к консенсусу об определении цифрового активизма, по-прежнему существуют споры о его вреде и пользе для общества, а российское поле исследований еще не насыщено эмпирикой, что открывает отечественным ученым возможности для развития этой темы, наблюдая перемены в реальном режиме времени.

Список литературы

Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 12-34.

Башева О. А. Специфика городской катастрофы на примере пожара в ИНИОН РАН // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2018. № 2. С. 99-116.

Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // ИНТЕР. 2014. № 7. С. 44-73.

Виртуально «зеленые» // Экология и право. 2014. № 4. С. 4-5. URL: <https://network.bellona.org/content/uploads/sites/4>

³ Digital 2019: Global Internet Use Accelerates, 30.01.2019. URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates> (дата обращения: 27.11.2019)

/2015/09/fil_EiP_54_site.pdf (дата обращения: 01.12.2019)

Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики» // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 40-54.

Гольбрайх В. Б. Члены экологических групп в социальных медиа: цифровое участие и интересы // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 9. С. 91-119.

Гольбрайх В. Б. Экологические общественные инициативы в Интернете как новая практика политического участия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016б. № 4. С. 340-350.

Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Власть и элиты / Под ред. А. В. Дуки. 2016а. Т. 3. С. 98-120.

Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции). Материалы научной конференции IX Ковалевские чтения 9-11 ноября 2017 г.; Отв. редактор: Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 315-316.

Градосельская Г. В., Петренко Е. С. Российское гражданское общество: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Гражданское общество современной России; Отв. ред. Е. С. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 80-81.

Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. Неполитический активизм в России // Pro et Contra. 2014. Май-август. С. 148-163.

Демушина О. Н. Электронное участие граждан как форма взаимодействия власти и общества // Карельский научный журнал. 2015. № 1(10). С. 114-117.

Желтов В. В., Желтов М. В. Интернет, протестные движения и Арабская весна // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 1. С. 189-204.

Кабанов Ю. А. Электронный авторитаризм. Институт электронного участия в недемократических странах // Полития. 2016. № 4. С. 36-55.

Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Corpus, 2011. 49 с.

Мартынов К. От slackтивизма к республике. Почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 19-27.

Матвеева А. В. Особенности гражданского участия в условиях современного цифрового пространства // Форум молодых ученых. Саратов: ООО «Институт управления и социально-экономического развития», 2018. № 5-2 (21). С. 620-625.

Мирошниченко А. Интернет и эволюция медиаактивизма в России // Вестник Института Кеннана в России. М., 2013. Вып. 24.

Никовская Л. И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск I (Труды XX Международной объединенной научной конференции Интернет и современное общество, IMS-2017, Санкт-Петербург, 21-23 июня 2017 г. Сборник научных статей). СПб: Университет ИТМО, 2017. С. 144-158. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5191> (дата обращения: 25.11.2019)

Никовская Л. И., Молокова М. А. Роль межсекторного партнерства в реализации потенциала социального государства в России // Власть. 2017. Т. 25, № 11. С. 31-37.

Опыт и практика экоактивизма в России – интервью с Татьяной Каргиной // Экология и право. 2014. № 4. С. 6-9. URL: https://network.bellona.org/content/uploads/sites/4/2015/09/fil_EiP_54_site.pdf (дата обращения: 18.11.2019).

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков и др.: под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2015. 432 с.

Руссова О. Н. «Социология социального протеста: взаимодействие акторов в контексте социальных сетей» / Доклад на IX Грушинской социологической конференции, Москва, 20-21 марта 2019.

Рябченко Н. А., Гнедаш Н. А. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений // Сборник научных статей XIX Объединенной конференции «Интернет и современное общество», 2016. СПб.: Санкт-Петербургский национальный исследователь-

ский университет информационных технологий, механики и оптики. URL: <https://openbooks.ifmo.ru/ru/file/4078/4078.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

Семочкина К. А. Фрейм коллективного действия в деятельности общественных движений г. Москвы / Выпускная квалификационная работа – Магистерская диссертация. НИУ ВШЭ. Москва, 2017. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/206745348> (дата обращения: 20.11.2019).

Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского Государственного Университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2011. № 1(13). С. 131-139.

Соколов А. В. Интернет-пространство: новые возможности для политического участия // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 98-115.

Усачева О. А. Интернет как новая площадка для гражданской самоорганизации // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр.; РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Институт системного анализа. Лаборатория «Информатика сообществ»; Отв. ред. Л. Н. Верченков, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. М., 2012. С. 264-280.

Усачева О. А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 35-42.

Ушкин С. Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2015. 25 с.

Центр ГРАНИ. Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России, 2012. URL: http://granycen-ter.org/sites/default/files/files/page/otchet_aktivizm.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

Яницкий О. Н. Мобилизационная структура гражданского общества // Официальный сайт ИС РАН. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1924> (дата обращения: 28.10.2019).

Ryabchenko N. A., Miroshnichenko I. V., Gnedash A. A., Morozova E. V. Crowdsourcing systems on facebook platform: Experiment in implementation of mathematical methods in social research // Journal of Theoretical and Applied In-

formation Technology. 2016. Vol. 85, № 2. Pp. 136-145.

Gladwell M. Small Change. Why the revolution will not be tweeted // The New Yorker. 27.09.2010. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell> (дата обращения: 27.11.2019)

Gerbaudo P. Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto, 2012.

Gerbaudo P. From Cyber-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism // TripleC: Communication, Capitalism & Critique, 2017. № 15(2). Pp. 478-491.

Halliday J. London riots: how BlackBerry Messenger played a key role // The Guardian. 2011. URL: <http://www.theguardian.com/media/2011/aug/08/london-riots-facebook-twitter-blackberry> (дата обращения: 02.12.2019).

Hirzalla F., van Zoonen L. Beyond the Online/Offline Divide: How Youth's Online and Offline Civic Activities Converge // Social Science Computer Review. 2011. № 29 (4). Pp. 481-498.

Joyce M. Digital Activism Decoded. The New Mechanics of Change. New York: Idebate Press, 2010. 240 p.

Kaun A., Uldam J. Digital Activism – After the Hype // New Media & Society. 2017. № 20(6). Pp. 2099-2106.

Keen A. Digital Vertigo: How Today's Online Social Revolution Is Dividing, Diminishing, and Disorienting Us. New York: St. Martin's Press, 2012. 256 p.

Lievrouw L. Alternative and Activist New Media. Cambridge: Polity, 2011. 296 p.

Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. NY: Public Affairs, 2011. 448 p.

Murdoch S. Destructive Activism: The Double-Edged Sword of Digital Tactics // Digital Activism Decoded: The New Mechanics of Change. Ed. by M. Joyce. New York: IDEBATE Press, 2010. Pp. 137-148.

The Digital Divide: Arguments for and Against Facebook, Google, Texting, and the Age of Social Networking. New York: Tarcher, 2011. 354 p.

Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media+Society. 2015. № 2(1). Pp. 1-14.

Wolfsfeld G., Yarchi M., Samuel-Arzan T. Political Information Repertoires and Political Participation // *New Media & Society*. 2016. № 18(9). Pp. 2096-2115.

References

Arkhipova, A. S., Radchenko, D. A., Titkov, A. S., Kozlova, I. V., Yugay, E. F., Belyanin, S. V. and Gavrilova, M. V. (2018), "Rebuilding of the meeting»: the Internet in protest and the protest on the Internet", *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, (1), 12-34. (In Russian).

Basheva, O. A. (2018), "The specifics of an urban catastrophe on the example of a fire at the INION RAS", *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sotsiologiya: RZh*, (2), 99-116. (In Russian).

Vanke, A., Ksenofontova, I. and Tartakovskaya, I. (2014), "Internet communications as a means and condition for political mobilization in Russia (example of the movement "For Fair Elections")", *INTER*, 7, 44-73. (In Russian).

"Virtually «Green»" (2014), *Ekologiya i parvo*, (4), 4-5, [Online], available at: https://network.bellona.org/content/uploads/sites/4/2015/09/fil_EiP_54_site.pdf (Accessed 1 December 2019). (In Russian).

Gnedash, A. A. and Ryabchenko, N. A. (2014), "Constructive and destructive socio-political practices in the online space of modern Russia: «fails», «cases», «mechanics»", *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*, (2), 40-54. (In Russian).

Golbrakh, V. B. (2018), "Members of environmental groups in social media: digital participation and interests", *Peterburgskaya sociologiya segodnya*, 9, 91-119. (In Russian).

Golbrakh, V. B. (2016b), "Environmental public initiatives on the Internet as a new practice of political participation", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, (4), 340-350. (In Russian).

Golbrakh, V. B. (2016a), "Environmental activism: new forms of political participation", *Vlast i elity*, in Duki, A. V. (ed.), 3, 98-120. (In Russian).

Golbrakh, V. B. (2017), "Environmental activism: new forms of political participation", in Asochakov, Yu. V. (ed.), *Proc. of a conference IX Kovalevskie chteniya "Globalnye socialnye transformacii XX – nachala XXI vv."*, St.-Petersburg, Russia, 315-316. (In Russian).

Gradoselskaya, G. V. and Petrenko, E. S. (2008), "Russian civil society: reconstruction from large-scale surveys", in Petrenko, E. S. (ed.), *Grazhdanskoe obshhestvo sovremennoy Rossii*, Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», Moscow, Russia, 80-81. (In Russian).

Demakova, K., Makoveckaya, S. and Skryakova, E. (2014), "Non-political activism in Russia", *Pro et Contra*, May-August, 148-163. (In Russian)

Demushina, O. N. (2015), "Electronic participation of citizens as a form of interaction between government and society", *Karelskiy nauchny zhurnal*, (1), 114-117. (In Russian).

Zheltoy, V. V. and Zheltoy, M. V. (2014), "Internet, protest movements and the Arab Spring", *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, (1), 189-204. (In Russian).

Kabanov, Yu. A. (2016), "Electronic authoritarianism. Institute for Electronic Participation in Non-Democratic Countries", *Politiya*, (4), 36-55. (In Russian).

Lanir, Dzh. (2011), *You are not a gadget. Manifest*, Corpus, Moscow, Russia. (In Russian).

Martynov, K. (2012), "From slaktivism to the republic. Why Internet Revolutions Come True", *Logos*, (2), 19-27. (In Russian).

Matveeva, A. V. (2018), "Features of civic participation in the modern digital space", *Forum molodyh uchenyh*, (5-2), 620-625. (In Russian).

Miroshnichenko, A. (2013), "Internet and the evolution of media activism in Russia", *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*, 24. (In Russian).

Nikovskaya, L. I. (2017), "Civic activism and public policy in Russia: the state and challenges", *Proc. of a Conference "Internet and contemporary society"*, St.-Petersburg, Russia, 144-158, [Online], available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5191> (Accessed 25 November 2019). (In Russian).

Nikovskaya, L. I. and Molokova, M. A. (2017), "The role of intersectoral partnership in realizing the potential of the social state in Russia", *Vlast*, 25 (11), 31-37. (In Russian).

"The experience and practice of eco-activism in Russia – Interview with Tatyana Kargina" (2014), *Ekologiya i parvo*, (4), 6-9, [Online], available at: https://network.bellona.org/content/uploads/sites/4/2015/09/fil_EiP_54_site.pdf (Accessed 18 November 2019). (In Russian).

Russian society and the challenges of the time. Book one (2015), in Gorshkov, M. K. and Petuhova, V. V. (eds.), Izdatelstvo «Ves mir», Moscow, Russia. (In Russian).

Russova, O. N. (2019), “Sociology of social protest: the interaction of actors in the context of social networks”, *Report on IX Grushin Sociological Conference*, Moscow, Russia, 20-21 March. (In Russian).

Ryabchenko, N. A. and Gnedash, N. A. (2016), “Digital activism: new media, civic applications and technology communities as a basis for socio-political change”, *Proc. of a Conference “Internet and contemporary society”*, St.-Petersburg, Russia, [Online], available at: <https://openbooks.ifmo.ru/ru/file/4078/4078.pdf> (Accessed 20 November 2019). (In Russian).

Semochkina, K. A. (2017), “Collective action frame in the activities of social movements in Moscow”, Thesis, NRU HSE, Russia, [Online], available at: <https://www.hse.ru/edu/vkr/206745348> (Accessed 20 November 2019). (In Russian).

Skalaban, I. A. (2011), “Social, public and civic participation: the problem of understanding concepts”, *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Politologiya»*, (1), 131-139. (In Russian)

Sokolov, A. V. (2013), “Internet space: new opportunities for political participation”, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, (4), 98-115. (In Russian).

Usacheva, O. A. (2012), “Internet as a new platform for civic self-organization”, in Verchenov, L. N., Efremenko, D. V., and Tishhenko, V. I. (eds.), *Socialnye seti i virtualnye setevye soobshhestva*, Moscow, Russia, 264-280. (In Russian).

Usacheva, O. A. (2012), “Civil Mobilization Networks”, *Obshhestvennye nauki i sovremennost*, (6), 35-42. (In Russian).

Ushkin, S. G. (2015), “The impact of virtual social networks on protest activity in Russian society”, Abstract of Ph.D. dissertation, Saransk, Russia. (In Russian).

Centr GRANI (2012), “Russian non-political activism: outline for a portrait of a hero. Report on the results of a study of activism in Russia”, available at: http://grany-center.org/sites/default/files/files/page/otchet_aktivizm.pdf (Accessed 01 November 2019). (In Russian)

Yanitsky, O. N. (2010), “Civil society mobilization structure”, Official site of IS RAS, [Online], available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1924> (Accessed 28 October 2019). (In Russian)

Ryabchenko, N. A., Miroshnichenko, I. V., Gnedash, A. A. and Morozova, E. V. (2016), “Crowdsourcing systems on the Facebook platform: Experiment in implementation of mathematical methods in social research” *Journal of Theoretical and Applied Information Technology*, 85 (2), 136-145.

Gladwell, M. (2010), “Small Change. Why the revolution will not be tweeted”, *The New Yorker*, 27.09.2010, [Online], available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell> (Accessed 27 November 2019).

Gerbaudo, P. (2012), *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*, Pluto, London, UK.

Gerbaudo, P. (2017), “From Cyber-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism”, *TripleC: Communication, Capitalism & Critique*, (15), 478-491.

Halliday, J. (2011), “London riots: how BlackBerry Messenger played a key role”, *The Guardian*, [Online], available at: <http://www.theguardian.com/media/2011/aug/08/london-riots-facebook-twitter-blackberry> (Accessed 02 December 2019).

Hirzalla, F. and van Zoonen, L. (2011), “Beyond the Online/Offline Divide: How Youth’s Online and Offline Civic Activities Converge”, *Social Science Computer Review*, (29), 481-498.

Joyce, M. (2010), *Digital Activism Decoded. The New Mechanics of Change*, Idebate Press, New York, USA.

Kaun, A. and Uldam, J. (2017), “Digital Activism – After the Hype”, *New Media & Society*, (20), 2099-2106.

Keen, A. (2012), *Digital Vertigo: How Today’s Online Social Revolution Is Dividing, Diminishing, and Disorienting Us*, St. Martin’s Press, New York, USA.

Lievrouw, L. (2011), *Alternative and Activist New Media*, Polity, Cambridge.

Morozov, E. (2011), *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*, Public Affairs, New York, USA.

Murdoch, S. (2010), “Destructive Activism: The Double-Edged Sword of Digital Tactics” in Joyce, M. (ed.) *Digital Activism Decoded: The*

New Mechanics of Change, IDEBATE Press, New York, USA.

The Digital Divide: Arguments for and Against Facebook, Google, Texting, and the Age of Social Networking (2011), Tarcher, New York, USA.

Theocharis, Y. (2015), "The Conceptualization of Digitally Networked Participation", *Social Media+Society*, (2), 1-14.

Wolfsfeld, G., Yarchi, M. and Samuel-Arzan, T. (2016), "Political Information Repertoires and Political Participation", *New Media & Society*, (18), 2096-2115.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Башева Ольга Александровна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Olga Al. Basheva, PhD in Sociology, Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

УДК 316.444.051.63

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-5

Валиахметов Р. М.¹
Туракаев М. С.²

Факторы формирования жизненного пути профессиональных династий

- ¹) Башкирский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. 50-летия Октября, д. 20, стр. 1, г. Уфа, 450005, Россия
rim_m_sifat@inbox.ru
ORCID iD: 0000-0002-8875-5197
- ²) Башкирский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. 50-летия Октября, д. 20, стр. 1, г. Уфа, 450005, Россия
mturakaev@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-2449-6605

*Статья поступила 24 декабря 2019 г.; принята 28 февраля 2020 г.;
опубликована 30 марта 2020 г.*

Аннотация. В статье авторы рассматривают профессиональные династии сквозь призму методологии жизненных путей и стратегий. Выводы статьи основаны на результатах проведения и анализа глубинных интервью с представителями профессиональных династий. Объектом исследования являются члены династий по укрупненным профессиям педагога, врача, инженера и юриста, проживающие в Башкортостане и Свердловской области. Исследователи отмечают снижение влияния государства и организаций на профессиональное самоопределение школьников и молодых специалистов и воспроизводство трудового потенциала страны. В этом случае на первый план выходит семья и профессиональные династии. В данной работе рассмотрены основные периоды образовательной и профессиональной самореализации информантов-последователей династий. Выявлена и описана взаимосвязь объективных и субъективных факторов профессионального становления и формирования трудового пути. В России одним из основных факторов формирования династий является активное и глубокое участие семьи в профессиональном самоопределении своих детей. Вместе с тем, чем старше последователь династии, тем меньше на него оказывает влияние семья и тем больше самостоятельности в принятии решений. Государственные органы и предприятия содействуют профессиональному и карьерному росту молодых людей в основном в сферах медицины и педагогики. Не только наличие способностей и интересов к профессии способствуют вовлечению детей в профессиональную область семьи, но и их отсутствие приводит к выбору близкой и знакомой профессии родителей.

Ключевые слова: профессиональные династии; профессия; жизненный путь; трудовой путь; семья; ценности.

Благодарность. Статья написана в рамках работы по проекту «Профессиональные династии как социальный механизм воспроизводства профессиональных групп», грант РФФИ № 18-011-01129.

Информация для цитирования: Валиахметов Р. М., Туракаев М. С. Факторы формирования жизненного пути профессиональных династий // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, N 1. С. 58-71. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-5

Rim M. Valiakhmetov¹
Marcel S. Turakayev²

Factors in developing life experience of professional dynasties

¹) Bashkir Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
20, bld. 1, 50-letiya Oktybrya St., Ufa, 450005, Russia
rim_m_sifat@inbox.ru
ORCID iD: 0000-0002-8875-5197

²) Bashkir Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
20, bld. 1, 50-letiya Oktybrya St., Ufa, 450005, Russia
mturakaev@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-2449-6605

*Received December 24, 2019; accepted February 28, 2020;
published March 30, 2020*

Abstract. The article considers professional dynasties through the prism of the methodology of life experience and strategies. The conclusions of the article are based on the results of analyzing a number of in-depth interviews with representatives of professional dynasties. The object of the study are members of dynasties in aggregative professions of a teacher, doctor, engineer and lawyer, living in Bashkortostan and the Sverdlovsk region. Researchers note a decrease in the influence of the state and organizations on the professional self-determination of schoolchildren and young specialists and the reproduction of the country's labor potential. In this case, family and professional dynasties come to the fore. In this paper, the authors consider the main periods of educational and professional self-realization of informants – the members of dynasties. The authors identify and describe the relationship between the objective and subjective factors of professional development and the formation of the labor path. In Russia, one of the main factors in the formation of dynasties is the active and deep participation of the family in the professional self-determination of their children. However, the older the member of the dynasty is, the less the family influences him/her and the more independence in decision-making he or she has. State bodies and businesses promote the professional and career growth of young people mainly in the fields of medicine and pedagogy. Not only the presence of abilities and interests in the profession contribute to the

involvement of children in the professional field of the family, but their absence leads to the choice of a closely related and familiar profession of parents.

Keywords: professional dynasties; profession; life experience; career path; family; values

Acknowledgments. The article is based on the data generated in the project “Professional Dynasties as a Social Mechanism of Reproduction of Professional Groups”, grant of RFBR No. 18-011-01129.

Information for citation: Valiakhmetov, R. M., Turakayev, M. S. (2020), “Factors in developing life experience of professional dynasties”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (1), 58-71. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-5

Введение (Introduction). В качестве главной задачи данной статьи мы определили выявление взаимосвязи между индивидуальными (субъективными) и социальными (объективными) факторами в профессиональном самоопределении представителей семейных профессиональных династий. На наш взгляд, эта задача может быть реализована через синхронный анализ и сопоставление окружающих человека факторов, с одной стороны, и его жизненных путей, стратегий поведения – с другой. В данном случае, жизненный путь мы понимаем, как непрерывный процесс перемещения человека в социальной структуре, а также его оценочные суждения и переживания, связанные с этапами и ключевыми событиями этого процесса.

Под субъективными факторами мы имеем в виду индивидуальную стратегию профессионального определения человека, которая заключается в предпочтениях, ценностях, оценках своих действий информантами. Объективные социальные условия выражаются в роли семьи и других людях из близкого социального окружения, особенностях рынка труда и образования, историческом периоде жизни последователя той или иной династии. Переплетение этих факторов и выстраивается в профессиональный и карьерный пути последователей династии. В данной работе мы не определяем статистические различия в субъективных и объективных факторах формирования жизненного пути между профессиональными группами. А скорее

выявляем логические связи между широким спектром этих факторов и жизненными этапами конкретных профессиональных династий.

Методология и методы (Methodology and methods). Методология данной статьи преимущественно основана на некоторых российских работах по социологии профессий, на общей теории жизненного пути и социальной мобильности.

В рамках социологии профессий изучаются профессиональные сообщества и организации, статус и карьера представителей разных профессий (Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера, 2014); современное состояние инженерного и дошкольного образования, а также новые профессиональные группы: блогеры, «зеленые», online-работа (Профессиональные группы в модернизирующемся российском обществе, 2018); суть и история социологии профессий (Профессионалы в эпоху реформ..., 2013); функции, признаки и этапы формирования профессиональных групп (Мансуров, Юрченко, 2009: 42-43).

Трудовой или профессиональный путь, с одной стороны, формируется внутри семьи. Исследователи отмечают влияние семьи через передачу профессиональных навыков, образ жизни, определенные способы получения знаний и их использования на практике (Мансуров и др., 2019: 141). Трансформация внешних и внутренних факторов обусловлена социально-экономическими историческими измене-

ниями. Так, на поколения, родившиеся в советское время, сравнительно больше влияли организации, а более молодые поколения опираются больше на семью (Попова, 2019: 266).

Роль ближайшего окружения (друзей и родственников) в трудоустройстве возрастает в более поздних поколениях, что связано с изменением рынка труда и системы образования (Епихина, 2017: 22). По данным исследования представителей инженерной профессии, в профессиональном самоопределении в школьный период играет роль успеваемость по школьным предметам, при поступлении в ВУЗ – самостоятельная подготовка и помощь родителей. В основном инженеры находят работу по направлению ВУЗа (16%), рекомендации преподавателей (14%) и с помощью родственников (15%) и друзей (16%). Больше половины респондентов хотели бы видеть своего ребенка инженером (Инженерные династии России, 2017: 220-252).

Трудовые пути и траектории разных поколений анализируются авторами монографии через призму воспроизводства социального статуса или его изменения как в вертикальном, так и в горизонтальном срезе (Семенова и др., 2019: 53-72). В иностранной литературе по социальным наукам практически не используется понятие династия в профессии. Однако достаточно популярен подход межпоколенческого анализа профессионального или образовательного «наследования». Например, авторы выявили зависимость между такими параметрами, как намерение и установки на работу в профессии родителей, норма (оценка значимого другого) и соответствием выбранной профессией студентами и профессиональной позицией родителей (Oren, Caduri, Tziner, 2013: 551-560). Образование родителей влияет на шансы их детей занять позицию в том же роде деятельности. Однако дети родителей-профессионалов имеют большие шансы на карьеру как в профессиональной сфере, так и в управленческой сфере. А дети менеджеров больше склонны к тру-

доустройству как раз в сфере управления. (Egerton, 1997: 263-282). Влияние статуса родителей на карьеру детей в течение 10 лет показано авторами на примере трех когорт представителей разных классов (Passaretta, 2018: 1-11). В другой работе выявлена зависимость влияния профессии отца на вхождение своих детей в эту же профессию: фармакологи имеют наибольшие шансы пойти по стопам отца (Aina, Nicoletti, 2018: 113). Стоит отметить исследование предрасположенности студентов к определенным профессиям в зависимости от габитуса и социальных вкусов. Например, те, кто интересуется спортом и роком (музыка) проявляют желание работать в инженерных профессиях; интересующиеся музыкой и литературой предпочитают профессии, где требуется высшее образование (Vilhjálmsdóttir, Arnkelsson, 2013: 589).

Анализируя направление и характер трудовой карьеры, авторы выяснили, что род занятий родителей (высшие классовые позиции: менеджеры, специалисты и т.д.) соответствуют позициям дочерей, для которых характерна восходящая мобильность, стабильная карьера и также высокий уровень квалификации (Huang, Sverke, 2007: 384). Применяв секвенциальный анализ, авторы полагают, что карьера родителей-учителей влияет на выбор профессии учителя их детьми. Это влияние зависит не только от профессии, но и от паттерна карьерной траектории: в первую очередь это те респонденты, которые выбирают только семью или совмещают семью и работу (Gubler, Biemann, Herzog, 2017: 1-14).

На основе анализа разных исследований авторы выделяют основные принципы методологии жизненного пути: принцип развития человеческого капитала на протяжении всей жизни; принцип целостности (изучение всего жизненного пути, а не отдельных этапов); временной принцип (влияние предыдущих решений на последующие события), принцип взаимосвязи времени и места; принцип взаимосвязан-

ности жизненных опытов (влияние социальных групп на индивида); принцип агентности (влияние самих индивидов на свой жизненный путь) (Тыканова, Хохлова, 2016: 7-8). Жизненный путь человека выступает как процесс самореференциальный (основанный на опыте и ресурсах); многомерный (протекающий в нескольких сферах и социальных пространствах); многоуровневый (разные социальные группы, институты, организации, территории и регионы и общее общественное и исторической устройство) (Блоссфельд, Хьюинк, 2006: 17-20). Жизненный путь развивается как в вертикальном срезе (уровень доходов, условия труда, наличие властных полномочий), так и в горизонтальном (профессии, отрасли экономики) (Скопек и др., 2016: 98-126). Формальная траектория трудового пути и субъективное восприятие своей карьеры должны рассматриваться вместе. Один и тот же статус в социальной структуре может иметь разные смыслы у разных людей (Семенова, 157-177).

Межпоколенческое воспроизводство профессионального статуса мы рассматриваем именно через призму методологии жизненного пути. Согласно сформированному для интервью перечню вопросов (структуре гайда), были обозначены следующие основные жизненные этапы образовательной и профессиональной самореализации информантов: 1) Школьный период, включающий учебу в школе и воспитание в семье; 2) Получение профессионального образования; 3) Первое место работы и дальнейшая карьера. Эти основные этапы профессионального самоопределения подвергаются воздействию как со стороны семьи, так и со стороны ближайшего окружения в лице знакомых, друзей, коллег и др.

Исследование проводилось в Республике Башкортостан и Свердловской области. Всего было собрано 24 глубинных интервью с представителями профессий инженера, педагога, врача и юриста. В выборку вошли как наемные работники, так и

самозанятые, предприниматели и временно неработающие.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Жизненные трудовые и профессиональные пути информантов мы разбиваем на несколько этапов: семья и предпосылки профессионального самоопределения, средняя школа, профессиональное образование, производственная и другая практика, первая работа и дальнейшая карьера.

Семья и предпосылки профессионального самоопределения. Семейное окружение оказывает сильное влияние на выбор профессии и специальности членами профессиональных династий. В семье формируются первые представления и ценностные установки, связанные с определенной профессиональной деятельностью. В первую очередь, родители и другие близкие родственники путем непосредственной передачи знаний и умений способствуют формированию представлений о будущей профессии и, впоследствии, используя свой социальный капитал и другие возможности, помогают детям освоить специальность на начальном этапе карьеры.

Типичные внутрисемейные факторы, влияющие на итоговый выбор профессии одного или более членов семьи.

1. Хороший и удачный пример профессиональной самореализации в лице родителей и других членов семьи.

2. Естественная и непринужденная помощь родителей и других членов семьи.

3. Устойчивая межпоколенческая преемственность профессии; больше двух поколений представителей одной профессиональной династии.

4. Большая вероятность посещения места работы родителей или других членов семьи и реальная возможность знакомства «на деле» с будущей профессией.

5. Семейный бизнес.

Для того чтобы родители оказывали в большей степени позитивное влияние на своих детей, должны быть хорошие отношения между разными поколениями. Профессиональное окружение, как правило,

распространяется за пределы семьи. Общение детей-последователей династии происходит не только со своими родителями, бабушками и дедушками, но и с их друзьями и коллегами. Таким образом, у детей есть возможность брать пример у широко круга профессионалов. *«Мама – медсестра, папа был учителем. И так получилось, что круг их общения, когда я была маленькая (а они молодые), – это учителя. Поэтому у нас всегда в гостях были учителя. Папа поскольку мужчина-учитель, мужчин у нас не так много в школах, поэтому у него всегда было много друзей, подруг, причем не именно тетеньки, а были семьи»* [Информант – Ирина Н., учитель начальных классов в государственной школе].

Трехпоколенная профессиональная династия (прародители, родители и дети) встречается не так часто. По нашим наблюдениям, большие династии можно наблюдать во врачебной профессии. Наличие относительно большого количества представителей династии в расширенной семье приводит часто к усилению и своеобразной «консервации» профессиональной идентичности в рамках семьи. Так, информант-врач на вопрос, сформировалась ли у них династия, отвечает: *«Я бы не сказала... Потому, что не чувствовала склонности к другим профессиям, поэтому выбрала, что мне знакомо было. У меня дети выбрали медицину, потому что тоже не имели склонности к другим. А тут, как говорится, было что-то знакомо. Так как у нас вся семья была медиками, мы о других профессиях вообще ничего не знали»* [Информант – Гульнур И., врач, преподаватель в медицинском университете].

Посещение места работы также является фактором, который может оставить либо позитивное, либо негативное впечатление о работе, профессии и, в конечном итоге, изменить направление жизненного трудового пути. Представления о профессии у детей, как правило, сильно отличаются от реальности. Информация о профессии, полученная на работе у родителей,

может отбить желание осваивать ее. В свою очередь, первый положительный опыт может привести человека в профессию. *«Мама у меня учитель физики и математики. Складывались разные ситуации, и ей приходилось брать меня, еще маленькую, в школу. Там я себя чувствовала очень комфортно. А папа у нас строитель, в 9 классе я подумала, что могу выбрать профессию чертёжника, чтобы потом пойти на строительный факультет. Но одного месяца в проектной институте мне хватило, чтобы навсегда отказаться от этой идеи»* [Информант – Татьяна С., учитель физики и астрономии в государственной школе].

Очевидно, что интерес к конкретной профессии возникает еще в семье. Однако проявляется он не только из-за одного или двух факторов, а скорее возникает под влиянием комбинации нескольких причин и факторов, совокупность которых складывает их в уникальный трудовой путь. Информант-юрист отмечает, что ей, с одной стороны, нравились профильные предметы в школе (право, экономика, история), с другой стороны, она *«с детства росла с маминной работой, документами. С детства шла к этой профессии»* [Информант – Анна И., помощник прокурора в прокуратуре].

Мягкое и ненавязчивое влияние профессии родителей, в том числе осуществляется опосредованно. Например, через знакомство будущего юриста с объектами и материалами работы, с которыми работает отец: *«...Наша профессия связана с тем, что мы часто свою работу несем домой. У меня, как раз-таки, в детском возрасте был доступ к тем материалам, к бумажным носителям, как говорится, с которыми он работал. И я могла с ними знакомиться, читать практически в свободном доступе. Он меня не ограничивал: это, действительно, меня заинтересовывало, и к концу школы у меня даже предположений не было, что я могу заняться чем-то другим»* [Информант – Элина Н., адвокат в коллегии адвокатов].

Любимые предметы в школе. Профессиональный путь начинается еще в школьный период. Успеваемость по школьным дисциплинам и выбор любимых предметов накладывает отпечаток на дальнейшее образование и работу представителей династии. Сравнительно большее значение, по мнению информантов, играют именно школьные предметы, а не хобби. Именно выбор любимых предметов, а также хорошая успеваемость по ним являются предпосылками последующего выбора профессии.

Были выявлены два основных вектора влияния школьного образования на последующую образовательную и трудовую траекторию членов профессиональных династий: 1) выбор любимых предметов в школе естественным образом предшествует выбору специальности в среднем специальном и высшем профессиональном учебном заведении; 2) выбор профессии или специальности происходит независимо от школьных предметов и оказывает воздействие на освоение дисциплин, которые необходимы для поступления в профессиональное учебное заведение.

Далеко не все представители династий получали профессиональное образование по тем предметам, которые любили или по которым были успешны. Мнение родителей может стать ключевым как, например, в ситуации с информантом-врачом: «С 5 по 8 классы это были гуманитарные предметы: литература, география, история, биология. Всегда увлекался иностранным языком. В старших – всерьёз увлекался историей. Разыскивал и читал монографии, биографии. Может быть, даже поступил и на исторический факультет, если бы у меня был выбор» [Информант – Андрей В., врач-эндоскопист в городской больнице].

Помощь родителей иногда становится важнее успеваемости по предметам. Так, информант-юрист отмечает, что она была склонна скорее к точным наукам, а по гуманитарным наукам большую помощь оказывал отец: «Предрасположенно-

сти к гуманитарным наукам тогда не было, наоборот сложно давались и сочинения, и история. Я была к математике склонна... Но говорят же, что на самом деле нет такой чёткой грани между физиками и лириками. Всё взаимосвязано. А с уроками мне бабушка помогала, она учителем истории была. А потом в старших классах со мной отец занимался. Так и сложилось, что у меня с детства с папой большие контакт сложился, чем с мамой» [Информант – Валентина В., преподаватель в юридическом ВУЗе].

Выбор профессии и профессиональное образование. Профессиональное самоопределение после школы осуществляется через выбор конкретной специальности и учебного заведения. Влияние семьи и приверженность определенной традиции по-прежнему сильны, однако абитуриенты находятся в ситуации поступления в профессиональное учебное заведение, результат которого не является абсолютно гарантированным в отличие от получения среднего образования. Поэтому возникают такие направления и движения профессиональных и карьерных путей, которые, с одной стороны, зависят от личностных и семейных факторов, с другой – от объективных внешних обстоятельств. Одни информанты находились в ситуации широкого выбора, другие – в ситуации ограниченных возможностей. Зависит это от профессиональных и карьерных интересов и предпочтений конкретного человека и его семьи, уровня развития институтов профессионального образования в месте проживания и т.д. Поступление в профессиональное учебное заведение, как правило, проходит по общему конкурсу, по целевому направлению или по договору. В результате возникают неравные возможности уже при поступлении; одним помогают члены семьи и знакомые, другие поступают самостоятельно.

Опираясь на результаты анализа интервью, можно выделить два основных направления и, соответственно, стратегии адаптации представителей династий в сфе-

ре профессионального образования и на рынке труда после окончания ими средней школы. 1. Поступление в планируемое и желаемое профессиональное учебное заведение и последующая работа по специальности или в смежной специальности, но по профессии. 2. Неудачный выбор или поступление в другое, менее желаемое, профессиональное учебное заведение; и, как следствие, смена специальности, места жительства, поиск работы и т.д., которые часто приводит к изменениям не только статусных позиций, но и жизненных путей.

После получения среднего общего или основного образования многим выпускникам приходится конкурировать на рынке профессионального образования. Для последователей и других представителей династий самая типичная ситуация заключается в выборе именно нужной специальности, а учебное заведение выбирается, исходя из возможностей и внешних объективных преград.

Целевое направление увеличивает шансы на поступление в приоритетное учебное заведение. Как правило, целевое направление предоставляется организациями, и их количество в определенных отраслях экономики и местах проживания может сильно различаться. Социальные связи в лице семьи или знакомых могут сыграть ключевую роль в этом: *«Да, у меня было целевое направление. Платное обучение стоило довольно дорого. У моих родителей не было таких средств. И оставалось только два варианта: либо целевое направление, либо сдать экзамены на нереальное количество баллов. Но рисковать не хотелось. Поэтому всё-таки удалось получить целевое. Но даже с ним тоже нужно было пройти определённый конкурс. Получилось, что я кое-как прошёл»* [Информант – Иван Д., юрисконсульт в акционерном предприятии].

Неудачная попытка поступления в профессиональное учебное заведение может способствовать изменению траектории движения в социальной структуре как в горизонтальном (смена специальности или

профессии, места постоянного проживания, учебного заведения, профессионального окружения), так и в вертикальном срезе (отказ от продолжения обучения, выбор учебного заведения более низкого или более высокого профиля).

Династии, в которых сильна семейная традиция, проявляющаяся в крепких отношениях, взаимопомощи и ценностях, родители, как правило, помогают своим детям при поступлении в профессиональное учебное заведение. Влияние семьи на профессиональное самоопределение осуществляется через помощь в виде материальной поддержки, наставничества, знакомств и советов.

Не все информанты могут оценить, почему они выбрали именно эту профессию. Это может быть связано с нерешительностью в выборе профессионального пути или другими факторами. Так, информант-врач сначала хотела осваивать другую специальность, затем передумала и пошла по стопам матери и бабушки: *«Я же готовилась по иностранным языкам, ходила к репетиторам. Я сама не могу понять, почему я передумала, но никто на это не повлиял, не отговаривал»* [Информант – Ольга В., врач-педиатр, частная практика].

Возможность продолжения карьеры последователем династии после получения профессионального обучения в организации, в которой работает родитель, является одной из причин выбора профессии, она же могла быть определяющим мотивом поступления в конкретный ВУЗ и специальность. Информант-химик определилась со специальностью в старших классах школы и выбирала учебное заведение из нескольких вариантов, но *«...потом, мама как бы высказала свою мысль, что если закончить БГУ, химфак, например, то, соответственно, можно трудоустроиться, например, к ним же в институт, уже химиком-инженером и, непосредственно, как бы повысить свою квалификацию»* [Информант – Юлия А., химик-технолог промышленного предприятия].

Влияние родителей может принимать категоричный характер. Как, например, в случае с выбором профессии у будущего врача: *«Она [мама] начала говорить, мол, поступать надо сюда, потому что это чисто женская профессия. Для женщины лучшей профессии нет»* [Информант – Гульнур И., врач, преподаватель в медицинском университете].

Практика во время учебы. Получение первых практических навыков и применение знаний осуществляется в виде производственной, дипломной или педагогической практики. Этот опыт может повлиять на решение остаться в профессии или уйти из нее. Одна часть информантов попадает в ситуацию самостоятельного поиска места практики. Другая часть направляется на практику учебным заведением. На основании качественных данных мы не можем делать выводы о том, в каких профессиях и отраслях лучше развита система практик. Однако можно понять, каким именно образом представители династий попадают на практику, и как она влияет на их дальнейшую жизнь.

На решение остаться в профессии влияют следующие факторы: 1) сам факт прохождения производственной, педагогической или преддипломной практики; 2) степень восприятия последователями династий качества практики, ее источника (направление от учебного заведения, предприятия, семьи или самостоятельный поиск места), роль коллег, окружения и других параметров прохождения практики. На основании качественных социологических данных мы можем определить, что наиболее стабильная ситуация с практикой складывается у врачей. Есть определенная последовательность в прохождении самих этапов практики: санитарская, скорая помощь, медсестринская, доврачебная и т.д.

Люди, с которыми приходится работать на производственной или другой практике становятся ролевыми моделями. Иногда они выполняют позитивную функцию включения в профессиональное сообщество, иногда способствуют выталки-

ванию из сообщества. В свою очередь редко, но встречаются суждения в интервью о том, что *«практика была как подтверждение того, что я уже в профессии»* [Информант – Сергей В., врач в управлении здравоохранения].

Степень влияния предприятий на формирование профессиональных династий в России, в целом остается незначительной. Но иногда встречаются случаи прямого участия предприятия в профессиональной семейной преемственности и передачи трудового статуса от родителей, работающих в организации, к их детям. Например, инженер-энергетик проходила практику в разных организациях, в том числе и на предприятии мамы. Практика повлияла положительно не только благодаря высокому уровню предприятия и коллег, но тем, что *«у нее [организации] очень богатая история, она начинается еще с начала 20 века, мы считаем своим профессиональным днем и праздником день принятия ГОЭЛРО, тоже связано с историей, династиями. Т.е. когда ты приходишь в организацию и понимаешь, что люди своих детей приводят сюда, понимаешь, что и внуки тоже придут сюда, это, конечно, впечатляет. Во-вторых, люди: коллектив складывается специфический. Т.е. люди все очень образованные, вдумчивые, верны своему делу и, судя по всему, передают это по наследству»* [Информант – Юлия А., инженер-энергетик в энергетической компании].

Положительный опыт также определяется такими качественными характеристиками, как понимание того, что можешь справиться с работой и желанием расширить свои знания. Так, учитель выделяет факт удачного первого опыта работы с детьми: *«я поняла, что могу детьми управлять...»* [Информант – Татьяна С., учитель физики и астрономии в государственной школе].

Производственная практика может кардинально изменить представления последователей династий в сторону отказа от продолжения самореализации в профес-

сии. Однако поддержка семьи снова играет здесь большую роль. Например, информант-юрист была направлена на практику в судебные и следственные органы от университета, но ей там не понравилось. В институте внешнеэкономических отношений было лучше, и ей помог туда устроиться отец. Она отмечает, что не может сказать, что *«практика как-то окончательно убедила меня, что это моё, когда я столкнулась с этим непосредственно, у меня особого желания работать-то и не было в этой области»* [Информант – Валентина В., преподаватель в юридическом ВУЗе].

Информант-юрист отмечает, что в том ВУЗе, где она училась, существует опыт прохождения практики у своих родителей, представителей той же профессии: *«У нас от Университета направляли тех, кто сам не смог или не хотел пойти на практику к своим родителям. Так сложилось, что у меня в группе, как раз-таки, очень много было студентов, у которых мамы, папы были юристами»* [Информант – Татьяна Л., юрисконсульт в ИП].

На этом жизненном этапе последователи династий проявляют все большую самостоятельность. Но, обсуждение моментов, которые касаются учебы или практики, свойственно далеко не всем информантам.

Во время получения профессионального образования часть информантов подрабатывали, а часть – нет. Опираясь на наши данные, можно сделать выводы о том, что дополнительная работа по получаемой специальности традиционно характерна для медицинских работников и педагогов (учителей). В общем, подработка не так сильно влияет на решение продолжить профессиональную самореализацию и трудовой путь; многие информанты не работали дополнительно, а некоторые работали на постоянной основе (параллельно учась заочно). А те, кто подрабатывал, говорят главным образом о ее нефинансовой пользе.

Первое место работы и дальнейший карьерный путь. Первое место работы

очень часто зависит от состояния предыдущих статусов последователей династий. Для одной части информантов поиск работы становится альтернативой поступлению в профессиональное учебное заведение. Другая часть только после получения профессионального образования находит первое место работы. Опираясь на субъективные оценки и интерпретации информантов, мы делаем вывод о том, что влияние семьи и родственников на данном этапе не такое существенное, каким оно было в предшествующих жизненных периодах.

Последователям династий приходится искать первое место работы так же, как и все остальным. Их отличие заключается только в посильной помощи членов семьи и их знакомых, у которых есть возможность вовлечь своих детей в семейное дело или помочь с трудоустройством в другую организацию.

Все остальные информанты искали первое место работы либо самостоятельно, либо трудоустройство им предлагали работодатели. Некоторые из них остались работать в том же месте, где подрабатывали или, где проходили практику. В интервью встречаются врачи и учителя, которые получили свою первую работу по распределению.

Необходимо выделить такую стратегию адаптации к рынку труда, как получение дополнительного образования. Так, инженер рассказывает о том, что они прошли курс педагогики по рекомендации в том же ВУЗе и из-за того, что *«предприятия не брали на работу, тем более молодых специалистов после института, и на какое-либо химическое предприятие, устроиться было невозможно»* она устроилась на работу учителем в среднюю школу [Информант – Юлия А., химик-технолог промышленного предприятия].

Дальнейший трудовой путь и профессиональная самореализация представителей профессиональных династий меньше зависит от семьи и в большей мере подвергается влиянию объективных обстоятельств. В процессе профессиональной саморе-

ализации возрастает осознанность принятия решений самими информантами, они же отмечают все большее влияние внешних условий, которые в меньшей степени опосредованы семейным фактором. В этой связи мы выделяем два фактора, которые основаны на данных глубинных интервью. Первая из них связана с неустойчивостью и сложностью рынка труда; вторая – субъективными ценностными ориентациями и профессиональными предпочтениям респондентов.

Сложности, которые возникают в процессе поиска работы, достаточно очевидны и связаны с особенностями рынка труда: закрытие компаний, сокращения рабочих мест, ухудшение условий труда, низкая зарплата и т.д. Следуя своим профессиональным интересам и стремлениям, одни ищут трудовые позиции, которые в наибольшей мере отвечают полученной специальности. Другие меняют место работы или профессию по причине неудовлетворительных условий и оплаты труда. Чаще всего эти факторы взаимосвязаны между собой.

Информанты отмечают, что на смену места работы влияет и такое обстоятельство, как вовлечение в семейное дело, которое всегда может играть роль либо приоритетного варианта, либо запасной ниши трудоустройства. Смена места трудоустройства, как правило, сопровождается сменой работы по другой специальности. Однако большинство информантов утверждают, что не меняли как таковую специальность или профессию, не подстраивались под работу: изучали что-то новое, стажировались или получали дополнительное образование.

Заключение (Conclusions). Факторы профессионального самоопределения мы делим на субъективные, которые проявляются в оценках своих действий, предпочтениях, ценностях, способностях и интересах последователей династий, а также объективные, заключающиеся в социальных условиях всего жизненного пути. В целом, для некоторых информантов харак-

терна устойчивость трудового и профессионального пути, что связано в большей мере со стабильностью организации и историческим периодом, на который выпал этап построения карьеры. Часть информантов подвергалась влиянию факторов неустойчивой и нестабильной занятости, но при этом они стремились, как правило, к поиску таких позиций, которые в наибольшей степени отвечают их квалификационным возможностям и профессиональным интересам. Влияние семьи на профессиональный рост информантов ослабляется по мере их взросления и перехода на следующий этап трудового пути. Чем старше последователи династий, тем чаще они подвергаются влиянию условий рынка образования и труда. Профессиональное самоопределение обуславливается еще на ранних этапах, во время обучения в средней школе. Большую роль в этом играет успеваемость и интерес к предметам, необходимым для поступления в профессиональное учебное заведение. Некоторые дети не проявляют особого интереса и способностей к какой-либо профессии и именно в связи с этим принимают решение идти по стопам родителей или других родственников в наиболее близкую и знакомую сферу деятельности. Если периоды учебы в школе, выбора профессии и образовательного учреждения зависят в первую очередь от семьи и самого последователя династии, то в дальнейшем мы наблюдаем некоторые различия по профессиям. Однако для того, чтобы делать статистические обобщения, впоследствии нужно провести количественное исследование. Различия в профессиональном определении и карьерном росте между профессиональными группами наблюдаются именно в тот период, когда семья перестает играть основную роль в жизненном пути. Так, предприятия оказывают помощь в организации производственной практики и в трудоустройстве молодых специалистов в основном в сфере медицины и педагогики, где еще остались институциональные основы профессионализации. К тому же для

врачей характерна связь процесса получения профессионального образования и подработки во время учебы в медицинской сфере. В инженерно-технической и юридической сферах не все так однозначно: лишь некоторые виды организаций или предприятия активно поддерживают молодых специалистов во время прохождения практики и в трудоустройстве.

Список литературы

Блоссфельд Х.-П., Хьюнинк И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX, № 1. С. 15-44.

Гендер и начало трудового пути: результаты международного сравнительного исследования / Я. Скопек, М. Тривенти, Ю. Косякова, С. Букхольц, Х.-П. Блоссфельд // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX, № 5. С. 98-126.

Епихина Ю. Б. Образовательная мобильность и первое место работы // Научный результат. Социология и управление. 2017. № 4 (3). С. 13-28. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-13-28

Инженерные династии России: монография / науч. ред. В. А. Мансуров. М.: РОС, 2017. 331 с.

Мансуров В. А., Юрченко О. В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8 (304). С. 36-46.

Попова И. П. Семейный и социальный контексты как старт профессионального пути в научно-технологической сфере // Семья в современном мире: XI социологические чтения памяти Голофаства В. Б.: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 28-31 марта 2019 г.); СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН. СПб.: «Реноме», 2019. С. 263-267.

Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей. Коллективная монография / Под ред. В. А. Мансурова. М.: ИС РАН; РОС, 2013. 315 с.

Профессиональные группы в модернизирующемся российском обществе: монография / А. С. Голубева и др.; отв. ред. В. А. Мансуров. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 220 с. URL: <https://www.isras.ru> (дата обращения: 10.12.2019).

Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера: Коллективная монография / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: ИС РАН; РОС, 2014. 404 с.

Семенова В. В. Паттерны вертикальной мобильности профессионалов в период социальных трансформаций: социобиографический подход // Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: монография / А. В. Ваньке и др.; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, А. В. Ваньке. М.: ИС РАН, 2017. С. 157-178.

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: монография / В. В. Семенова и др.; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. № 3. С. 4-19. DOI:10.21638/11701/spbu12.2016.301.

Aina C., Nicoletti C. The Intergenerational Transmission of Liberal Professions // Labour Economics. 2018. 51. P. 108-120. DOI: 10.1016/j.labeco.2017.12.003.

Egerton M. "Occupational Inheritance: The Role of Cultural Capital and Gender" // Work, Employment and Society. 1997. 11 (2), 263-282. DOI: 10.1177/0950017097112004.

Gubler M., Biemann T., Herzog S. An Apple doesn't Fall Far from the Tree-Or does it? Occupational Inheritance and Teachers' Career Patterns // Journal of Vocational Behavior. 2017. 100. P. 1-14. DOI: 10.1016/j.jvb.2017.02.002.

Huang Q., Sverke M. Women's Occupational Career Patterns over 27 Years: Relations to Family of Origin, Life Careers, and Wellness // Journal of Vocational Behavior. 2007. 70 (2). P. 369-397. DOI: 10.1016/j.jvb.2006.12.003.

Mansurov V. A., Semenova A. V., Ivanova Ye. Yu., Yurchenko O. V. Professional Dynasties as a Social Mechanism for the Reproduction of Professional Identities // Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging. View from Russia: Collected Papers European Sociological Association 14th Conference "Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging (Manchester, GB, August 20-24, 2019)"; V. Mansurov (ed.). Moscow: RSS, FCTAS RAS, 2019. P. 133-143. URL: <https://www.isras.ru> (дата обращения: 10.12.2019).

Oren L., Caduri A., Tziner A. Intergenerational Occupational Transmission: Do Offspring Walk in the Footsteps of Mom or Dad, or Both? // *Journal of Vocational Behavior*. 2013. 83 (3). P. 551-560. DOI: 10.1016/j.jvb.2013.08.003.

Passaretta G., Barbieri P., Wolbers M. H. J., Visser M. The Direct Effect of Social Origin on Men's Occupational Attainment over the Early Life Course: an Italian-Dutch Comparison // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2018. 56. P. 1-11. DOI: 10.1016/j.rssm.2018.04.002.

Vilhjálmsdóttir G., Arnkelsson G. B. Social Aspects of Career Choice from the Perspective of Habitus Theory // *Journal of Vocational Behavior*. 2013. 83 (3). P. 581-590. DOI: 10.1016/j.jvb.2013.08.002.

References

Blossfeld, H.-P. and Hyunink, I. (2006), "Study of Life Paths in the Social Sciences: Topics, Concepts, Methods and Problems", *Journal of Sociology and Social Anthropology*, IX (1), 15-44. (In Russian).

Skopek, J., Triventi, M., Kosyakova, Yu., Bukholz, S. and Blossfeld, H.-P. (2016), "Gender and the Beginning of the Career: the Results of the International Comparative Study", *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XIX (5), 98-126. (In Russian).

Epikhina, Yu. B. (2017), "Educational Mobility and First Place of Work", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 4 (3), 13-28. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-13-28. (In Russian).

Engineering Dynasties of Russia: Monograph (2017), in Mansurov, V. A. (ed.), RSS, Moscow, Russia. (In Russian).

Mansurov, V. A. and Yurchenko, O. V. (2009), "Sociology of Professions. History, Methodology and Practice of Research", *Sociological Studies*, 304 (8), 36-46. (In Russian).

Popova, I. P. (2019), "Family and Social Contexts as Start of Professional Course in the Scientific and Technological Field", *Family in the Modern World: XI Sociological Readings in Memory of V. B. Golofast: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (St. Petersburg, March 28-31, 2019)*, SI RAS – FCTAS RAS, "Renome", Saint-Petersburg, Russia, 263-267. (In Russian).

Professionals in the Era of Reform: the Dynamics of Ideology, Status and Values. Collective

Monograph (2013), in Mansurov, V. A. (ed.), IS RAS, RSS, Moscow, Russia. (In Russian).

Professional Groups in Modernizing Russian Society: Monograph (2018), in Mansurov, V. A. (ed.), FCTAS RAS, Moscow, Russia [Online] available at: <https://www.isras.ru> (Accessed 10 December 2019). (In Russian).

Professional Groups: Communities, Activities and Careers: Collective Monograph (2014), in Mansurov, V. A. (ed.), IS RAS; RSS, Moscow, Russia. (In Russian).

Semenova, V. V. (2017), "Patterns of Vertical Mobility of Professionals during the Period of Social Transformations: Sociobiographical Approach", in Semenova, V. V., Chernysh, M. F., Vanke, A. V. (eds.) *Social Mobility in Russia: the Generational Aspect: Monograph*, IS RAS, Moscow, Russia, 157-178. (In Russian).

Social Mobility in the Complicating Society: Objective and Subjective Aspects: Monograph (2019), in Semenova, V. V., Chernysh, M. F., Sushko, P. E., (eds.), FCTAS RAS, Moscow, Russia (In Russian).

Tykanova, E. V. and Khokhlova, A. M. (2016), "Basic Concepts and Approaches in the Sociological Study of Life Courses", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, 3, 4-19. DOI: 10.21638/11701/spbu.2016.2016.301 (In Russian).

Aina, C. and Nicoletti, C. (2018), "The Intergenerational Transmission of Liberal Professions", *Labour Economics*, 51, 108-120. DOI: 10.1016/j.labeco.2017.12.003.

Egerton, M. (1997), "Occupational Inheritance: The Role of Cultural Capital and Gender", *Work, Employment and Society*, 11 (2), 263-282. DOI: 10.1177/0950017097112004.

Gubler, M., Biemann, T. and Herzog, S. (2017), "An Apple doesn't Fall Far from the Tree- Or does it? Occupational Inheritance and Teachers' Career Patterns", *Journal of Vocational Behavior*, 100, 1-14. DOI: 10.1016/j.jvb.2017.02.002.

Huang, Q. and Sverke, M. (2007), "Women's Occupational Career Patterns over 27 Years: Relations to Family of Origin, Life Careers, and Wellness", *Journal of Vocational Behavior*, 70 (2), 369-397. DOI: 10.1016/j.jvb.2006.12.003.

Mansurov, V. A., Semenova, A. V., Ivanova, Ye. Yu. and Yurchenko, O. V. (2019), "Professional Dynasties as a Social Mechanism for the Reproduction of Professional Identities", *Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging.*

View from Russia: Collected Papers European Sociological Association 14th Conference "Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging (Manchester, GB, August 20-24, 2019)" [Online], in Mansurov, V. (ed.), RSS, FCTAS RAS, Moscow, Russia, 133-143, available at: <https://www.isras.ru> (Accessed 10 December 2019). (In Russian).

Oren, L., Caduri, A. and Tziner, A. (2013), "Intergenerational Occupational Transmission: Do Offspring Walk in the Footsteps of Mom or Dad, or Both?" *Journal of Vocational Behavior*, 83 (3), 551-560. DOI: 10.1016/j.jvb.2013.08.003

Passaretta, G., Barbieri, P., Wolbers, M. H. J. and Visser, M. (2018), "The Direct Effect of Social Origin on Men's Occupational Attainment over the Early Life Course: an Italian-Dutch Comparison", *Research in Social Stratification and Mobility*, 56, 1-11. DOI: 10.1016/j.rssm.2018.04.002.

Vilhjálmsdóttir, G. and Arnkelsson, G. B. (2013), "Social Aspects of Career Choice from the Perspective of Habitus Theory", *Journal of Vocational Behavior*, 83 (3), 581-590. DOI: 10.1016/j.jvb.2013.08.002.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Валиахметов Рим Марсович, кандидат социологических наук, директор Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Туракаев Марсель Салаватович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Rim M. Valiakhmetov, Candidate of Sociology, Director, Bashkir Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Marcel S. Turakayev, Candidate of Sociology, Senior Research Fellow, Bashkir Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

УДК 316.42

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-6

Dmitry V. Ivanov

**Post-globalization, super-urbanization and prospects
of social development**

St. Petersburg State University
7-9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia
dvi1967@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-7622-4022

*Received January 30, 2020; accepted February 25, 2020;
published March 30, 2020*

Abstract. The paper presents an attempt to reconceptualize social development and to measure its level for societies facing the post-globalization as globalizing networks and flows are paradoxically localized in super-urban areas. The economic and social divide between the group of the largest cities and the rest of the world supports the idea that globalization has resulted not in the ‘world society’ or ‘worldwide sociality’ but rather in networked enclaves of globality where people experience borderless, multicultural, and mobile social life in the regime of augmented modernity. In the post-globalization age, the ‘core’ of socioeconomic order is dispersed into networks of enclaves of augmented modernity contrasting with exhausted modernity outside them. The nations’ prospects of social development depend on number, size, and influence of cosmopolitan super-urban areas attracting and generating transnational material, human, and symbolic flows. The super-urbanization index is elaborated to measure nations’ prospects under post-globalization conditions. Traditional indices of standard of living and quality of life have to be augmented in the new theoretical model and system of empirical indicators of social development under post-globalization conditions.

Keywords: social development; post-globalization; super-urbanization index; augmented modernity

Acknowledgements. This paper is based on the research supported by the Russian Science Foundation (Project 18-18-00132).

Information for citation: Ivanov, D. V. (2020), “Post-globalization, super-urbanization and prospects of social development”, *Research Result. Sociology and management*, 6(1), 72-79. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-6

Иванов Д. В.

**Постглобализация, суперурбанизация и перспективы
социального развития**

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., д. 7-9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия
dvi1967@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-7622-4022

Статья поступила 30 января 2020 г.; принята 28 февраля 2020 г.;
опубликована 30 марта 2020 г.

Аннотация. В статье представлена попытка реконцептуализации социального развития и предложен подход к измерению уровня развития для обществ в условиях постглобализации, когда глобализующие жизнь структуры – сети и потоки парадоксальным образом локализованы в суперурбанизированных центрах. Экономический и социальный разрыв между группой крупнейших городов и остальным миром указывает на то, что результатом глобализации стало не возникновение «мирового общества» или «всемирной социальности», а скорее возникновение сети анклавов глобальности, где жизнь людей по-настоящему глобальна: транснациональна, мультикультуральна и мобильна. Мегаполисы притягивают и генерируют материальные, символические и человеческие потоки, и потому социальная жизнь в них сверхнасыщенная, принимающая форму дополненной современности. Суперурбанизированные анклавы дополненной современности контрастируют с окружающими территориями, откуда вымываются ресурсы и где социальная жизнь переходит в режим истощенной современности. Перспективы социального развития наций теперь зависят от числа, размеров и влияния космополитичных мегаполисов. Поэтому в условиях постглобализации традиционные средства измерения уровня развития предлагается дополнить индексом суперурбанизации.

Ключевые слова: социальное развитие; постглобализация; индекс суперурбанизации; дополненная современность

Благодарность: Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 18-18-00132).

Информация для цитирования: Иванов Д. В. Постглобализация, суперурбанизация и перспективы социального развития // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, N 1. С. 72-79. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-6

Introduction. Social changes of recent decades make it necessary to reconsider models of social development dominating researches and policies since the industrialization age. Study of social development considered as social change guided towards common well-being is a fundamental scientific problem in sociology. Social change as rise and spread of new social structures and new ways of social interaction creates a new space of possible development trajectories and frames a new developmentalist agenda.

The aim of the research project is elaboration of the social development model relevant to both new tendencies in social transformation and recent achievements in socio-

logical theory. Scientific importance of the research is determined by necessity to base new model of social development on an integration of theoretical concepts of social changes of recent decades (postmodernization, globalization, virtualization of society and so on) and current reinterpretations of classical theories of social systems, structures and interactions, everyday practices and life-world. Elaboration of the social development model corresponding to new tendencies of social change and to newest tendencies in sociological theory would be real contribution into the growth of theoretical and methodological base of contemporary sociology and other social sciences and humanities and into

the development of principles and strategies of social policy.

At the turn of the century theoretical sociology produced new social change concepts which interpreted transformation of society as decline or even disappearance of the industrial society's social structures and modes of interaction. Theories of postmodernization, globalization, virtualization of society and others reveal different aspects and tendencies of that social reality disappearance while the social development models adopted by national governments still are oriented towards support and rise of such social reality. Industrial society's structures development is main orientation of modernization projects and that social reality is just to be upgraded in projects of information society. New theories detect spread of new forms of social life – symbolic, transnational, networked, and flow structures which don't fit the usual patterns of social development. The newest challenge to sociology and social policy is paradox of globalization turned into post-globalization.

Considering tendencies presented above, it is possible to conclude that there is conceptual gap between old-fashioned social development models used as frameworks for controversial reforms and new theoretical models of social phenomena and processes created in recent decades. To overcome the conceptual gap, it is necessary to elaborate new social development model on the basis of social change trends analysis and analysis of newest trends in sociological theorizing. Such model has to be more relevant to current social processes than modernization models losing their actuality for economically advanced countries and information society models now provoking serious doubts among advanced sociologists.

Methodology and Methods. The classical concepts of social development and the post-globalization challenge.

The concept of social development as modernization of society, that dominated till recent times scientific and political discourses, is mirroring theories created under conditions of early industrial society. Such goals of

development as economic growth, spread of education, and general welfare provided by rational system of institutions were derived from conceptions of social life created by A. Comte, K. Marx, E. Durkheim, M. Weber and other theorists in the 19th – early 20th century. That concept of development is replaced now by the concept of informatization of society which is mirroring theoretical achievements of sociology under conditions of the transition towards postindustrial society that began at the second half of the past century with influential theories created by D. Bell, A. Touraine, A. Toffler, and M. Castells.

The social development level measures which are practically used (for example indicators included in the HDI – human development index by UN Programme: GDP per capita, expected life duration, duration of learning) now are corresponding to theoretical models which realize ideas of the past two centuries. Alternative methods proposed for example in 'Happy Planet Index' (New Economics Foundation) or 'indices of social development' (International Institute of Social Studies) are oriented toward new dimensions of social development: ecological traces, gender equality, civil activism and so on. But such methods do not take into account fundamental changes of social reality which are conceptualized in the newest sociological theories.

The new conception of social development can be elaborated on the basis of contemporary social reality analysis of two kinds. The first line of analysis is analysis of social problems arising as consequences of industrialist (modernization) and postindustrialist (informational) social development models implementation (alienation, anomy, social inequality, ecological risks, the ineffectiveness of the social control structures under conditions of globalization and virtualization of society etc.). The second line is the analysis of the newest social change tendencies including one of the most important among them – post-globalization which creates new space of possible development trajectories as well as a new dimension and orientation of develop-

ment: fullness of life, that is becoming critical alongside with traditional developmentalist dimensions – standard of living and quality of life.

Globalization processes made sociologists to reassess conceptual means and frameworks of analysis. Concepts of networks and flows promoted at the end of the 20th century by J. Urry, M. Castells, A. Appadurai, B. Latour look more relevant than traditional concepts of institutions and interactions dominated sociological theorizing and social development discourses during two centuries. However, sociologists consider globalization effects on social development mostly in the frameworks of the world-system theory and various theories of global disparities. Problems of social development are presented in the context of globalization and its consequences in terms of the GDP / the living standard gap between the ‘core’ countries and countries belonging to ‘periphery’ and ‘semi-periphery’ of the global economy (Wallerstein 2004), or between two groups of nations identified as ‘global North’ and ‘global South’ (Arrighi, 2001). That model of international gap should be revised as socioeconomic differences do not coincide with national borders and wealth and power are concentrated in networks of super-urban areas playing a role of ‘command centers’ in transnational economy (Sassen, 2005).

Research Results and Discussion. Super-urbanization is radically new phenome-

non that differs from urbanization which was key component of modernization. The world has become super-urbanized as more than 50% of the world’s population live in urban areas since 2010. According to the United Nations reports on urbanization, there were 6 megacities with populations exceeding 5 million in 1950, by 2010 this number had risen to 60 and by 2018 to 81 (United Nations 2014; 2019). About the quarter of the world population is concentrated in five and half hundred cities all having more than 1 million inhabitants.

In this super-urbanized world trajectories of social development should be considered not only in the context of gap between urban and rural areas but also in the context of gap between super-urban areas and the rest of the world. According to research data of the Brookings Institution, the largest 300 metropolitan areas contain only about 20% of the world’s population but they generate nearly half of the world’s GDP (The Brookings 2012, 2018). Another research conducted by McKinsey Global Institute has revealed the top 600 cities by economic output concentrate 22% of global population and provide more than 50% of global GDP (McKinsey 2011). The super-urbanized areas outperform national economies they belong to and therefore open new dimension of inequality – disparities between the super-urban points of access to flows of resources and the surrounding regions (Table 1).

Table 1

The largest cities per capita GDP premium relative to region, %

City	Region	Per capita GDP premium (regional per capita GDP = 100%)
New York	USA	133
Los Angeles	USA	122
Paris	Western Europe	159
London	Western Europe	144
Tokyo	Japan	119
Osaka	Japan	99
Moscow	Russia	257
St. Petersburg	Russia	131

Source: (McKinsey, 2012) and (Rosstat, 2017).

Contrast between high level of social development and lower one cannot be identified only with global ‘North’ / ‘South’ divide. Brexit and Trump’s campaign have showed sharp social divides inside ‘global North’. Voters in small towns and rural areas less involved into transnational networks and flows are against political agenda supported by super-urban population. Large cities and megacities are more cosmopolitan and liberal than conservative majority of nation. Super-urban areas are detached from social reality maintained by institutions of nation-states.

The economic and social divide between the group of the largest cities and the rest of the world supports the idea that globalization has resulted not in the ‘world society’ or ‘worldwide sociality’ but rather in networked enclaves of globality. In such metropolitan areas as New York, Los Angeles, London, Tokyo, Hong Kong, Shanghai, Moscow, Istanbul, Seoul, Toronto and other megacities interconnected by cross-border materi-

al, human, and symbolic flows, people experience globality as borderless, mobile, and multicultural life. Therefore, ‘globalization’ does not mean planetary spread of social structures but rather localized displacement of habitual social structures by intensive flows (Appadurai 1990). It follows, that the distinction between ‘core’ and ‘periphery’ in the global socioeconomic order should be revised. The ‘core’ now is dispersed into networks of cosmopolitan super-urban areas.

Paradoxically, globality is very localized and because of that the subject-matter of global sociology is not the totality of societies and relations among them but networked (g)localities constituted by transnational flows. Globalization promising structural homogeneity and cultural unity is over. Post-globalization is the growth and decoupling of super-urban enclaves of globality. Prospects of social development now depend on this controversial process.

Table 2

National Gini vs Super-Urban Gini (Selected Countries and Cities)

Country / City	Gini index (year of estimation)
Russia	0,420 (2012)
Moscow	0,486 (2012)
St. Petersburg	0,443 (2012)
USA	0,469 (2010)
New York	0,499 (2010)
Los Angeles	0,489 (2010)
Japan	0,329 (2012)
Tokyo	0,375 (2011)
Osaka	0,400 (2011)

Source: (Ivanov, 2016).

The post-globalization challenge to habitual social development models in the super-urbanized world is characterized not only by concentration of wealth, power, and cultural dominance in the enclaves of globality. Compared to their countries, metropolitan ar-

reas outperform in economic growth and at the same time they are more unequal in terms of Gini index (Table 2). The combination of relatively higher levels of both economic performance and income disparity shows that the networked enclaves of globality represent two

faces of inequality defined as exclusion and unequal inclusion. The inhabitants of small cities and rural areas are disadvantaged because they are excluded from flows of resources circulating inside the networks of large cities / megacities. Nevertheless, people involved into such flows are disadvantaged too as they are included to be workforce for the newest form of postindustrial capitalism arising in networked enclaves of globality. People migrate to super-urban areas searching higher living standard and quality of life but they are faced with new dimension of social life – fullness measured by intensity of flows structuring fluid existence of ‘*homo super-urbanus*’.

Super-urban enclaves of augmented modernity and the social development prospects.

The divide between the super-urban areas and the rest of territories and communities has impacted social development in two ways. Attracting resources of all kinds and generating new social structures, such metropolitan areas as New York, Los Angeles, Toronto, London, Tokyo, Hong Kong, Moscow, Seoul, Istanbul, and other megacities become centers of new sociality creation. Social life in the access points to transnational networks and flows of material, symbolic, human, and technological resources is an existence full of cyber-physical experience. There different social realities are mutually penetrated and take form of *augmented reality* integrating physical and digital, material and symbolic, modern and ‘postmodern’ components of human life. There is an augmented sociality while small cities and rural communities are losing resources which are ‘washed away’ by outflows of human resources redirected towards super-urban hubs. Augmented sociality is in sharp contrast with an exhausted sociality apart network of globality enclaves. Globalization was expected to be planetary spread of Modernity institutions but now we are faced rather with localized displacement of habitual social structures of Modernity by intensive life in a regime of *Augmented Modernity* in the super-urban areas while in the rest

of communities outside super-urban hubs of augmented sociality tendency toward an *Exhausted Modernity* can be seen.

In the post-globalization age, the ‘core’ of socioeconomic order is dispersed into networks of enclaves of globality so the nations’ prospects of social development depend on number, size, and influence of cosmopolitan super-urban areas attracting and generating flows. New approach to conceptualize social development and to measure its level is needed. Indicators included in the human development index by UN (GDP per capita, expected life duration, duration of learning) are relevant to industrial society and nation-state formation. Alternative methods proposed for example in ‘Happy Planet Index’ by New Economics Foundation or ‘indices of social development’ by International Institute of Social Studies are oriented toward not only economic dimension but also toward new dimensions of social development reflecting tendencies of post-industrialization and globalization – ecological footprints, gender equality, civil activism and so on. But now the problem of social development should be considered in the context of new tendency – post-globalization.

The index of super-urbanization is proposed here to measure nations’ prospects under post-globalization conditions. Index of super-urbanization is an instrument to evaluate potential of social development which emerges in large cities and megacities. Their number and share in GDP and in population defines prospects of the augmented social reality creation. The index of super-urbanization is estimated according to the formula:

$$ISU = (N_{su2030} / P_{2030}) \times S_{GDP2014} \times S_{P2014},$$

where:

N_{su2030} – number of large cities having between 5 and 10 million inhabitants and megacities having 10 million or more inhabitants expected by year 2030;

P_{2030} – the country total population expected by year 2030;

$S_{GDP2014}$ – the large cities and megacities share in the national GDP in 2014;

S_{P2014} – the large cities and megacities share in the national population in 2014.

To normalize estimations for different countries the standard form of index is used. For country ‘n’ index is estimated as

$$I_n = (ISU_n - ISU_{min}) / (ISU_{max} - ISU_{min}),$$

where:

ISU_n – absolute magnitude of super-urbanization index for some country;

ISU_{min} – the lowest level of the index among countries included in the sample;

ISU_{max} – the highest level of the index.

Data for the indices estimations are extracted from UN reports (United Nations 2016) and national statistics. The index has been tested on the sample including nations participating in the G20 and Singapore selected as hypothetically the most developed super-urban area (Table 3).

Table 3

Index of Super-Urbanization (Selected Countries)

Country	Index of Super-Urbanization	Rank
Singapore	1.00	1
Australia	0.55	2
South Korea	0.28	3
Turkey	0.25	4
USA	0.22	5
South Africa	0.21	6
Japan	0.20	7
Saudi Arabia	0.19	8
Mexico	0.18	9
Russia	0.17	10
Canada	0.17	11
France	0.16	12
China	0.15	13
Brazil	0.14	14
Argentina	0.14	15
Great Britain	0.12	16
India	0.05	17
Indonesia	0.03	18
Germany	0.00	19
Italy	0.00	20

Source: Author’s own estimations.

The analysis of ranking shows that old modernization leaders (Western Europe and USA) and BRICS countries recently expected to be future leaders of the next modernization have actually moderate potential in the post-globalization age. Brazil, Russia, India, China, and South Africa are rated below many

countries including US, South Korea, and of course the city-state Singapore which is the best example of social development on the platform of super-urban enclave of globality.

Singapore and partly Australia and South Korea can be considered as societies providing patterns of social development cor-

responding to conditions of post-globalization. Index of super-urbanization reveals new prospects of social development but it is not supposed to be unique indicator and to displace traditional indices of standard of living and quality of life. They have to be augmented in the new theoretical model and system of empirical indicators of social development under post-globalization conditions. New components of social development model are to be elaborated with use of data on population mobility, information flows, and networking activities of the Internet users in the super-urban areas.

Conclusion. The post-globalization changes dramatically contemporary agenda of social development. In the post-globalization age, the ‘core’ of socioeconomic order is dispersed into networks of enclaves of globality. The nations’ prospects of social development depend on number, size, and influence of cosmopolitan super-urban areas attracting and generating flows of goods, money, people, information etc. The index of super-urbanization presented here measures nations’ prospects under post-globalization conditions and it allows us to conclude that both old leaders of modernization (Western Europe and USA) and the BRICS countries recently expected to be future leaders have actually moderate potential. While Brazil, Russia, India, China, and South Africa oriented toward modernization patterns are rated below many countries the city-state Singapore has the highest rank and provides new pattern of social development corresponding to the logic of post-globalization and super-urbanization. Taking into account such patterns, we can reformulate developmentalist agenda and to augment traditional theoretical models of development and indices of standard of living and quality of life with the new theoretical model and system of empirical indicators of social development being in accordance with post-globalization tendencies.

References

Appadurai, A. (1990), “Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy”, in

Featherstone, M. (ed.), *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*, SAGE, London, UK.

Arrighi, G. (2001), “Global Capitalism and the Persistence of the North – South Divide”, *Science & Society*, 65 (4), 469-476.

Ivanov, D. (2016), “New Forms of Inequality and the structures of Glam-Capitalism”, *Social Evolution & History*, 15 (2), 25-49.

McKinsey Global Institute (2012), *Urban America: US Cities in the Global Economy*.

McKinsey Global Institute (2011), *Urban World: Mapping the Economic Power of Cities*.

Rosstat – Federal Agency of the State Statistics (2017), *Regions of Russia. Social and Economic Indicators*, Rosstat, Moscow, available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf (Accessed 17 February 2020)

Sassen, S. (2005), “The Global City: Introducing a Concept”, *Brown Journal of World Affairs*, 11 (2), 27-43.

The Brookings Institution (2012), *Global Metro monitor: Slowdown, Recovery*, Metropolitan Policy Program.

The Brookings Institution (2018), *Global Metro monitor 2018*, Metropolitan Policy Program at Brookings.

United Nations (2016), *Urbanization and Development: Emerging Futures. World Cities Report 2016*, UN-Habitat, Nairobi.

United Nations (2014), *World Urbanization Prospects*, UN DESA, New York, USA.

United Nations (2019), *World Urbanization Prospects 2018: Highlights*, UN DESA, New York, USA.

Wallerstein, I. (2004), *World-System Analysis: An Introduction*, Duke University Press, Durham.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Dmitry V. Ivanov, Doctor of Sociology, Professor, Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316:323.21

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-7

Дятлов А. В.¹
Ковалев В. В.²
Понамарев А. Б.³

Исторические предпосылки, содержание и опыт реализации
института сити-менеджмента в США

¹) Южный Федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия
avdyatlov@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5914-4744

²) Южный Федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия
vitkovalev@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-8439-3117

³) Южный Федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия
kalvarus94@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-2226-6144

*Статья поступила 9 октября 2019 г.; принята 6 марта 2020 г.;
опубликована 30 марта 2020 г.*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования исторических предпосылок возникновения института сити-менеджмента, как одной из форм муниципального управления, а также проанализированы содержание и опыт реализации управленческих практик, характерных для этой системы за рубежом, в частности в США. Анализируются результаты социологических исследований, посвященных сравнению эффективности сити-менеджмента и традиционной системы муниципального управления. Рассматриваются перспективы имплементации этой формы муниципального управления в российские муниципальные образования. Акцентируется внимание на том, что для эффективной работы этой системы требуется соответствие российской социальной реальности требованиям, которые обуславливают продуктивную работу сити-менеджмента как института. Эти требования выводятся из ретроспективного анализа американских управленческих практик. В заключении сделан вывод, что институт сити-менеджмента может эффективно работать только в тех странах, которые отвечают фундаментальным требованиям для его работы: неприкосновенности частной собственности, чёткому регламенту вмешательства государства в жизнь граждан, а также высокой степени гражданского участия жителей в жизни своего города. Утверждается, что несоот-

ветствие российских муниципальных образований вышеописанным требованиям окажет отрицательное влияние на работу института сити-менеджмента.

Ключевые слова: сити-менеджмент; муниципальное управление; социокультурные основания; административно-политические основания; ценности; муниципальная власть; городской совет; сити-менеджер.

Благодарность: Статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ, проект № 18-011-01113 «Институт сити-менеджмента в современной России: административная и общественная состоятельность (на примере муниципальных образований Южного федерального округа)».

Информация для цитирования: Дятлов А. В., Ковалев В. В., Понамарев А. В. Исторические предпосылки, содержание и опыт реализации института сити-менеджмента в США // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, N 1. С. 80-90. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-7

Alexander V. Dyatlov¹

Vitaly V. Kovalev²

Alexander B. Ponomarev³

Historical background, content and implementation experience of the city management institute in the USA

¹) Southern Federal University

160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia

avdyatlov@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0001-5914-4744

²) Southern Federal University

160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia

avdyatlov@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0001-5914-4744

³) Southern Federal University

160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia

avdyatlov@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0001-5914-4744

Received October 09, 2019; accepted March 06, 2020;

published March 30, 2020

Abstract. The article presents the results of a study of the historical prerequisites for the emergence of the city management institute, as one of the forms of municipal management, and analyzes the content and experience of implementing managerial practices specific to this system abroad, in particular in the USA. The authors analyze the results of various sociological studies devoted to the comparison of the effectiveness of city management and the traditional system of municipal government and consider the prospects of the implementation of this form of municipal administration in Russian municipalities. Emphasis is placed on the fact that for the effective operation of this system, the Russian social reality must meet the requirements that determine the productive work of city management as an institution.

These requirements are derived from a retrospective analysis of American management practices. The authors come to a conclusion that the city management institute can work effectively only in those countries that meet the fundamental requirements for its work: inviolability of private property, clear rules for state intervention in the life of citizens, as well as a high degree of civic participation of residents in the life of their city. It is alleged that the non-compliance of Russian municipalities with the above requirements will have a negative impact on the work of the city management institute.

Keywords: city management; municipal government; sociocultural foundations; administrative and political foundations; values; municipal authority; city council; city manager

Information for citation: Dyatlov, A. V., Kovalev, V. V., Ponamarev, A. B. (2020), "Historical background, content and implementation experience of the city management institute in the USA", *Research Result. Sociology and management*, 6 (1), 80-90. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-7

Введение (Introduction). Трансформация городской среды в многомерное и сложное социальное пространство, состоявшаяся в начале XX века, поставило перед институтом муниципального управления задачу по оптимизации работы и повышению эффективности управленческих решений, которая, в свою очередь, привела к появлению советно-управленческой системы муниципального управления, также известную как сити-менеджмент. Эта система, зародившаяся в США, распространилась на многие западноевропейские страны. В настоящий момент проходит процесс её адаптации и под реалии Российской Федерации. В связи с тем, что имплементация любых зарубежных управленческих систем и подходов несёт за собой множество рисков и препятствий, (Шаповалова, 2015: 93-100) появляется необходимость рассмотреть систему сити-менеджмента в контексте муниципальных практик, характерных для страны её зарождения. Далее, проанализировав её сущностные характеристики в историческом и социальном контексте, мы оценим то, насколько эффективно система сити-менеджмента может быть реализована в России, где имеет место трансформация модели муниципального управления (Неустроев, 2015: 28-31). В рамках этой

работы мы рассмотрим исторические предпосылки создания института сити-менеджмента, и через призму стоящих перед ним задач оценим возможность применения западного опыта советно-управленческой системы в Российской Федерации.

Методология и методы (Methodology and Methods). Исследование опирается на общенаучные принципы историзма, сравнительно-исторический анализ, а также компаративистский анализ. Текст статьи написан на основе непереуведенных источников, что позволяет ввести в научный оборот значимую информацию, недостающую для проведения полноценных сопоставлений между практикой сити-менеджмента в США, где впервые была апробирована данная модель, и трансформационными процессами, проходящими в системе российского муниципального управления. Эмпирическая база состоит из результатов исследований американских социологов, посвященных сравнению эффективности института сити-менеджмента и традиционной формы муниципального управления, под которой мы понимаем такую модель, где главой муниципального управления выступает избранный на муниципальных выборах мэр. Нами использована база данных, представленная в об-

зорной статье сотрудника Иллинойского университета в Чикаго Джареда Карра, посвященной сравнению советно-управленческой и мэрко-управленческой систем. Он провел анализ более 100 эмпирических исследований, посвященных проблеме эффективности сити-менеджеров и мэров как глав муниципального управления. Наиболее интересные данные мы приводим в данной статье (Carr, 2015: 673-689).

Исторически первым городом, в который была внедрена система управления, заменившая избираемого мэра назначаемым городским советом контрактным управленцем, был город Стаунтон, находящийся в штате Виргиния, США (Mathewson, 1959, 183-185). В дальнейшем институт сити-менеджмента получил наибольшее развитие именно в малых городах. Для более глубокого понимания этого процесса стоит проанализировать ту ситуацию, в которой находились городские управленцы в начале XX века.

Первой и наиболее важной проблемой, которую необходимо было решить, была политическая ангажированность избираемых мэров городов, которые для своих предвыборных кампаний, а также последующих городских реформ и инвестиций привлекали представителей политической и экономической элиты, получавших, после избрания поддерживаемого ими главы города, так называемую «добычу» (на английском языке – «spoils system») (Friedrich, 1937: 10-16). Характеризовалась эта система тем, что мэр, будучи избранным при поддержке инвестировавших в него различные виды капитала представителей городской политической и экономической элиты, по предварительным договоренностям проводил реформу аппарата муниципального управления и назначал на различные должности людей, о которых он заранее договорился со своими покровителями. Таким образом, в системе всенародных городских выборов главы города основными бенефициарами являлись представители политической

элиты, а это, в свою очередь, привело к тому, что члены городских советов – основных представительных органов, осуществляющих управление городом, оказались поставленными перед проблемой деполитизации института муниципального управления. Следуя прогрессивным тенденциям, имевшим широкое распространение в городском управлении того времени, они стали на определенный срок нанимать управленца «со стороны», не аффилированного с политическими силами и являющегося профессионалом в своей области, пришедшего из бизнеса или различных социальных служб (Vanderleuw, Sides, Williams, 2015: 453-483).

Второй важной проблемой, стоявшей перед сити-менеджментом, была необходимость решения конкретных и локализованных проблем, характерных для каждого города, в котором система внедрялась. Например, в городе, испытывающем проблемы с транспортом, нанимали городского управляющего, который являлся специалистом по транспортным системам, пришедшего из транспортных компаний или из сферы транспортной логистики (Zhang, Feiock, 2010: 461-476).

Иными словами, городской совет анализировал основные муниципальные проблемы на конкретный срок, который разнился в каждом штате, нанимая специалиста, способного сосредоточить своё внимание на определенном виде деятельности, оговоренном в его контракте.

Третьей проблемой, которая была поставлена перед сити-менеджерами, была межмуниципальная конкуренция за инвестиции. Муниципальный бюджет городов США начала XX века редко получал какую-либо ощутимую финансовую помощь от государственной власти, что, в свою очередь, привело к необходимости городов конкурировать друг с другом за привлечение представителей бизнеса, их инвестиций и создание рабочих мест для своих граждан (Coate, Knight, 2011: 82-112). Подобная атмосфера межгородской конкуренции отчасти тоже привела к тому, что

сити-менеджеры, как эффективные управленцы, обладающие собственным социальным капиталом, должны были привлекать представителей бизнеса в города, которыми они управляли, и тем самым повышать благосостояние граждан города и создавать выгодные и удобные условия для развития бизнес инициатив представителей экономических элит.

Проанализировав проблемы, которые стояли перед сити-менеджментом на момент его появления, предлагаем перейти к рассмотрению отличия механизма работы сити-менеджмента, известного в американском научном дискурсе как советно-управленческая система, противопоставляемой традиционной мэрко-управленческой системе. Сначала следует сравнить полномочия глав муниципального управления обеих систем, их функциональные обязанности и позицию в иерархии городского управления.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Мэрско-управленческая форма муниципального управления является традиционной для множества городов и культур. Её основной характеристикой следует назвать сосредоточение наивысших полномочий в городском управлении в руках избираемого населением мэра города. При том, что эта система выступает исторически проверенной, именно против её пороков была разработана советно-управленческая система. Как упоминалось выше, сосредоточение власти в руках одного главы города способно привести к тому, что мэр может быть больше заинтересован в собственной карьере и переизбрании на следующий срок, чем в решении реальных проблем и принятии непопулярных решений. Зависимость мэра от общественного мнения и высокая подотчётность населению города может повысить эффективность муниципального управления, если избранный руководитель является харизматичной и сильной личностью с высокой управленческой культурой и чувством долга перед населением (Flint, Raso, 2012). Однако в

случае, если при помощи политических манипуляций общественным мнением или при использовании других «серых» схем к власти придет популист, за которым стоят заинтересованные в собственной выгоде покровители, может появиться вероятность того, что управленческий потенциал муниципальной власти будет значительно снижен (Hayes, Chang, 1990: 167-177). Институт сити-менеджмента доминировал в малых городах США, в которых появление сити-менеджеров де факто стало способом противостоять порокам этой формы муниципального управления.

Сити-менеджер занимает двойственную позицию по отношению к городскому совету. С одной стороны, именно городской совет формирует экспертную комиссию, отвечающую за найм городского управляющего и оценку перспективности предложенного им плана развития города, а с другой, после того как управленец вступил в должность, городской совет должен сосредоточиться на реализации разработанного сити-менеджером плана и всячески способствовать реализации его управленческих решений. Городской управляющий также может проводить кадровые перестановки и нанимать на должности важных для его стратегического плана специалистов, однако делать это он может лишь после одобрения городским советом. В свою очередь, если городской совет и его члены хотят выступить с какой-либо инициативой, она должна быть одобрена сити-менеджером. Мэр, если в конкретном городе и штате проходят его выборы, при условии работы муниципальной власти в советно-управленческом режиме, занимает исключительно церемониальную и представительную должность, и концентрирует свое внимание не столько на решении технических вопросов городского управления, сколько на укреплении связей с городскими жителями и наведением мостов с другими городами, регионами, а также федеральным центром.

Советно-управленческая система, зародившаяся в начале XX века, показала

свою эффективность, и в течение 50 лет около 40% американских городов управлялись сити-менеджерами. Между тем, в американской науке сити-менеджмент изначально не получил однозначно положительной оценки. Дискуссии об эффективности городских управленцев начались с момента появления сити-менеджмента, как формы муниципального управления, и продолжаются по сей день. С одной стороны, эффективность решения конкретных городских проблем наёмным управленцем, который специализируется в определенной области, сложно отрицать, но, с другой стороны, оторванность сити-менеджера от населения города и отсутствие механизма его отчетности перед муниципальным сообществом может быть одним из аргументов, говорящих в пользу неэффективности сити-менеджмента как института (Бзегежева, 2016). Также критики советно-управленческой системы утверждают, что наёмный менеджер не будет задумываться о стратегических долгосрочных планах развития городской инфраструктуры, а это может привести к тому, что сити-менеджеры, которых будет нанимать городской совет, могут нивелировать достижения их предшественников и взаимодействовать с проблемными полями в городской среде по-своему, руководствуясь лишь своим опытом и управленческой культурой (Кандрина, 2011: 32-33).

Стоит отметить, что замена прямых выборов мэра наймом сити-менеджера, за который отвечает комиссия, сформированная из городского совета, приводит американских исследователей к вопросу демократичности подобной системы. Объясняется это тем, что, если рассмотреть сити-менеджмент под другим углом, то можно прийти к выводу о его способности лишить городское население властных ресурсов над процессами, происходящими в нем. Ведь если раньше все муниципальное сообщество участвовало в выборах и принимало решение о том, кто будет главой города, то теперь это решение за них принимает городской совет, и именно он

определяет наиболее значимые проблемы городской среды, не позволяя населению активно участвовать в процессе принятия решений.

Учитывая исторический контекст демократических практик США, можно сказать, что на момент появления советно-управленческой системы она не являлась недемократической, а напротив, стимулировала увеличение ответственности выборных представителей городского совета перед населением (Demir, Reddick, Sculley, Taylor, 2012: 526-538). Для того, чтобы лучше понять этот механизм, предлагаем рассмотреть его в деталях. Население голосует за конкурирующих между собой кандидатов в городской совет, каждый из которых имеет предвыборные обещания и соответствующую ему целевую аудиторию. Например, один кандидат может быть избран путем консолидации сил пенсионеров, а другой может опираться на поддержку населения, задействованного в сельском хозяйстве или промышленности. Таким образом, каждый член городского совета избирается населением, на поддержку которого он рассчитывает и от которой зависит его избрание на следующий срок. Так как в маленьких городах представители городского совета являются публичными персонами, известными почти каждому жителю, то их ответственность перед ними увеличивается, что в свою очередь, приводит нас к выводу о том, что в вышеописанных условиях городской совет нанимает именно того сити-менеджера, который, по их мнению, наиболее отвечает потребностям города и который сможет наиболее эффективно удовлетворить потребности населения, поддержавшего городской совет в его нынешнем составе (Dzur, 2018: 4-17).

Исходя из вышеописанного, можно сделать вывод о том, что в той социальной реальности, в которой институт сити-менеджмента зародился, он являлся демократичной и эффективной с управленческой точки зрения системой, призванной решить проблемы политизированности

мэрско-советной системы управления и повысить эффективность и профессионализм специалистов, работающих в сфере муниципального управления, путем приведения политически не аффилированного и концентрирующегося на эффективности специалиста из бизнеса или других социальных служб.

Хоть система сити-менеджмента не была лишена критики, её эффективность в малых городах США продемонстрировала перспективы советно-управленческой системы муниципального управления, а это привело к внедрению института сити-менеджмента во множество городов США и Западной Европы (Clark, 1968: 576-593).

Проанализировав историю возникновения советно-управленческой системы и рамки, в которых существует американский вариант сити-менеджмента, стоит рассмотреть к каким результатам привело распространение этой формы муниципального управления и каких результатов она смогла достигнуть.

Согласно эмпирическим исследованиям, в западной системе муниципального управления сити-менеджеры чаще и активнее занимаются социальной поддержкой бедных слоёв населения, что приводит к увеличению их социальной защиты. Это является примером того, как городской управляющий может принять «непопулярное» решение ради блага всего города и не задумываться о его политической подоплёке. В системе муниципального управления, в которой мэр является главой города, в большинстве случаев направить какие-либо городские ресурсы на помощь бедным слоям населениям очень сложно, особенно в южных Штатах. Объясняется это исторически тем, что зачастую американская ментальность идёт против благотворительности, выступая за создание условий, в которых бедные слои населения получают возможность изменять свое положение сами (Iceland, 2012). Однако если нуждающиеся живут в условиях, в которых у них отрезан путь к основным институтам в виде образования, медицины и

рынка труда, то надеяться на их самостоятельное улучшение своего благосостояния практически невозможно (Шаповалова, 2017: 73-81). Для разрыва этого замкнутого круга сити-менеджеры американских городов принимали решение о том, чтобы направить городские ресурсы на нормализацию жизни в неблагополучных районах, в то время как мэр, вероятнее всего, воздержался бы от такого шага, так как такой ход вызвал бы недовольство среднего класса, который, традиционно является основной частью электората избираемого главы города.

Исследования показывают, что в городах, во главе которых стоит сити-менеджер, благодаря оптимизации системы займов и кредитования улучшается социально-экономическое благосостояние слоев населения с низкими доходами, в то время как благосостояние среднего класса не претерпевает изменений, что позволяет сделать вывод о том, что сити-менеджеры могут более точно изменять социальную реальность городских пространств, основываясь на собственном профессиональном управленческом опыте, и не оглядываться на свои политические интересы.

Советно-управленческая система городов США также проявляла больше инициатив по выходу на диалог с городскими жителями. Объясняется это тем, что городскому управляющему необходимо поддерживать связь с гражданами города и понимать, что они хотят в нем изменить. По этой причине городские управляющие проводят различные встречи и обсуждения с гражданами чаще, чем мэры. Мэр, как это нередко бывает в политике, активизируется непосредственно перед выборами и начинает «жать людям руки» перед переизбранием. В то время как городские управляющие заинтересованы в получении актуальной информации по состоянию города не только из аналитических служб, но и непосредственно при общении с населением.

Таким образом, можно сделать вывод, что хоть городской управляющей в

советно-управленческой системе и не избирается гражданами, его отчётность перед ними сохраняется и он профессионально заинтересован в том, чтобы выходить с горожанами на контакт и своевременно решать их проблемы.

Неудивительно, что институт сити-менеджмента в США смог успешно реализовать одну из своих основных задач – деполитизацию главы муниципального управления. Исследования показали, что городской управляющий проводит больше времени за непосредственным управлением и разработкой инициатив, чем мэр. Объясняется это тем, что сити-менеджер – профессиональный управленец, а мэр помимо управленца является еще и политиком, которому необходимо часто удаляться со своего места работы ради различных социальных интеракций с политическими партиями и, что самое важное, для исполнения своих символических функций. Сити-менеджер, таким образом, выгодно отличается от мэра тем, что нанимался именно для работы, а не для символических обязанностей, и поэтому время, которое он уделяет разработке различных инициатив, намного больше, чем у мэра.

Советно-управленческая система, как показывает американская практика, является менее конфликтной, чем мэрко-советная. У мэра, в отличие от городского управляющего, имеется своеобразный функциональный антагонизм с городским советом, который объясняется исторически описанной выше «системой добычи». Городской совет пытается продвинуть свои интересы и развивать город в направлении, где его видят представители совета и их избиратели, а мэр, в свою очередь, как субъект политики, может иметь своё видение города. Подобная ситуация приводит к управленческим конфликтам, которые, в свою очередь, снижают эффективность муниципального управления, так как инициативы, выдвигаемые мэром, будут блокироваться городским советом и наоборот. В городах, в которых главой администрации является сити-менеджер, такая ситуа-

ция маловероятна, поскольку именно городской совет нанял управляющего и их интересы и взгляды в большинстве случаев должны совпадать.

Городские управляющие, в отличие от мэров, намного более восприимчивы к инновациям. Поэтому именно в городах, которыми управляют сити-менеджеры, наблюдаются больше инновационных технологий и связей с другими городами. Объясняется это тем, что мэр, отвечающий перед своими избирателями и надеющийся на их поддержку, всегда с осторожностью подходит к преобразованиям, так как они сопряжены с рисками (Frug, Baron, 2008). А сити-менеджер, обладающий профессиональным складом ума, умеет правильно оценивать риски и понимать, когда эти риски могут быть оправданы, когда внедрение каких-либо инноваций может привести к благополучию города в долгосрочной перспективе. Под инновациями, в данном случае, мы подразумеваем не только использование высоких технологий, роботизацию и кибернетизацию, а в целом неконвенциональные, креативные и неочевидные решения, принимаемые городским управленцем. В связи со сказанным можно сделать вывод о том, что в американском муниципальном управлении сити-менеджер, несмотря на то, что срок его управления ограничен, может думать о стратегическом развитии города. Так как городская среда усложняется с каждым годом, становится все более многослойной и противоречивой, необходимость инновационных и креативных подходов к городскому управлению становится всё более актуальной. А в этом, согласно эмпирическим исследованиям в США, сити-менеджмент превосходит традиционную мэрко-советную систему управления (Power, 2007).

В итоге анализа эффективности советно-управленческой системы можно сказать, что сити-менеджмент, решив задачу деполитизации муниципального управления, смог повысить её эффективность. Принятие решений, согласованных с го-

родским советом, и возможность заниматься вопросами, о которых рядовой избиратель не думает, восприимчивость к инновационным решениям и возможность в неконфликтной и эффективной рабочей среде взаимодействовать с городскими депутатами, помогает советно-управленческой системе показывать лучшие результаты по сравнению с мэрко-советной системой управления.

Заключение (Conclusions). Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что сити-менеджмент как система муниципального управления возникла в США и была создана для решения конкретных исторически обоснованных задач, стоящих перед муниципальным управлением того времени. Популярность этого института обусловил неолиберальный подход к экономическому развитию и стремление к рационализации всех сфер социально-экономической жизни городских жителей. Можно сказать, что институт сити-менеджмента в том виде, в котором он зародился на североамериканском континенте возник на волне рационализации и стремления к повышению эффективности и профессионализма множества общественных служащих, которая, в свою очередь, объяснима прогрессивным движением, имевшим широкое распространение в США начала XX века. Интенсификация процессов глобализации, которая характеризовалась импортом множества американских подходов к управлению в другие страны, привела к тому, что европейские муниципальные управленцы решили имплементировать эту систему, значительно её изменив, но оставив основную цель – повышение профессионализма кадров муниципального управления, которые должны быстро адаптироваться под быстро меняющиеся тенденции мировой экономики и технологического прогресса (Bacilija, 2011: 137-146).

Из вышеописанного можно сделать вывод об условиях, которые необходимы для имплементации сити-менеджмента и его эффективной работы. Прежде всего,

это наличие гражданского общества, характеризующееся высокой степенью вовлечения населения в социально-полезную деятельность, а также правовое и политическое самосознание населения, активно участвующего в общественной и политической жизни и понимающего, что оно хочет получить через институт депутатов городских советов. Также необходимо наличие активных и поддерживаемых населением и властью общественных организаций с высокой гражданской активностью, которые могут, основываясь на принципах диалога, сотрудничать с представителями муниципальной власти и указывать на проблемы поля в городском управлении. Иными словами, сити-менеджмент как система управления городским пространством характерна для западных демократических правовых государств, которые характеризуются неприкосновенностью частной собственности, строгим регламентированием вмешательства государства в жизнь населения, а также высокой степенью гражданского вовлечения жителей городских пространств в общественную и политическую жизнь. Из этого можно сделать вывод о том, что, если в городе, в который планируется внедрить систему сити-менеджмента, не выполнены одни из вышеописанных условий, велика вероятность снижения эффективности муниципального управления, отстранение жителей города от активного участия в решении городских проблем и несовпадении подходов эффективных управленцев и государственных служащих, что, конечно же, может еще сильнее ухудшить процессы муниципального управления. В современных российских городах, население которых характеризуется высокой степенью политического абсентеизма, апатичным отношением к общественной жизни и недоверием к органам государственной и муниципальной власти будет чрезвычайно сложно реализовать сити-менеджмент в том виде, как он сложился в настоящий момент в США. Из этого следует, что если вышеописанные барьеры будут актуализироваться и пре-

пятствовать эффективной работе сити-менеджмента как института, то высока вероятность его трансформации в имитационный управленческий механизм, призванный решать исключительно политические вопросы через согласование своих действий с вышестоящими органами власти. В таких условиях сити-менеджер будет отвечать не столько за развитие городского пространства, сколько за эффективное и согласованное с федеральным центром использование дотационных средств. Подобная система может иметь свои преимущества, но в таком случае интеллектуально обоснованным станет утверждение, что это будет не институт сити-менеджмента, а совершенно другая форма муниципального управления, имеющая с ним лишь внешнее сходство.

Список литературы

Бзежежева Л. К. Проблема назначения главы администрации на контрактной основе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 1. С. 85-90.

Кандрина Н. А. Модели организации муниципального управления: глава муниципального образования и сити-менеджер // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2011. № 3. С. 32-33.

Неустроев А. Н. Институт «сити-менеджера» в РФ: за и против // European Science. 2015. № 5(6). С. 28-31.

Шаповалова И. С. Показатели социального самочувствия населения города // Управление городом: теория и практика. 2017. № 2(25). С. 73-81.

Шаповалова И. С. Понятие субсредовых локусов среды обитания человека // Научный результат. Серия: Социология и управление, 2015. Т. 1, № 3(5). С. 93-100.

Baclija I. Urban management in a European context // Urban Izziv. 2011. 22(2). P. 137-146.

Carr B. J. What have we learned about the performance of council-manager government? A review and synthesis of the research // Public administration review. 2015. 75(5). P. 673-689.

Clark T. Community structure, decision-making, budget expenditures, and urban renewal in 51 American communities // American sociological review. 1968. 33(4). P. 576-593.

Coate S., Knight B. Government Form and Public Spending: Theory and Evidence from US Municipalities // American Economic Journal: Economic Policy. 2011. 3(3). P. 82-112.

Demir T., Reddick C. G., Sculley S., Taylor I. R. Understanding shared roles in Policy and Administration: An Empirical Study of council-manager relations [with commentary] // Public Administration review. 2012. 72 (4). P. 526-538.

Dzur A. W. Democratic innovation in public administration // National civic review. 2018. 107 (3). P. 4-17.

Flint J., Raco M. The future of sustainable cities: critical reflections. Bristol: Policy Press, 2012.

Friedrich C. J. The Rise and Decline of the Spoils Tradition // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1937. 189, Improved Personnel in Government Service. P. 10-16.

Frug G. E., Barron D. J. City bound: how states stifle urban innovation. New York: Cornell University press, 2008.

Hayes K., Chang S. The relative efficiency of city manager and mayor-council forms of government // Southern economic journal. 1990. 57(1). P. 167-177.

Iceland J. Poverty in America: A handbook. California: University of California press, 2012.

Mathewson K. Democracy in Council-Manager Government // Public Administration Review. 1959. 19(3). P. 183-185.

Power A., Houghton J. Jigsaw cities: Big places, small spaces. Bristol: Policy press, 2007.

Vanderleuw J., Sides J., Williams B. An advanced degree in public administration – is it valued by city councils? // Public Administration Quarterly, 2015. 39(3). P. 453-483.

Zhang Y., Feiock R. C. City Managers' Policy Leadership in Council-Manager Cities // Journal of Public Administration Research and Theory: J-PART. 2010. 20(2). P. 461-476.

References

Bzegezheva, L. (2016), "A problem of appointing the head of administration on the contract basis", *Vestnik maykopskogo gosudarstvennogo technologicheskogo universiteta*, (1), 85-90. (In Russian).

Kandrina, N. (2011), "Models of organization of municipal management: municipal head, and city manager", *Vestnik altayskoy akademii economici i prava*, (3), 32-33. (In Russian).

Neustroev, A. (2015), "Institute of a "City Manager" in Russia: pros and cons", *European Science*, 5(6), 28-31. (In Russian).

Shapovalova, I. (2017), "Indicators of social well-being of the population of the city", *Upravlenie gorodom: teoriya i practica*, (2), 73-81. (In Russian).

Shapovalova, I. (2015), "The concept of sub-environment loci of human habitat", *Research Result. Sociology and Management*, 1(3), 93-100. (In Russian).

Baclija, I. (2011), "Urban management in a European context", *Urban Izziv*, 22(2), 137-146.

Carr, B. J. (2015), "What have we learned about the performance of council-manager government? A review and synthesis of the research", *Public administration review*, 75(5), 673-689.

Clark, T. (1968), "Community structure, decision-making, budget expenditures, and urban renewal in 51 American communities", *American sociological review*, 33(4), 576-593.

Coate, S. and Knight, B. (2011), "Government Form and Public Spending: Theory and Evidence from US Municipalities", *American Economic Journal: Economic Policy*, 3(3), 82-112.

Demir, T., Reddick, C. G., Sculley, S. and Taylor, I. R. (2012), "Understanding shared roles in Policy and Administration: An Empirical Study of council-manager relations [with commentary]", *Public Administration review*, 72(4), 526-538.

Dzur, A. W. (2018), "Democratic innovation in public administration", *National civic review*, 107 (3), 4-17.

Flint, J. and Raco, M. (2012), *The future of sustainable cities: critical reflections*, Policy Press, Bristol.

Friedrich, C. J. (1937), "The Rise and Decline of the Spoils Tradition", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 189, Improved Personnel in Government Service, 10-16.

Frug, G. E. and Barron D. J. (2008), *City bound: how states stifle urban innovation*, Cornell University press, New York.

Hayes, K. and Chang, S. (1990), "The relative efficiency of city manager and mayor-council forms of government", *Southern economic journal*, 57(1), 167-177.

Iceland, J. (2012), *Poverty in America: A handbook*, University of California press, California.

Mathewson, K. (1959), "Democracy in Council-Manager Government", *Public Administration Review*, 19(3), 183-185.

Power, A. and Houghton, J. (2007), *Jigsaw cities: Big places, small spaces*, Policy press, Bristol.

Vanderleuw, J., Sides, J. and Williams, B. (2015), "An advanced degree in public administration – is it valued by city councils?", *Public Administration Quarterly*, 39(3), 453-483.

Zhang, Y. and Feiock, R. C. (2010), "City Managers' Policy Leadership in Council-Manager Cities", *Journal of Public Administration Research and Theory: J-PART*, 20(2), 461-476.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Южного Федерального университета.

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической социологии и методологии регионального исследования Южного Федерального университета.

Пономарев Александр Борисович, аспирант кафедры теоретической социологии и методологии регионального исследования Южного Федерального университета.

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management, Southern Federal University.

Vitaly v. Kovalev, Doctor of Sociology, Associate Professor, Department of Theoretical Sociology and Regional Research Methodology, Southern Federal University

Alexander B. Ponomarev, Postgraduate Student, Department of Theoretical Sociology and Regional Research Methodology, Southern Federal University.

УДК 316.42

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-8

Пиньковецкая Ю. С. | **Возрастная дифференциация начинающих предпринимателей:
международный компаративный анализ**

Ульяновский государственный университет
ул. Льва Толстого, 42, г. Ульяновск, 432017, Россия
judy54@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-8224-9031

*Статья поступила 24 октября 2019 г.; принята 1 марта 2020 г.;
опубликована 30 марта 2020 г.*

Аннотация. *Введение.* В последние годы малые предприятия и индивидуальные предприниматели играют важную роль в абсолютном большинстве современных национальных экономик. Необходимость развития предпринимательства выдвигает в число актуальных проблему исследования возрастных особенностей начинающих предпринимателей. *Материалы и методы.* Целью исследования является оценка показателей, описывающих удельные веса ранних предпринимателей, относящихся к пяти возрастным группам в общей численности населения соответствующих возрастных групп по разным странам. Определение закономерностей и тенденций, характеризующих распределение начинающих предпринимателей в разных странах по возрастным категориям, проводилась с использованием математических моделей, представляющих собой функции плотности нормального распределения. В качестве исходных данных использовались результаты опросов, проведенных в процессе Глобального мониторинга предпринимательства за 2018 год по 48 странам и за 2017 год по 54 странам. *Результаты.* В процессе исследований были определены сложившиеся средние значения уровней ранней предпринимательской активности и интервалы изменения этих показателей по большинству стран. Исследование показало, что наибольшая доля ранних предпринимателей в общей численности населения, характерна для людей в возрасте от 25 до 44 лет. Существенно ниже доля начинающих предпринимателей, относящихся к группе от 55 до 64 лет. Доказано отсутствие структурных сдвигов в средних значениях удельных весов ранних предпринимателей в общей численности взрослого населения за период с 2017 по 2018 год. Исследование позволило определить страны, для которых характерны высокие и низкие значения показателей ранней предпринимательской активности по указанным возрастным группам. Доказана дифференциация уровней предпринимательской активности по странам. Показано существенное отличие распределения рассматриваемых показателей по российским данным и от средних значений по другим странам. *Обсуждение и выводы.* Проведенное исследование вносит вклад в понимание сложившихся к настоящему времени закономерностей и тенденций ранней предпринимательской активности по различным возрастным категориям. Полученные результаты, могут быть использованы органами государственного управления для разработки политики развития предпринимательства исходя из сложившейся в России, и ее отдельных регионах, воз-

растной структуры населения. Полученные новые знания могут быть использованы в высших и средних учебных учреждениях, а также при повышении квалификации работников, которые имеют отношение к регулированию предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство; предпринимательская активность; возрастные категории; страны; начинающие предприниматели; глобальный мониторинг предпринимательства.

Информация для цитирования: Пиньковецкая Ю. С. Возрастная дифференциация начинающих предпринимателей: международный компаративный анализ // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, N 1. С. 91-105. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-8

Iuliia S. Pinkovetskaia

The current distribution of the age starting business entrepreneurs

Ulyanovsk State University
42, L. Tolstoy St., Ulyanovsk, 432017, Russia
judy54@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-8224-9031

*Received October 24, 2019; accepted March 01, 2020;
published March 30, 2020*

Abstract. *Introduction.* In recent years, small businesses and individual entrepreneurs have played an important role in the vast majority of modern national economies. The need to develop entrepreneurship places the problem of studying age-related characteristics of new entrepreneurs on the agenda of urgent issues. *Materials and methods.* The study aims to evaluate indicators describing the cross sections of new entrepreneurs belonging to five age groups in the total population of the corresponding age groups in different countries. The determination of patterns and trends characterizing the distribution of startup entrepreneurs in different countries by age categories was carried out using mathematical models, which are functions of the density of the normal distribution. As the initial data, we used the results of surveys conducted in the process of the Global Entrepreneurship Monitoring for 2018 in 48 countries and for 2017 in 54 countries. *Results.* In the process of research, the prevailing average values of the levels of early entrepreneurial activity and the intervals of changes in these indicators for most countries were determined. The study showed that the largest share of new entrepreneurs in the total population belongs to the group of 25-44-year-old people. The proportion of startup entrepreneurs belonging to the group of 55-64-year-old people is significantly lower. The absence of structural changes in the average cross sections of new entrepreneurs in the total adult population for the period from 2017 to 2018 is proved. The study made it possible to identify the countries characterized by high and low values of indicators of early entrepreneurial activity in these age groups. The differentiation of levels of entrepreneurial activity by country is proved. A significant difference is shown in the distribution of the considered indicators according to Russian data and from the average values for other countries. *Discussion and conclusions.* The study

contributes to an understanding of the patterns and trends of early entrepreneurial activity in various age categories. The results obtained can be used by government bodies to develop entrepreneurship development policies based on the age structure of the population in Russia and its regions. The obtained knowledge can be used in higher and secondary educational institutions, as well as in the advanced training of employees who are involved in the regulation of entrepreneurship.

Keywords: entrepreneurship; entrepreneurial activity; age categories; countries; new entrepreneurs; global entrepreneurship monitoring

Information for citation: Pinkovetskaia, I. S. (2020), "The current distribution of the age starting business entrepreneurs", *Research Result. Sociology and management*, 6 (1), 91-105. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-8

Введение (Introduction). Проблемы развития предпринимательства начали привлекать особое внимание в конце двадцатого и начале двадцать первого веков. Как показали исследования, итоги которых описаны в статьях (Cherupenko, 2017; Decker и др., 2014), именно предпринимательский сектор является главным катализатором развития экономики большинства стран и способствует повышению эффективности производства разнообразных товаров и услуг. При этом наибольший вклад в создание новых рабочих мест происходит от молодых и растущих предприятий (Litan, Schramm, 2012). Как утверждают (Wiklund, Shepherd, 2003; Zahra, 1991), предпринимательство стало важным фактором для получения устойчивых конкурентных преимуществ в современной сложной глобальной экономике. Особенно это касается предприятий, работающих в отраслях, с быстро меняющейся конъюнктурой. Предпринимательский сектор экономики способен эффективно реагировать на возникающие проблемы, в том числе во время экономических кризисов, порождающих высокий уровень нестабильности рынков (Grewal, Tansuhaj, 2001). По сравнению с более крупными компаниями, предприниматели могут гибко и быстро подстраиваться под изменения окружающей среды (Lopez, Niebl, 2015). Работа (Acs, Naudé, 2012) обращает внимание на следующий феномен: если раньше экономическая политика предусматривала на создание и крупных концернов, в том чис-

ле при государственном участии, то настоящее время больше внимания уделяется партнерству между средними и малыми предпринимателями и государством.

Таким образом, имеется настоятельную потребность в ускоренном росте предпринимательского сектора большинства стран, особенно развивающихся. Этот рост требует понимания факторов, влияющих на деятельность предпринимателей и особенно на стимулирование появления новых предпринимателей в национальных экономиках. Поэтому среди насущных вопросов развития современного предпринимательства выступает определение резервов роста предпринимательского сектора в стране. Для определения потенциальных возможностей увеличения количества предпринимателей актуальной представляется проблема возрастной структуры основателей новых бизнесов, которая рассматривается в настоящей статье. Целью исследования является оценка показателей, описывающих удельные веса ранних предпринимателей, относящихся к различным возрастным категориям в общей численности населения соответствующих возрастных категорий по разным странам.

Большое значение в изучении современного предпринимательства имеют проводимые в течение 20 последних лет социально-экономические исследования по проекту Глобальный мониторинг предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor), включающие широкий круг показателей, описывающих деятельность

людей, являющихся создателями собственных предприятий или индивидуальными предпринимателями во многих странах, в том числе данные о возрасте ранних (начинающих) предпринимателей. Такими предпринимателями являются взрослые люди (18-64 лет), находящиеся в момент проведения социологического опроса в процессе открытия своего бизнеса или владеющие бизнесом менее 3,5 лет. Для оценки уровня ранней предпринимательской активности используется ее показатель, характеризующий удельный вес ранних предпринимателей в численности взрослого населения.

Методология и методы (Methodology and methods). За последнее десятилетие был проведен ряд исследований, связанных с изучением возрастных особенностей начинающих предпринимателей. Наибольший интерес среди них представляют следующие публикации.

Как показано рядом эмпирических исследований (Bates, 1995; Welter, Rosenblatt, 1998), существуют две противоположные тенденции влияния возраста на раннюю предпринимательскую активность. С одной стороны, с возрастом возрастают квалификация, профессиональный опыт, уверенность в себе, а также наличие необходимых финансовых ресурсов, что повышает вероятность создания человеком собственного бизнеса. С другой стороны, привычка работать по найму, семейные проблемы, снижение горизонта планирования на оставшуюся часть трудовой жизни отрицательно влияют на желание стать начинающим предпринимателем. Указанные тенденции приводят к тому, что сначала ранняя предпринимательская активность увеличивается с возрастом, достигает своего пика примерно в возрасте 35-45 лет, а затем резко падает к концу трудовой жизни. Аналогичные тенденции обнаружили и авторы работы (Azoulay и др., 2018). Они обращают внимание на то, что в молодом возрасте люди менее заняты на семейные или другие обязанности и более открыты

для инноваций и бизнеса, лучше чувствуют открывающиеся возможности для самореализации. Однако с возрастом объективные предпосылки для начала своего бизнеса существенно увеличиваются, поскольку у человека накапливаются многие ресурсы, необходимые для этого. Речь идет о предпринимательском капитале (знания и компетенции), финансовом капитале и социальном капитале (репутация, горизонтальные связи и социальный статус). Все это может способствовать не только созданию новой фирмы, но и ее успешной деятельности предприятия. Увеличение предпринимательской активности, по мнению указанных авторов, продолжается 50 лет, а затем эта активность снижается. В целом, два противоположных тенденции обуславливают обратную U-образную связь между возрастом и предпринимательской активностью. О наличии такой связи писали еще более десяти лет тому (Верховская, 2009; Bergmann, Sternberg, 2007; Vosma и др., 2008), которые указывали, что первоначально ранняя предпринимательская активность увеличивается с возрастом, достигает своего насыщения, а затем снижается при приближении к пенсионному возрасту.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что люди проявляют свои намерения по созданию собственных предприятий в возрасте (25-44 года). Такой вывод сделан, например, в отчете (Reynolds и др., 2002). Авторы исследования (Raposo и др., 2008) заявили, что для взрослого населения в возрасте до 24 лет показатели ранней предпринимательской активности относительно низки. Они утверждали, что предприниматели получают больше возможностей с увеличением их возраста, но их готовность стать предпринимателем уменьшается после 44 лет. Интересно отметить, что аналогичные выводы сделаны в исследованиях на основании информации, описывающей предпринимательство в развивающихся странах. Так, в Казахстане, в соответствии

с исследованием (Шайхутдинова, 2018) преобладают хорошо подготовленные, обладающие достаточным уровнем профессиональных компетенций, социальными связями начинающие предприниматели. Это представители среднего возраста 35-44 лет, немногим меньше доля предпринимателей из возрастной категории 45-54 лет. В Турции и развивающихся странах, по мнению авторов статьи (Karadeniz, Ozfam, 2009) пик раннего предпринимательства приходится на возрастную группу от 25 до 34 лет. В возрасте от 18 до 24 лет люди начинают свой бизнес намного реже.

В экономически развитых странах, как указано в монографии (Parker, 2018), общий консенсус результатов исследований заключается в создании собственных фирм людьми, находящимися в середине карьеры, то есть между 35 и 44 годами. После 50 лет количество ранних предпринимателей уменьшается. При этом, в США предпринимательская активность в возрасте старше 50 лет сосредоточена в возрастной группе от 51 до 55 лет. То есть, более старые люди начинают предпринимательскую деятельность намного реже. Отметим, что похожие закономерности отмечены в Великобритании (Botham, Graves, 2009). В статье (Hipple, 2010), обращается внимание на такую закономерность, как преобладание самозанятости по сравнению с созданием фирм людьми старшего возраста (от пятидесяти и выше лет) в США.

Проведенные исследования (Bergmann, Sternberg, 2007; Reynolds и др., 2002) показали значительные различия в возрастных характеристиках ранней предпринимательской активности между разными странами и территориями.

В статье (Верховская, 2009) рассмотрены некоторые аспекты возрастной структуры ранних предпринимателей в России. При этом был сделан вывод о сохранении этой структуры в течение ряда лет. В работе (Абросимова, 2011) показано наличие взаимосвязи применения

инноваций и возраста предпринимателя. А именно, что на регулярной основе инновации чаще всего используют предприниматели в возрасте от 30 до 44 лет. В статье (Потехина, Чижов, 2016) по материалам исследования в регионах ЦФО России показано, что в связи с отсутствием необходимого количества вакансий на рынке труда для людей старшего возраста, наиболее активная часть таких людей становятся ранними предпринимателями. В работе (Смирнова, 2019) обращено внимание на предполагаемое значительное усиление притока ранних предпринимателей старших возрастных групп, в связи с увеличением пенсионного возраста в России после 2019 года.

Наша статья посвящена анализу сложившихся возрастных особенностей ранней предпринимательской активности в экономике современных стран. При этом используются данные опросов проводившихся в процессе реализации проекта Глобального мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor, 2018; Global Entrepreneurship Monitor, 2019). Сложившаяся методология этого проекта подразделяет ранних предпринимателей на пять возрастных групп (категорий):

- от 18 до 24 лет;
- от 25 до 34 лет;
- от 35 до 44 лет;
- от 45 до 54 лет;
- от 55 до 64 лет.

В процессе глобального мониторинга были собраны данные по широкому спектру показателей, в том числе о распределении значений ранней предпринимательской активности по 54 странам в 2017 году и 48 странам в 2018 году. Таким образом, выборка стран, рассмотренных в исследовании, составляет более четверти от общего числа независимых стран. 54 страны, данные по которым представлены в отчете за 2017 год, представляют пять географических регионов. Распределение стран по регионам следующее образом: Европа – 20 стран, Латинская Америка – 11 стран, Азия

и Океания – 17 стран, Африка – 4 страны, Северная Америка – 2 страны. В отчете за 2018 год информация приведена по 48 странам. Они распределены по регионам следующим образом: Европа – 20 стран, Латинская Америка – 9 стран, Азия и Океания – 12 стран, Африка – 5 стран, Северная Америка – 2 страны. Эти страны относятся к одной из трех основных групп по уровню доходов населения: высокие доходы – 30 стран, средние доходы – 11 стран, низкие доходы – 7 стран.

Проведенные ранее исследования, обзор которых приведен во втором разделе статьи позволил выдвинуть четыре гипотезы, которые тестировались в процессе исследования:

- гипотеза 1 – в настоящее время сложились существенные различия в значениях удельных весов ранних предпринимателей в общей численности взрослого населения по указанным выше пяти возрастным категориям;

- гипотеза 2 – ранняя предпринимательская активность характеризуется максимальными значениями в возрастных категориях от 25 до 34 лет и от 35 до 44 лет, а минимальными значениями в возрастной категории от 55 до 64 лет;

- гипотеза 3 – значения ранней предпринимательской активности населения имеют значительную дифференциацию по странам;

- гипотеза 4 – отсутствуют существенные временные сдвиги в средних значениях удельных весов ранних предпринимателей в общей численности взрослого населения по рассматриваемым странам.

По данным за 2017 год:

- от 18 до 24 лет

$$y_1(x_1) = \frac{175,5}{5,4 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 10,6)^2}{2 \times 5,4 \times 5,4}}; \quad (1)$$

- от 25 до 34 лет

Проверка гипотез 1, 2, 3 проводилась с использованием математических моделей, представляющих собой функции плотности нормального распределения. Разработка указанных функций, как показывают выполненные ранее работы автора, позволяют получить несмещенные характеристики изучаемых экономических процессов. Методология использования функций плотности нормального распределения для оценки удельных показателей приведена в статьях (Пиньковецкая, 2015; Пиньковецкая, 2018).

Четвертая гипотеза тестировалась с использованием индекса трансформации, предложенного В.М. Рябцевым (2001). Указанный индекс отражает отношение фактических расхождений значений компонентов сравниваемых структур и сумм этих значений. Он принадлежит к сводным показателям оценки структурных сдвигов.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Исследование, как уже отмечалось, включало построение математических моделей, описывающих распределение рассматриваемых показателей по странам. Модели основывались на информации, собранной в процессе обследований, проводившихся по проекту глобального мониторинга предпринимательства в 2017 и 2018 годах. В качестве моделей нами были использованы функции плотности нормального распределения. Такие функции (y), описывающие удельный вес предпринимателей, относящихся к каждой из указанных выше возрастных групп (x , %) в общей численности населения соответствующей возрастной группы, приведены далее.

$$y_2(x_2) = \frac{360,0}{8,2 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2-15,4)^2}{2 \times 8,2 \times 8,2}}; \quad (2)$$

- от 35 до 44 лет

$$y_3(x_3) = \frac{277,7}{7,0 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3-14,6)^2}{2 \times 7,0 \times 7,0}}; \quad (3)$$

- от 45 до 54 лет

$$y_4(x_4) = \frac{231,4}{6,2 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4-11,3)^2}{2 \times 6,2 \times 6,2}}; \quad (4)$$

- от 55 до 64 лет

$$y_5(x_5) = \frac{252,0}{4,9 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_5-7,7)^2}{2 \times 4,9 \times 4,9}}. \quad (5)$$

По данным за 2018 год:

- от 18 до 24 лет

$$y_6(x_6) = \frac{266,7}{7,7 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_6-11,8)^2}{2 \times 7,7 \times 7,7}}; \quad (6)$$

- от 25 до 34 лет

$$y_7(x_7) = \frac{312,0}{8,6 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_7-15,9)^2}{2 \times 8,6 \times 8,6}}; \quad (7)$$

- от 35 до 44 лет

$$y_8(x_8) = \frac{308,6}{8,2 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_8-4,17)^2}{2 \times 8,2 \times 8,2}}; \quad (8)$$

- от 45 до 54 лет

$$y_9(x_9) = \frac{202,7}{6,6 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_9-11,0)^2}{2 \times 6,6 \times 6,6}}; \quad (9)$$

- от 55 до 64 лет

$$y_{10}(x_{10}) = \frac{176,0}{5,1 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_{10}-7,6)^2}{2 \times 5,1 \times 5,1}}. \quad (10)$$

Качество разработанных моделей оценивалось с использованием трех тестов. Вычислительный эксперимент показал, что вычисленные величины статистик по тесту Колмогорова-Смирнова расположены в интервале от 0,064 до 0,102. Эти значения существенно меньше, чем табличная величина, составляющая 0,152 (уровень значимости 0,05). Расчетные значения по тесту Пирсона составляют от 0,166 до 4,720 меньше табличной величины (9,49). Вычисленные величины статистик по тесту Шапиро-Вилка превышают табличное значение 0,93 (уровень значимости 0,01). Эконометрический анализ по указанным 3

тестам показал высокое качество каждой из функций (1)-(10).

С использованием функций плотности нормального распределения (1)-(10) были получены характеристики, показывающие существенные пространственные закономерности сложившихся отраслевых предпочтений, характерных для ранних предпринимателей в экономиках разных стран в современных условиях. Основные показатели функций (1)-(9) приведены в таблице. Средние значения приведены в столбце 2, а в столбце 3 этой таблицы приведены интервалы изменения значений показателей по большинству (68%) стран.

Таблица
Table

Показатели, характеризующие возраст ранних предпринимателей, %
 Indicators characterizing the age of early entrepreneurs, %

Группы по возрасту	Среднее значение	Значения, характерные для большинства стран
2017 год		
от 18 до 24 лет	10,6	5,2-16,0
от 25 до 34 лет	15,4	7,2-23,6
от 35 до 44 лет	14,6	7,6-21,6
от 45 до 54 лет	11,3	5,1-17,5
от 55 до 64 лет	7,7	2,8-12,6
2018 год		
от 18 до 24 лет	11,8	4,1-19,5
от 25 до 34 лет	15,9	7,3-24,5
от 35 до 44 лет	14,0	5,8-22,2
от 45 до 54 лет	11,0	4,4-17,6
от 55 до 64 лет	7,6	2,5-12,7

Информация, указанная в столбце 2 таблицы 1, показывает, что среднее по странам значение удельного веса предпринимателей, которые начинали деятельность в возрасте от 18 до 25 лет составляло в 2018 году – 11,8%. Уровень указанного показателя больший, чем верхняя граница интервала, приведенного в столбце 3 таблицы, отмечался в таких странах, как Бразилия, Перу, Мадагаскар, Канада, Гватемала, Ангола. Значения этого показателя меньше, чем нижняя граница интервала имели место в Польше, Кипре, Швейца-

рии, Словении, Франции, Испании, Болгарии.

Средний по рассматриваемым странам удельный вес ранних предпринимателей в возрасте от 25 до 34 лет составлял 15,9%. Уровень указанного показателя больший верхней границы интервала, приведенного в столбце 3 таблицы 1, имел место в 2018 году в таких странах, как Перу, Колумбия, Ливан, Судан, Гватемала, Чили, Ангола. Низкие значения (менее 5,8%) отмечались в Греции, Италии, России, Швеции и Кипре.

Средний по 48 странам удельный вес ранних предпринимателей в возрасте от 35 до 44 лет составил 14%. Удельный вес выше верхней границы этого диапазона отмечался в таких странах, как Перу, Колумбия, Ливан, Судан, Гватемала, Чили, Ангола. Значения меньше нижней границы диапазона наблюдались в Греции, Кипре, Италии, России, Швеции.

Средняя величина доли предпринимателей в возрасте от 45 до 54 лет составила в 2018 году 11%. Высокий уровень этого показателя имел место в Перу, Колумбия, Ливан, Чили, Ангола. Значения меньше нижней границы диапазона были в Польше, Судане, России, Италии, Японии.

Средний по рассматриваемым странам удельный вес ранних предпринимателей в возрасте от 55 до 64 лет составлял 7,6%. Уровень указанного показателя больший верхней границы интервала, приведенного в столбце 3 таблицы 1, имел место в 2018 году в таких странах, как Гватемала, Таиланд, Судан, Ливан, Перу, Чили, Ангола. Низкие значения отмечались в России, Италии, Польше, Хорватии, Болгарии, Германии.

Оценка аналогичных показателей по данным за 2017 год приведена ниже.

Информация, указанная в столбце 2 таблицы 1, показывает, что среднее по странам значение удельного веса предпринимателей, которые начинали деятельность в возрасте от 18 до 25 лет составляло в 2017 году – 10,6%. Уровень указанного показателя больший, чем верхняя граница интервала, приведенного в столбце 3 таблицы, отмечался в таких странах, как Латвия, Колумбия, Бразилия, Перу, Вьетнам, Ливан, Гватемала, Эстония. Значения этого показателя меньше, чем нижняя граница интервала имели место в Швейцарии, Кипре, Ю. Корея, Болгарии, Германии, Польше, Японии, Италии.

Средний по рассматриваемым странам удельный вес ранних предпринимателей в возрасте от 25 до 34 лет составлял 15,4%. Уровень указанного показателя

больший верхней границы интервала, приведенного в столбце 3 таблицы 1, имел место в 2018 году в таких странах, как Малайзия, Перу, Чили, Ливан, Канада, Бразилия, Вьетнам, Эквадор. Низкие значения отмечались в Японии, Болгарии, Франции.

Средний по 54 странам удельный вес ранних предпринимателей в возрасте от 35 до 44 лет составил 14,6%. Удельный вес выше верхней границы этого диапазона отмечался в таких странах, как Перу, Колумбия, Ливан, Судан, Гватемала, Чили, Ангола. Значения меньше нижней границы диапазона наблюдались в Боснии и Герцеговине, Болгарии, Италии, Японии, Катаре, Алжире, Франции, Германии.

Средняя величина доли предпринимателей в возрасте от 45 до 54 лет составила в 2018 году 11,3%. Высокий уровень этого показателя имел место в Канаде, Колумбии, Мадагаскаре, Вьетнаме, Таиланде, Малайзии, Ливане, Чили. Значения меньше нижней границы диапазона были в Греции, Болгарии, Франции, Японии, Тайване, Германии, Словении.

Средний по рассматриваемым странам удельный вес ранних предпринимателей в возрасте от 55 до 64 лет составлял 7,7%. Уровень указанного показателя больший верхней границы интервала, приведенного в столбце 3 таблицы 1, имел место в 2018 году в таких странах, как Словакия, Гватемала, Ю. Корея, Вьетнам, Таиланд, Ливан, Перу, Чили. Низкие значения отмечались в Болгарии, Франции, Японии, Тайване, Германии, Словении.

Приведенная выше информация позволяет сделать вывод о том, выдвинутые ранее гипотезы 1 и 3 получили свое подтверждение.

Оценка наличия временных сдвигов, присущих значениям средних по всем странам удельных весов ранних предпринимателей по возрастным группам производилась на основе использования индекса Рябцева.

Расчетная формула для определения значения индекса приведена ниже:

$$I_r = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_i^{2018} - d_i^{2017})^2}{\sum_{i=1}^n (d_i^{2018} + d_i^{2017})^2}}, \quad (11)$$

где d_i^{2018} , d_i^{2017} – удельные веса

ранних предпринимателей в общей численности населения соответствующей возрастной группы по данным за 2018 год и 2017 год, %;

i – условный номер возрастной группы;

n – количество возрастных групп.

Оценка существенности различий показателей по данным за 2017 год и 2018 год показала тождественность этих индексов по принятой шкале (Рябцев, Чудилина, 2001). Рассчитанный индекс Рябцева составил 0,001, что меньше табличной величины 0,030. Таким образом, гипотеза 4 об отсутствии существенных структурных сдвигов в средних значениях удельных весов ранних предпринимателей в общей численности взрослого населения за период с 2017 по 2018 год по рассматриваемым странам получила свое подтверждение. То есть, что показатели, характеризующие удельные веса ранних предпринимателей отличаются по пяти возрастным группам, а также, что удельные веса ранних предпринимателей в общей численности населения по каждой из возрастных групп имеют существенную дифференциацию по странам.

Для анализа распределения удельных весов ранних предпринимателей в общей численности населения по указанным выше пяти возрастным группам была построены соответствующие диаграммы (рисунок). Они отражают средние значения удельных весов предпринимателей по возрастным группам за 2018 и 2017 годы. Анализ диаграмм показывает схожесть рассматриваемых показателей по годам. Наибольшие величины имеют место в возрастных группах охватывающих диапазон от 25 до 44 (значения от 14%

до 16%). При этом максимальный уровень активности нарождающихся предпринимателей отмечается в возрастной группе от 25 до 34 лет. Более низкие значения (от 10% до 12%) наблюдаются в группах 18-24 лет и 45-54 лет. Существенно более низкие значения характерны для максимальной возрастной группы (от 7% до 8%). Таким образом, анализ данных за 2017 и 2018 годы подтверждает сохранение в эти годы обратной U-образной зависимости между возрастом и предпринимательской активностью. О ней, как типичной для большинства стран в предыдущие годы указывалось в нашем обзоре ранее выполненных исследований. Отметим, что эта закономерность сохраняется уже более 10 лет.

На рисунке для сопоставления представлены также данные по России за 2018 год. Отметим, что 2017 году аналогичные данные по России отсутствуют. Сравнительный анализ показывает, что распределение удельных весов ранних предпринимателей в численности населения по возрастным группам в России существенно отличается от распределения средних значений по рассматриваемым странам. Во-первых, показатели по России во всех пяти возрастных группах существенно ниже, чем средние страновые значения, как в 2017 году, так и в 2018 году. Во-вторых, российские данные показывают отсутствие обратной U-образной зависимости между возрастом и предпринимательской активностью, характерной для большинства стран. Диаграммы по удельным весам ранних предпринимателей в России показывают наличие только одного максимума 9,7% (в группе предпринимателей в возрасте от 25 до 34 лет). В 1,4 раза ниже ранняя предпринимательская активность в группе от 18 до 24 лет (6,9%). Еще ниже этот показатель по предпринимателям среднего возраста – от 35 до 44 лет (5,6%). В следующих возрастных категориях наблюдается резкое снижение предпринимательской активности (соответственно 3,3% и 2%).

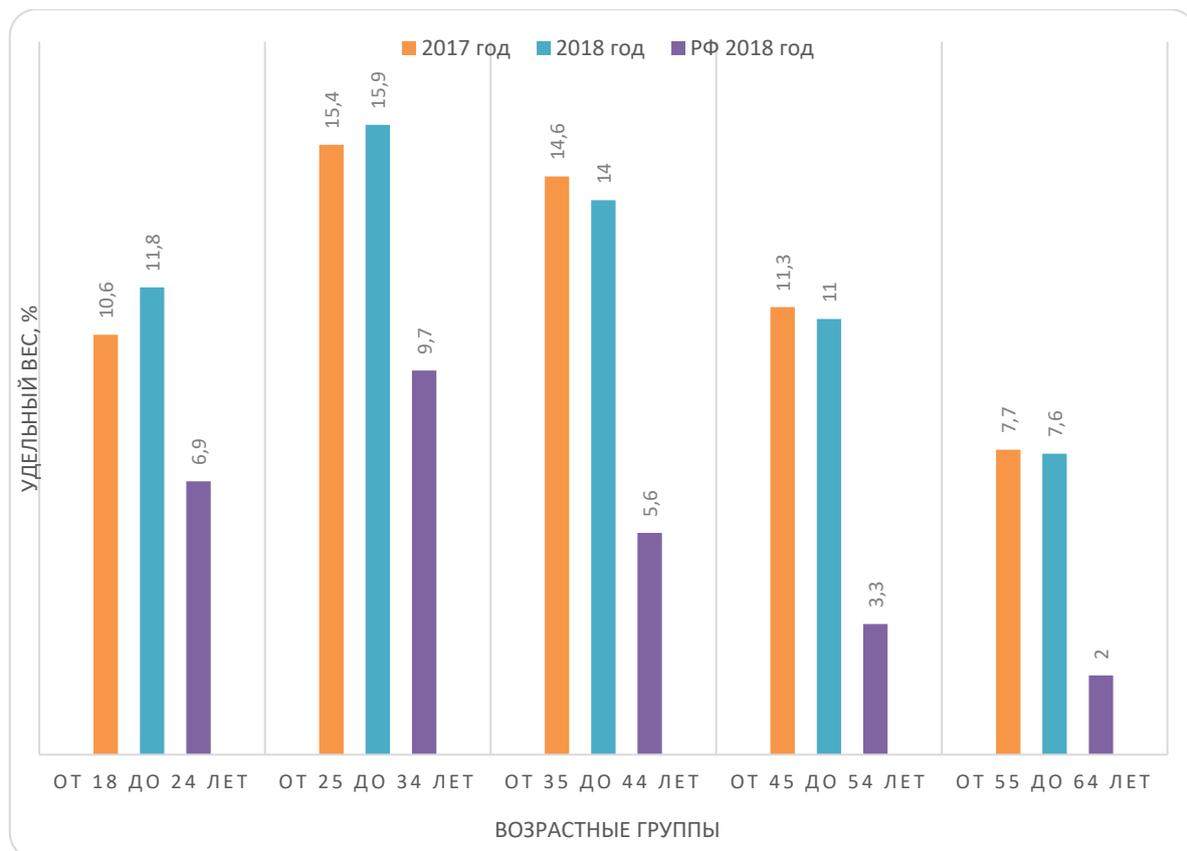

Рис. Распределение удельных весов ранних предпринимателей по возрастным группам
 Fig. Distribution of cross sections of early entrepreneurs according to age groups

Как указано в работе (Верховская, Александрова, 2017), схожие тенденции распределения доли ранних предпринимателей, относящихся к пяти возрастным группам, отмечались в России 2014 и 2016 годах. На наш взгляд, низкий уровень рассматриваемого показателя в диапазоне от 45 до 64 лет в России обусловлен отсутствием у большинства населения этих возрастных категорий необходимых предпринимателям знаний, а также сложившимся менталитетом. Можно предположить, что большинство людей старшего поколения, которые выросли в условиях социалистической (не рыночной) экономики, где инициатива была наказуема, не только морально не готовы к созданию собственного бизнеса, но и оказывают отрицательное влияние на своих более молодых родственников.

Приведенный анализ показал, что гипотеза 2 получила частичное подтвержде-

ние. Так она выполняется для средних значений ранней предпринимательской активности по рассматриваемым странам. Однако, по данным, характеризующим распределение по возрастным группам начинающих предпринимателей в России, она не получила подтверждения.

Заключение (Conclusions). В целом проведенное исследование имеет определенную оригинальность и новизну. Оно вносит вклад в понимание сложившихся к настоящему времени закономерностей и тенденций ранней предпринимательской активности по различным возрастным категориям.

Для получения несмещенных оценок средних значений и интервалов изменения ранней предпринимательской активности по рассматриваемым странам было проведено экономико-математическое моделирование эмпирических данных с использованием функций нормального распределения.

Результаты исследования, обладающие научной новизной, следующие:

- выполнена оценка сложившихся значений удельных весов ранних предпринимателей во взрослом населении по возрастным группам с применением функций нормального распределения;

- доказано высокое качество аппроксимации эмпирических данных математическими моделями (1)-(10);

- определены средние величины удельных весов ранних предпринимателей по пяти возрастным группам по данным за 2017 и 2018 годы;

- определен диапазон изменения удельных весов начинающих предпринимателей в общей численности населения, характерный для большинства стран;

- показано преобладание доли ранних предпринимателей, возраст которых составляет от 25 до 44 лет;

- доказана существенная дифференциация рассматриваемых показателей по странам;

- проведено ранжирование стран в зависимости от сложившихся к настоящему времени уровней ранней предпринимательской активности, установлены страны с высокими и низкими долями ранних предпринимателей в численности населения по пяти возрастным группам;

- показано существенное отличие распределения рассматриваемых показателей по российским данным и от средних значений по другим странам.

- доказано отсутствие структурных сдвигов в средних значениях удельных весов ранних предпринимателей в общей численности взрослого населения за период с 2017 по 2018 год.

Предложенный в статье методический подход и инструменты оценки ранней предпринимательской активности по возрастным категориям могут быть использованы в научных исследованиях по проблемам предпринимательства, а также при обосновании программ развития этого сектора экономики на федеральном, региональной и муниципальном уровнях.

Практическое значение проведенных исследований связано с использованием полученной информации в деятельности органов власти и предпринимательского сектора национальной экономики. Полученные результаты, могут быть использованы органами государственного управления для разработки политики развития предпринимательства исходя из сложившейся в России, и ее отдельных регионах, возрастной структуры населения. Речь идет о реализации мероприятий в рамках Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, в том числе оказания помощи отдельным категориям начинающих предпринимателей, в том числе на основе предоставления грантов, субсидий, снижения процентов по кредитам. Для начинающих предпринимателей представляет интерес информация о факторах, оказывающих влияние на возможность создать свой бизнес.

Полученные новые знания могут быть использованы в высших и средних учебных учреждениях, а также при повышении квалификации работников подразделений органов власти, которые имеют отношение к регулированию предпринимательства в нашей стране.

Список литературы

Абросимова А. А. Отношение предпринимателей различных возрастных групп к инновационной деятельности // Экономика и управление. 2011. № 12-2. С. 122-126.

Верховская О. Р. Факторы формирования нарождающегося предпринимательства: особенности России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент. 2009. № 2. С. 32-52.

Верховская О. Р., Александрова Е. А. Предпринимательская активность в России: результаты проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» 2006-2016 // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15, № 1. С. 3-26.

Пиньковецкая Ю. С. Моделирование показателей деятельности малого и среднего предпринимательства в регионах с использо-

ванием функции плотности нормального распределения // Проблемы развития территории. 2015. № 6(80). С. 93-107.

Пиньковецкая Ю. С. Оценка удельных инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 2. С. 12-18.

Потехина И. П., Чижев Д. В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 3-23.

Рябцев В. М., Чудилина Г. И. Региональная статистика. М.: МИД, 2001.

Смирнова А. В. Вовлечение лиц старшего возраста в предпринимательскую деятельность в связи с пенсионной реформой Российской Федерации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 1 (119). С. 396-399.

Шайхутдинова А. К. Предпринимательский потенциал Казахстана // Вестник университета Туран. 2018. № 1 (77). С. 38-45.

Acs Z. J., Naudé W. Entrepreneurship, stages of development, and industrialization // MERIT Working Papers 021. United Nations University – Maastricht Economic and Social Research Institute on Innovation and Technology (MERIT). 2012.

Azoulay P., Jones B., Kim J. D., Miranda J. Age and High-Growth Entrepreneurship // NBER Working Paper. April 2018. № 24489. URL: <https://www.nber.org/papers/w24489.pdf> (дата обращения: 15.12.2018).

Bates T. Self-Employment Entry across Industry Groups // Journal of Business Venturing. 1995. № 10. P. 143-156.

Bergmann H., Sternberg R. The Changing Face of Entrepreneurship in Germany // Small Business Economics. 2007. № 28. P. 205-221.

Bosma N., Jones K., Autio E., Levie J. Global Entrepreneurship Monitor 2007. Executive Report. Babson Park, MA: Babson College, 2008.

Botham R., Graves A. The grey economy: How third age entrepreneurs are contributing to growth. Nesta, 2009.

Global Entrepreneurship Monitor 2018-2019. Global Entrepreneurship Research Association (GERA). 2019.

Global Entrepreneurship Monitor 2017-2018. Global Entrepreneurship Research Association (GERA). 2018.

Chepurenko, A. Y. Combining a universal concept with national characteristics: support of small and medium enterprises // Issues of state and municipal management. 2017. № 1. P. 7-30.

Decker R., Haltiwanger J., Jarmin R., Miranda J. The Role of Entrepreneurship in US Job Creation and Economic Dynamism // Journal of Economic Perspectives. 2014. № 28(3). P. 3-24.

Grewal R., Tansuhaj P. Building Organizational Capabilities for Managing Economic Crisis: The Role of Market Orientation and Strategic Flexibility // Journal of Marketing. 2001. № 65. P. 67-80.

Karadeniz E., Ozfam A. Entrepreneurship in Turkey and Developing countries', a comparison of Activities, Characteristics, Motivation and Environment for Entrepreneurship // MIBES Transactions. 2009. № 3(1). P. 30-45.

Litan R.E., Schramm C. Better Capitalism: Renewing the Entrepreneurial Strength of the American Economy. New Haven: Yale University Press, 2012.

Lopez L., Hiebl M. Management Accounting in Small and Medium-sized Enterprises: Current Knowledge and Avenues for Further Research // Journal of Management Accounting Research. 2015. № 27(1). P. 81-119.

Parker S. The Economics of Entrepreneurship. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Raposo M., do Paço A., Ferreira J. Entrepreneur's profile: a taxonomy of attributes and motivations of university students // Journal of Small Business and Enterprise Development. 2008. № 15(2). P. 405-415.

Reynolds P. D., Bygrave W. D., Autio E., Cox L. W., Hay M. Global Entrepreneurship Monitor, 2002. Executive Report. London: Babson College, London Business School and Kauffman Foundation, 2002.

Hipple S. F. Self-employment in the United States // Monthly Labor Review. 2010.

Welter F., Rosenblatt B. Der Schritt in die Selbständigkeit, Gründungsneigung und Gründungsfaehigkeit in Deutschland // Internationales Gewerbearchiv. 1998. № 46. P. 37-48.

Wiklund J., Shepherd D. Knowledge Based Resources, Entrepreneurial Orientation and Performance of Small and Medium Sized Businesses // Strategic Management Journal. 2003. № 24. P. 87-99.

Zahra S.A. Predictors and Financial Outcomes of Corporate Entrepreneurship: An Exploratory Study // *Journal of Business Venturing*. 1991. № 6. P. 259-285.

References

Abrosimova, A. A. (2011), "Attitude of entrepreneurs of different age groups to innovation activity", *Economics and management*, (12-2), 122-126. (In Russian).

Verkhovskaya, O. R. (2009), "Factors of Formation of Emerging Entrepreneurship: Features of Russia", *Bulletin of St. Petersburg University. Series 8: Management*, (2), 32-52. (In Russian).

Verkhovskaya, O. R. and Alexandrova, E. A. (2017), "Entrepreneurial activity in Russia: results of the Global Entrepreneurship Monitoring project 2006-2016", *Russian Management Journal*, 15(1), 3-26. (In Russian).

Pinkovetskaya, Yu. S. (2015), "Modeling the performance indicators of small and medium enterprises in the regions using the density function of normal distribution", *Problems of development of the territory*, (6), 93-107. (In Russian).

Pinkovetskaya, Yu. S. (2018), "Assessment of specific investments in fixed assets of small and medium enterprises", *Scientific journal NIU ITMO. Series: Economics and Environmental Management*, (2), 12-18. (In Russian).

Potekhina, I. P. and Chizhov, D. V. (2016), "The potential of the older generation as a component of national human capital (based on research in the regions of the Central Federal District)", *Monitoring of public opinion. Economic and social changes*, (2), 3-23. (In Russian).

Ryabtsev, V. M. and Chudilina, G. I. (2001), *Regional statistics*, MID, Moscow, Russia. (In Russian).

Smirnova, A. V. (2019), "The involvement of older persons in entrepreneurial activity in connection with the pension reform of the Russian Federation", *Management of economic systems: electronic scientific journal*, (1), 396-399. (In Russian).

Shaikhutdinova, A. K. (2018), "Entrepreneurial potential of the Kazakhstan society", *Bulletin of the University of Turan*, (1), 38-45. (In Russian).

Acs, Z. J. and Naudé W. (2012), "Entrepreneurship, stages of development, and industrialization", *MERIT Working Papers 021*, United Nations University – Maastricht Economic and So-

cial Research Institute on Innovation and Technology (MERIT).

Azoulay, P., Jones, B., Kim, J. D. and Miranda, J. (2018), "Age and High-Growth Entrepreneurship", *NBER Working Paper*. 24489, [Online], available at: <https://www.nber.org/papers/w24489.pdf> (Accessed 15 December 2018).

Bates, T. (1995), "Self-Employment Entry across Industry Groups", *Journal of Business Venturing*, (10), 143-156.

Bergmann, H. and Sternberg, R. (2007), "The Changing Face of Entrepreneurship in Germany", *Small Business Economics*, (28), 205-221.

Bosma, N., Jones, K., Autio, E. and Levie, J. (2008), *Global Entrepreneurship Monitor 2007*, Executive Report, Babson College, Babson Park, MA.

Botham, R. and Graves, A. (2009), *The grey economy: How third age entrepreneurs are contributing to growth*, Nesta.

Global Entrepreneurship Monitor 2018-2019, (2019), Global Entrepreneurship Research Association (GERA).

Global Entrepreneurship Monitor 2017-2018, (2018), Global Entrepreneurship Research Association (GERA).

Chepurensko, A. Y. (2017), "Combining a universal concept with national characteristics: support of small and medium enterprises", *Issues of state and municipal management*, (1), 7-30.

Decker, R., Haltiwanger, J., Jarmin, R. and Miranda, J. (2014), "The Role of Entrepreneurship in US Job Creation and Economic Dynamism", *Journal of Economic Perspectives*, (28), 3-24.

Grewal, R. and Tansuhaj, P. (2001), "Building Organizational Capabilities for Managing Economic Crisis: The Role of Market Orientation and Strategic Flexibility", *Journal of Marketing*, (65), 67-80.

Karadeniz, E. and Ozfam, A. (2009), "Entrepreneurship in Turkey and Developing countries', a comparison of Activities, Characteristics, Motivation and Environment for Entrepreneurship", *MIBES Transactions*, (3), 30-45.

Litan, R. E. and Schramm, C. (2012), *Better Capitalism: Renewing the Entrepreneurial Strength of the American Economy*, Yale University Press, New Haven.

Lopez, L. and Hiebl, M. (2015), "Management Accounting in Small and Medium-sized Enterprises: Current Knowledge and Avenues for

Further Research”, *Journal of Management Accounting Research*, (27), 81-119.

Parker, S. (2018), *The Economics of Entrepreneurship*, Cambridge University Press, Cambridge.

Raposo, M., do Paço, A. and Ferreira, J. (2008), “Entrepreneur's profile: a taxonomy of attributes and motivations of university students”, *Journal of Small Business and Enterprise Development*, (15), 405-415.

Reynolds, P. D., Bygrave, W. D., Autio, E., Cox, L. W. and Hay, M. (2002), *Global Entrepreneurship Monitor, 2002*, Executive Report, London Business School and Kauffman Foundation, Babson College, London, England.

Hipple, S. F. (2010), “Self-employment in the United States”, *Monthly Labor Review*.

Welter, F. and Rosenblatt, B. (1998), “Der Schritt in die Selbständigkeit, Gründungsneigung und Gründungsfaehigkeit in Deutschland”, *Internationales Gewerbearchiv*, (46), 37-48.

Wiklund, J. and Shepherd, D. (2003), “Knowledge Based Resources, Entrepreneurial Orientation and Performance of Small and Medium Sized Businesses”, *Strategic Management Journal*, (24), 87-99.

Zahra, S. A. (1991), “Predictors and Financial Outcomes of Corporate Entrepreneurship: An Exploratory Study”, *Journal of Business Venturing*, (6), 259-285.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Пиньковецкая Юлия Семеновна, кандидат экономических наук, доцент Ульяновского государственного университета.

Iuliia Semenovna Pinkovetskaia, PhD in Economics, Associate Professor, Ulyanovsk State University.

УДК 316;377

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-9

Ушаков Д. В.

**Измерение профессиональной самореализации
молодых преподавателей**

Государственное профессиональное образовательное учреждение
«Новокузнецкий педагогический колледж»
ул. 25 лет Октября, 1а, г. Новокузнецк, 654027, Россия
Dima_1983_24@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-8942-367X

*Статья поступила 24 августа 2019 г.; принята 2 марта 2020 г.;
опубликована 30 марта 2020 г.*

Аннотация. Современная система образования культивирует успехозависимость у всех участников образовательного процесса. Необходимость постоянно оправдывать рейтинг образовательных учреждений заставляет администрацию мотивировать работников к участию в бесконечной череде рейтинговых мероприятий. В попытках занять ведущие позиции в рейтинге образовательных учреждений, в веренице конкурсных и отчётных мероприятий исчезает подлинное значение и смысл педагогической профессии. Погоня за рейтинговыми «показателями» связана с «профессиональным выгоранием», потерей интереса к профессиональной деятельности, постоянной усталостью от общения с сослуживцами и обучающимися, проблемам со здоровьем и утратой жизненной энергии. Постоянное стремление к успеху в реализации своей профессиональной функции приводит к утрате логики следования главному смыслу педагогического труда – воспитания молодого поколения. Безусловно, ведущие позиции в рейтингах имеют мало общего с удовлетворенностью от педагогической профессии. Процессы самореализации – источник творческой удовлетворенности и ресурсов для профессиональной деятельности преподавателя. Эти процессы трудно поддаются измерениям в силу их латентности и субъективности интерпретаций. Исследовательская задача – разработка методики оценки процессов самореализации – решалась с помощью использования комбинации техник качественно-количественного анализа. Цель исследования – измерение профессиональной самореализации преподавателей как результат применения технологии ресурсосберегающего типа. Такая технология воспроизводима, является инструментом адаптации молодых преподавателей к педагогической профессии.

Разработанный автором гибридный исследовательский комплекс составлен из методов включённого наблюдения, глубинного интервью, опроса экспертов, контент-анализа нормативных документов. Результаты исследования показали противоречивость требований к «успеху» профессиональной деятельности преподавателя. Эмпирически подтверждено, что рейтинги и выполнение «показателей» являются барьерами для процессов самореализации, приводят к профессиональному выгоранию людей.

Ключевые слова: профессиональная самореализация; профессиональный успех; технологии профессиональной самореализации, ресурсосберегающие (бережливые) технологии, количественно-качественный анализ.

Информация для цитирования: Ушаков Д. В. Измерение профессиональной самореализации молодых преподавателей // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, N 1. С. 106-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-9

Dmitry V. Ushakov

Estimating the young teachers' professional self-realization

State Professional Educational Institution "Novokuznetsk Pedagogical College"
1a, 25 let Oktyabrya St., Novokuznetsk, 654027, Russia
Dima_1983_24@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-8942-367X

*Received August 24, 2019; accepted March 02, 2020;
published March 30, 2020*

Abstract. In the modern system of education, all its participants suffer from what might be called "success addiction", cultivated by the system itself. Compelled to maintain constantly the rank of educational institutions, their administration pushes the employees to participate in endless series of rating events. In pursuit for leading positions in ranked lists, the true meaning of teacher's job gets lost. As a result, teachers are subject to "professional burnout", which involves loss of interest for professional activities, chronic fatigue from interacting with colleagues and students, health problems and vital energy decline. Striving for successful implementation of their professional functions, teachers risk to neglect the essence of their job – upbringing of the young generation. Actually, ratings have little to do with job satisfaction. The source for that is creative self-realization of a teacher, which also provides for his or her professional resourcefulness. However, the processes of self-realization are difficult to estimate due to their latency as well as to subjectivity of interpretations. The given research was undertaken to develop certain methods for assessing the processes of self-realization, with the use of combined techniques for qualitative/quantitative analysis. The ultimate purpose of the study is to estimate the young teachers' professional self-realization by means of a resource-saving technology. This technology, being reproducible, offers an adaptational tool, helping young teachers to adjust for the profession.

The hybrid research complex developed by the author includes such methods as participant observation, in-depth interview, expert survey, and content analysis of regulatory documents. The results of the study showed the inconsistency of the requirements for the "success" of the teacher's professional activities. It is empirically confirmed that ratings and "indicators" impede the self-realization processes and may trigger professional burnout.

Keywords: professional self-realization; professional success; technologies of professional self-realization, resource-saving (lean) technologies, qualitative/quantitative analysis

Information for citation: Ushakov, D. V. (2020), "Estimating the young teachers' professional self-realization", *Research Result. Sociology and management*, 6(1), 106-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-9

Введение (Introduction). Определяющую роль в представлении современников об успехе играет профессиональная успешность. Но обладание символами успеха не есть показатель удовлетворенности человеком своей жизнью. Личностный рост и показатели статуса имеют разную природу.

Образ жизненного успеха, склоняет к построению успешной карьеры. Это формирует модели поведения (в том числе и профессионального) с ориентацией на результат, а не на установку «исполненности» (В. Э. Франкл), удовлетворенности от профессиональной деятельности. Внешние символы успеха в ансамбле с внутренней неудовлетворенностью – симптомы «неконгруэнтности» (К. Роджерс) личности, проявляющейся во внутреннем конфликте, фрустрациях, соматических заболеваниях. Неудовлетворенность становится источником ощущения неблагополучия при общей видимости успешности. Вместе с тем, неуспех в профессиональной деятельности вызывает потерю уверенности в себе.

Это характерно для представителей педагогической профессии, ставших заложниками путаницы в современных трактовках и смыслах образования. Сегодня в этой сфере очевидна ориентация на демонстративность, наращивание «показателей эффективности» работы преподавателя, подчеркивается роль педагога в «предоставлении образовательной услуги». Ценность общения учителя с учениками (это заменяется или подменяется «интерактивными формами» работы в расширительном понимании), актуализация значимых качеств педагога, которые приносят основной смысл и удовлетворение от работы отходит на второй план. В российском профессиональном педагогическом сообществе сегодня культивируется представление об успешном профессионале как о человеке, смысл карьеры которого заключа-

ется в достижении высоких «показателей», побед в профессиональных конкурсах. Высокая результативность преподавателей приветствуется администрацией учебных заведений и оценивается как педагогический успех. На другой чаше весов – понимание работы преподавателя в смыслах трансляции опыта и знаний новым поколениям. Результат становится важнее смысла, достижения важнее творчества (Айзерман, 2013: 175-185).

Проблемной зоной становятся смыслы образования. Пространство коммуникаций по проблемам распространения знаний наполнилось обсуждением достижений; в сфере чувств любовь к учителям трансформировалась в смысл «эффективного профессионала», достойного занимать свое место, «образовательная услуга» заменила процесс трансляции опыта молодым поколениям. Это влечет за собой проблему понимания деятельности преподавателя, его самосознания в личностном и профессиональном аспектах. Высокая нагрузка и борьба «за результаты» делают проблематичными сохранение здоровья и самореализации человека. Очевидно смешение «типов социальности» (Т. Парсонс): учебное заведение трансформируется в элемент рынка, где учитель становится торговцем, по совместительству обладающим педагогическим знанием (Донских, Логунова, 2019: 60-71). Педагог начинает восприниматься обществом с позиции эффективности выполнения им определённых функций. Но функция не может быть благополучной или счастливой. Очевидно желание человека не функционировать, но испытывать чувство счастья (Логунова, Уткина, 2018: 63). Такое смешение акцентов в работе преподавателя дезориентирует участников процесса трансляции знаний. Сосредоточенность на успехе в выполнении «показателей» профессиональной эффективности сопряжена с эмоциональным вы-

горанием, ухудшением здоровья, разочарованием в профессии, хронической усталостью от общения с коллегами и учениками, утратой жизненной энергии.

Самореализация преподавателя становится процессом развития и самосохранения его личности. Это основа защиты здоровья и катализатор процессов личностного роста. Исследование проблемы профессиональной самореализации предполагает дискурс о социальных эффектах работы преподавателя и образования в целом. Вопросы эффективности преподавателя изменяют логику его работы, переводя обсуждение в русло производства и потребления. В этом формате сложно обсуждать условия, позволяющие оптимизировать нагрузку, стимулировать профессиональный рост, раскрытие творческого потенциала при сохранении ресурсов здоровья. Все определяется потребностями образовательных учреждений в признании своей целесообразности. Смыслы процесса самореализации входят в противоречие с требованиями «полезности» человека в организации. Преподаватель из учителя, осуществляющего миссию служения делу распространения знаний, превращается в обычного «человека организации». Такая его позиция осложняется опасностью прекарного положения: угрозой увольнения, «не прохождения по конкурсу» в случае невыполнения формальных показателей.

Самореализация преподавателя – это выбор творческого пути профессионально-статусного и личностного становления, связанное с чувством самовоплощения. Этот процесс обеспечивает здоровье, дает энергетическую подпитку от удовлетворения своим делом, защиту от эмоционального выгорания. Самореализация способствует формированию особого профессионального почерка. Успешный профессионал гармонично сочетает высокие результаты в профессиональной деятельности и внутренний личностный рост, правильно расставляя приоритеты, определяет наиболее важные цели, сохраняя силы и здоровье.

В основе понимания процесса само-

реализации лежит идея обретения человеком баланса между исполнением социальных ролей и возможностью сохранить индивидуальность. В рамках теории социальной роли (Дж. Г. Мид, Ч. Кули, Дж. Морено) и постулатов гуманистической психологии (К. Роджерс, А. Маслоу, В. Франкл) изучается связь процессов самореализации и самоактуализации в качестве источников личностного успеха без зависимости от символов успешности. К. Гольдштейн обосновал «самореализацию» и «самоактуализацию» в качестве синонимов. Проблема самореализации осмысливается в качестве духовной активности личности в смыслах интроспекции, самопонимания, эмпатии (В. Дильтей); самотранценденции, способа обретения смысла жизни, смыслов деятельности (В. Э. Франкл); результата самопознания личности (К. А. Абульханова-Славская, И. С. Кон); воплощение личностью осознанных ею ценностей в деятельности (Л. Н. Коган). Итак, самореализация – это процесс творческого самовоплощения, успешность которого можно оценивать по внешним проявлениям, выражающимся в социальном признании.

Опираясь на эти методологические позиции, мы рассматриваем самореализацию как внутреннюю свободу человека принимать решения о направлении профессионального развития, возможность достижения успеха в процессах самостановления. В качестве социального процесса самореализация может выглядеть технологией бережливого (здоровьесберегающего, ресурсосберегающего типа). Это означает воспроизводимость, этапность, тиражируемость позитивных результатов применения технологии. Таким образом, умозрительность процессов самостановления приобретает социальные характеристики, становится доступной измерению и корректировке (Логунова, Уткина, Ковалёнок, Ушаков, 2019: 26-27).

Первый этап – диагностика предполагает измерение с помощью сопоставления внешних оценок успешности (статус,

звания, оплата труда, победы в профессиональных конкурсах и т. п.) с самооценкой удовлетворенности человека своей профессиональной деятельностью. Исследование самореализации молодых преподавателей при экспериментальном внедрении социальной технологии ресурсосберегающего типа проводилось нами в Государственном профессиональном образовательном учреждении «Новокузнецкий педагогический колледж» (ГПОУ НПК, г. Новокузнецк, качественно-количественный анализ, 2017-2018 гг.).

Методология и методы (Methodology and methods). Проблема измерения процессов самореализации преподавателей заключается в латентности их протекания и субъективности оценки. Это процессы экзистенциального характера, которые трудно отследить и эмпирически измерить. Соединение техник качественно-количественного анализа решало задачу соединения внешней оценки и самооценки процесса самореализации преподавателями. Исследуемая группа 8 человек была выбрана методом квотной выборки (критерии: возраст до 35 лет, стаж работы в системе образования не более 10 лет, высшее образование). Группу «экспертов» для внешней оценки составили представители администрации колледжа (8 чел.) и студентов (25 чел.). Сопоставлялись числовые и смысловые показатели измерения, отображающие особенности самореализационных процессов. В центре оценки самореализации преподавателей – смыслы понимания успеха педагогической деятельности, отношение к требованиям выполнения «показателей».

Количественные показатели получены с использованием следующих методов: анализ документов (оценочные листы преподавателей – 32 документа); контент-анализ нормативно-правовых документов, изданных на разных уровнях управления образованием, определяющих профессиональные требования к педагогам (5 документов); анкетный опрос администрации образовательного учреждения и обучаю-

щихся. Результаты применения техник качественного анализа получены с помощью включенного наблюдения, глубинного интервью с преподавателями колледжа.

«Очевидные» показатели (награды, звание, победы в профессиональных конкурсах, количество научных публикаций) сопоставлялись с оценками коллег и студентов, касающиеся вопросов уважения, доверия к молодым преподавателям, в свою очередь демонстрировали различные интерпретации ролевых ожиданий окружающих и собственное понимание смыслов педагогической деятельности. Мы искали точки соприкосновения и противоречий в интерпретациях и оценках работы. Эмпирические данные, полученные в результате комбинаторики методов и техник, мы сгруппировали в три условных уровня самореализации преподавателей.

Условный средний уровень – удовлетворительные показатели здоровья, эмоционального самочувствия, эмоциональный комфорт при выполнении профессиональных обязанностей, ровные отношения со студентами и коллегами, участие в конкурсах, публикации.

Условный высокий уровень – хорошие показатели здоровья; удовлетворенность от профессии, эмоциональный комфорт, высокая оценка студентами профессиональных и личных качеств преподавателя, поддержка администрацией, награды за успехи в трудовой деятельности, победы в конкурсах, выигранные гранты, публикации.

Условный низкий уровень – критические показатели здоровья (жалобы на плохое самочувствие, постоянную усталость и слабость, частые болезни); конфликты со студентами; удовлетворительная оценка со стороны администрации.

На следующем этапе применения ресурсосберегающей технологии решалась задача управленческой поддержки преподавателей с высоким уровнем самореализации, укрепление позиций преподавателей с условным средним уровнем, помощь преподавателям с условным низким уровнем самореализации. Это означает воз-

возможность перераспределения нагрузки, возможность выбора предпочтительных форм и видов преподавательской работы. Смысл управления – не в контроле и стимулирующих/карающих санкциях, но в создании условий для комфортного выполнения людьми профессиональных обязанностей.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализ нормативно-правовых документов показал, что требования высоких статусных достижений и побед в профессиональных конкурсах отсутствуют в нормативно-правовых документах на федеральном уровне. К примеру, Закон «Об образовании в Российской Федерации» предписывает систематическое повышение профессионального уровня и «регулярное прохождение аттестации в порядке, установленном законодательством об образовании»¹. Закон не обязывает преподавателя участвовать в профессиональных конкурсах, получать гранты и государственные награды. Преподаватель может это делать по собственной инициативе и в тех направлениях, какие сам определит. Требования выполнения «показателей» появляется в виде интерпретаций министерских документов на уровне областного Департамента образования и науки, которые расширяются на уровне городских отделов образования. Инструкции содержат наборы «показателей», на основе которых и происходит формирование рейтинга учебного заведения². Оплата труда и руководства учреждения и преподавателя напрямую зависит от выполнения этих показателей. В ло-

кальных нормативно-правовых документах образовательной организации показатели фиксируются в приказах, определяя структуру «оценочных листов преподавателя». Анализ документов выявил, что показатели, прописанные в оценочных листах преподавателей ГПОУ НПК практически повторяют регламенты, указанные в положении о рейтинге профессиональных образовательных организаций, подведомственных Департаменту образования и науки. Основная задача этих требований – сформировать рейтинг образовательных учреждений и сконцентрировать усилия преподавателей на работе, связанной с его повышением.

Попытки оценивать работу преподавателей с позиции выполнения тех или иных показателей эффективности обречены на неудачу. Накопленный в высшей школе опыт применения подобного подхода привёл к противоречивым результатам. С приходом эффективных контрактов в учреждения высшего образования фактически был нанесён «удар по остаткам чудом уцелевшей автономии учёных и профессорско-преподавательскому корпусу». Сегодня преподавателей одолевает постоянная гнетущая тревога, связанная с боязнью не переизбраться. «Эффективные менеджеры» с легкостью избавляются от работников, не вписавшихся в формат нововведений. Поэтому сотрудникам кафедр приходится заниматься не наукой и преподаванием, а приводить личное дело и текущую фазу послужного списка в порядок, то есть в соответствие с ожиданиями управленцев. Реальный вклад в науку того или иного работника и его педагогическое мастерство как компоненты фактической репутации мало кого интересуют» (Кулешова, Подвойский, 2018: 169-210).

Установка на задачи профессиональной деятельности преподавателей, требующие наращивания активности профессиональной деятельности без расчета нормативов времени для выполнения указанных видов работы, нагрузки, выполняемой человеком в образовательном учреждении,

¹Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Ст. 48. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/2974> (дата обращения: 28.10.2019).

²Приказ Департамента образования и науки Кемеровской области «О рейтинговой оценке подведомственных профессиональных образовательных организаций». URL: http://www.krirpo.ru/activity-2/monitoring/reitingPOO/docs/polozhenie_23.01.2018.pdf (дата обращения: 28.10.2018).

повышения имиджа противоречит принципу гуманного отношения к работнику, конфликтует с целью процесса образования. «Погоня» за высокими «профессиональными» результатами становится одной из основных причин высокой нагрузки, приводящей к истощению жизненных и эмоциональных ресурсов молодых преподавателей.

Индикаторы для анализа эмпирических данных мы разделили на три группы. *Первая группа* включает в себя социально значимые критерии (успешность педагогического труда), сопряженные с «очевидными» показателями. *Вторая группа* – профессионально значимые критерии (уровень профессионального мастерства, уважение студентов, оценка руководства, отношение с коллегами). *Третья группа* критериев основана на личностно значимых показателях (здоровье, удовлетворительное эмоциональное состояние, эмоциональный комфорт при выполнении профессиональных обязанностей, удовлетворенность от процесса и результата педагогической деятельности).

Результаты включенного наблюдения свидетельствуют о том, что молодые преподаватели, имеющие высокий рейтинг симпатий у руководства, берут дополнительные обязанности (участие в профессиональных конкурсах, внеаудиторная воспитательная работа, участие в работе методических объединений). Это вынужденная необходимость с целью зарекомендовать себя как хороших сотрудников, получить положительные отзывы со стороны руководства. Но такая активность приводит к хронической усталости, ухудшению здоровья, разочарованию в профессии. *«Какая может быть самореализация!? Я не знаю, хватит ли сил мне в 26 лет выдерживать нагрузку 36 часов в неделю! Самореализация была бы, если бы у меня оставалось немного свободного времени, а за ставку мне платили бы заработную плату, хотя бы равную МРОТ»*, – жалуется в интервью молодой мужчина.

Чем выше была оценка одобрения у администрации колледжа, тем более низ-

кие оценки респондент получал у коллег и студентов. И наоборот, преподаватели, имеющие высокий уровень профессиональной самореализации, в рейтинге симпатий администрации занимали не самые высокие позиции. Так, двое преподавателей получивших самые низкие оценки со стороны администрации, не имеющих особых профессиональных достижений и выполняющих требования администрации без особого рвения, заняли ведущие позиции в рейтинге симпатий студентов, которые оценили их профессиональные и, особенно, личные качества очень высоко. Лидеры рейтинга, симпатий администрации не заняли высоких позиций у студентов. Если акценты профессиональной деятельности смещаются в сторону выполнения требований администрации, на работу со студентами остается мало времени.

Зависимость от оценки администрации проявилась в интервью. Преподаватели сообщали, что начинают чувствовать себя дискомфортно, если администрация выражает неудовольствие их работой. На вопрос *«Что в профессиональной деятельности приносит вам самые неприятные эмоции или заставляет вас переживать?»*, звучали такие ответы: *«Когда мной недоволен руководитель, я всегда сильно переживаю»; «Документация, большое количество бумаг, забирает всё моё время. Очень боюсь разочаровать начальство»*. Такая зависимость от ожиданий администрации приводит к беспокойству по поводу своей успешности, не к удовлетворению от своей профессиональной деятельности. *«Полностью отдаюсь своей работе. Но ощущение, что, сколько бы я не перерабатывал, я всё равно ничего не успею. Я всегда что-то не успеваю, всегда что-то не сделал или сделал плохо, или вообще не так! Я всегда в чем-то виноват! Такая работа просто съедает меня!»*.

Результаты интервью показывают, что преподаватели имеют нечеткие или искажённые представления о самореализации: *«Что такое самореализация? Вообще я не знаю, я думаю так: если ты что-то*

задумал, ты должен самореализовать это, сам найти ответы»; «Я думаю, самореализация – это реализация своих целей и желаний»; «Самореализация – это когда человек реализует свои планы, достигает свои цели. Вообще я об этом никогда не думала». Респонденты признавались, что не задумывались о важности самореализации, определяя смысл профессиональной деятельности как выполнение указаний начальства, получение со стороны администрации учебного заведения положительных отзывов о своей работе. «Какая самореализация! Я об этом вообще не думаю! Мне бы хоть половину успеть из того что я должна сделать!»; «Столько заданий, что не знаю с чего начать! Хочется просто сесть и вообще ничего не делать!».

Преподаватели отмечали, что основные силы они тратят на подготовку к учебным занятиям, выполнение требований, предъявляемых представителями администрации. При этом собственное профессиональное развитие уходит из приоритетов. «Я в полном отчаянии, я вообще не занимаюсь своей диссертацией. Из-за загруженности работой всё летит в пропасть! Я вынужден отложить самое важное для меня дело и заниматься непонятно чем. Такое ощущение, что я себе изменяю, обманываю себя! И, в конце концов, я себя потеряю!».

В процессе включённого наблюдения установлено, что из 8 преподавателей, занимающихся в колледже научной работой, поступивших в аспирантуру, только двое защитили диссертацию, остальные были вынуждены из-за загруженности оставить написание диссертации.

Респонденты условного среднего и низкого уровня были недовольны своей работой, жаловались на загруженность, усталость. «После рабочего дня сил хватает на то, чтобы дойти до дома и просто лечь спать. Я не понимаю, для чего я работаю. Постоянно работая на результат, тратя своё личное время для подготовки студентов, выматываясь, подчиняя всю

свою жизнь работе, ощущаешь, что эта работа не нужна никому, никто её не замечает».

Респонденты, имеющие условно высокий уровень профессиональной самореализации, конкретизировали приоритеты в выборе видов деятельности: активное самообразование, обучение в высших учебных заведениях. Как правило, они имеют подработку в других образовательных учреждениях, занимаются собственными бизнес-проектами, сохраняя хороший уровень работоспособности. Внутренняя независимость этих преподавателей выглядит, как отстраненность от дел педагогического коллектива. Эти респонденты отказывались выполнять работу, в которой не видели смысла, которая не соотносилась с их представлениями о миссии педагогической деятельности. Ресурсы для саморазвития, совершенствования профессиональных навыков сохранялись за счет игнорирования некоторых должностных обязанностей. Однако в случаях, когда цели администрации учреждения совпадали с их личными целями, преподаватели демонстрировали высокие профессиональные результаты.

Очевидно, что самореализация имеет смысл в слиянии внутреннего выбора человека и внешних требований. Так, среди респондентов были примеры успешного сочетания эффективной самореализации и получения удовольствия от выполнения показателей, устанавливаемых администрацией. Наблюдалась высокая работоспособность, хорошее самочувствие, активность, инициативность, желание проявить себя, прекрасные взаимоотношения с начальством. «Я считаю, что профессиональные конкурсы дают возможность показать себя, повысить своё профессиональное мастерство и предоставляют возможность карьерного роста». Но такие примеры являлись лишь исключением из правил, подчеркивая совершенно иное положение дел. Дальнейшая судьба преподавателей с условно высоким уровнем самореализации уже не связана с образова-

тельным учреждением: они ушли, создав свои частные студии. Это свидетельствует о выдавливании творческих людей из уже сточающейся организационной структуры образовательного учреждения.

Заключение (Conclusions). Таким образом, самореализация – это многофункциональный процесс, стимулирующий саморазвитие профессиональных качеств молодого преподавателя, защищающий здоровье и жизненные ресурсы человека от истощения. Можно определить его как источник творческих сил. С другой стороны, процессы профессиональной самореализации нуждаются в управленческой поддержке и социологическом сопровождении. В таком аспекте применение технологических приемов позволяет сделать эти процессы регуляторами творческой энергии и жизненных ресурсов преподавателя.

Процесс самореализации может быть оформлен в технологию ресурсосберегающего типа. Такие технологии путем тиражирования высвобождают ресурсы человека для решения творческих задач, благодаря воспроизводимости рутинных операций профессиональной деятельности, сокращению времени, необходимого для их освоения. Они основаны на свободе выбора форм и смыслов профессиональной деятельности. Личностная ориентированность таких технологий основана на самонастройке деятельности по отношению к разным условно выделенным уровням процесса самореализации (перераспределение нагрузки в пользу общения с учениками или участия в наращивании рейтинговых показателей).

Процесс самореализации поддается социологическим измерениям с помощью комбинирования методов в формате количественно-качественного подхода, техники которого фиксируют «очевидные» (количественные характеристики) объекта при сохранении субъективных оценок респондентов.

Потенциал процесса профессиональной самореализации возвращает образова-

ние к своему изначальному смыслу: трансляции знаний молодому поколению. Это основа, заложенная в самой социальной практике. Или педагог служит цели распространения знаний, или работает на организацию, осуществляющую предоставление «образовательных услуг». Во втором случае самореализация затруднительна. Человек лишается права свободного выбора форм профессиональной деятельности, кроме обозначенных инструкциями и интерпретациями законов. Успешный преподаватель – это функционер, выполняющий требования администрации, независимо от собственных желаний и осмысления их значимости в своей профессии. Нагрузка, связанная с выполнением «показателей», смещает смыслы преподавательской деятельности в сторону поддержки организационных структур учебных учреждений, отдаляя от ценностей обучения – трансляции опыта и знаний младшим поколениям, помощь в социализации ученикам. Из поля рефлексии администраций выпадает факт, что центральным звеном в процессе образования является взаимодействие учителя и учеников, а не высокие показатели работы сотрудников.

Гипотеза о «неудобности» самореализующихся педагогов подтверждается результатами исследования. Чем ближе преподаватель к студентам, чем больше он проводит с ними времени в аудиториях и во внеаудиторных занятиях, тем больше у него авторитета среди учеников. Но это не дает ему возможности наращивать рейтинг, установленный рамками показателей, подтверждающих высокий рейтинг образовательного учреждения. Если экстраполировать этот вывод, то получаем следующее: чем выше рейтинг образовательного учреждения, тем более жестко относится администрация к своим кадрам, тем менее довольны студенты общением со своими преподавателями.

Высокие результаты респондентов в социальных, профессиональных и личностных группах показателей имеют прямую корреляцию с низким и средним

уровнем профессиональной самореализации преподавателей. Респонденты, показывающие такие результаты, направляли все свои силы на работу в интересах руководства образовательного учреждения, фактически обслуживая потребности организации ценой эмоционального выгорания. Высокий уровень профессиональной самореализации свидетельствовал о концентрации на собственных профессиональных задачах, удовлетворенности и высокой результативности преподавателя.

Список литературы

- Айзерман Л. Результат и качество // Знамя. 2013. № 8. С. 175-185.
- Благополучие человека в многообразии научных подходов: монография / под общ. ред. Н. А. Гафнер. Западный: Научно-исследовательский центр «АнтроВита», 2018. 246 с. URL: <http://soc-is.ru/wp-content/uploads/Благополучие-человека-в-многообразии-научных-подходов.pdf>. (дата обращения: 17.12.2019).
- Донских О. А., Логунова Л. Ю. Учитель и ученик: счастье человеческого общения // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 4. С. 60-71.
- Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- Маслоу А. Г. Мотивация и личность. Пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
- Роджерс К. Р. Становление личности: Взгляд на психотерапию. Пер. с англ. Е. И. Исениной. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 416 с.
- Технологии благополучия деятельности преподавателя: проблемы измерения и понимания / Л. Ю. Логунова, А. Н. Уткина, Я. Г. Ковалёнок, Д. В. Ушаков // *Artium magister*. 2019. Т. 19, № 1. С. 21-30.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 2011. 372 с.
- Франкл В. Воля к смыслу. Пер. с англ. Л. Гурьева. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 368 с.
- Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169-210.

References

- Ajzerman, L. (2013), "Result and Quality", *Znamya*, 8, 175-185. (In Russian).
- Human well-being in a variety of scientific approaches*, (2018), in Gafner, N. A., Nauchno-issledovatel'skiy tsentr «AntroVita», Zapadny [Online], available at: <http://soc-is.ru/wp-content/uploads/Благополучие-человека-в-многообразии-научных-подходов.pdf> (Accessed 17 December 2019). (In Russian).
- Donskih, O. A. and Logunova, L. Ju. (2019), "Teacher and pupil: happiness of interaction", *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 28 (4), 60-71. (In Russian).
- Kon, I. S. (1984), *In search of self: personality and its identity*, Politizdat, Moscow, Russia. (In Russian).
- Maslow, A. (1999), *Motivation and Personality*, Translated by Gutman, T., Muhina, N., Evraziya, St. Petersburg, Russia. (In Russian).
- Rogers, K. (2000), *On becoming a person: A therapist's view of psychotherapy*, Translated by Iseninoy, E. I., Moscow, Russia. (In Russian).
- Logunova L. Ju., Utkina, A. N., Kovalenok, Ya. G., Ushakov, D. V. (2019), "Teacher Well-being Technologies: Measuring and Understanding Issues", *Artium magister*, 19 (1), 21-30. (In Russian).
- Frankl, V. (1990), *Man's Search for Meaning*, Progress, Moscow, Russia. (In Russian).
- Frankl, V. (2000), *Will to sense*, Translated by Gurev, L., April-Press, EKSMO-Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kuleshova, A. V. and Podvojskiy D. G. (2018), "Paradoxes of publication activity in the field of modern Russian science: genesis, diagnosis, trends", *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 4, 169-210. (In Russian).
- Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.**
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.
- Ушаков Дмитрий Владимирович**, преподаватель Государственного профессионального образовательного учреждения «Новокузнецкий педагогический колледж».
- Dmitry V. Ushakov**, Lecturer, State Professional Educational Institution "Novokuznetsk Pedagogical College".